

ОГОНЁК
№ 34 АВГУСТ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ХАРЬКОВА ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ.

За десять минувших лет в Харькове восстановлены жилые дома, общественные здания, разбиты новые скверы и парки.

Вверху: здание средней школы № 5 на улице Иванова.
Внизу: сквер на спуске имени Халтурина. На заднем плане — жилой дом.
Фото Б. Вдовенко.

На первой странице обложки: Передвижной буфет Ново-Кубанского сельпо на уборке в колхозе «Ленинский путь», Ново-Кубанского района, Краснодарского края.
Фото О. Кнорринга.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 34 (1367)

23 АВГУСТА 1953

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НАСЕЛЕНИЮ — ПЕРВОСОРТНЫЕ ТКАНИ

В нынешнем году советская промышленность выпустит шелковых тканей почти в шесть раз больше, чем в 1940 году. Пятый пятилетний план по выпуску шелковых тканей будет выполнен на два года раньше срока. В ряде районов страны сейчас ведется строительство новых фабрик, расширяются действующие предприятия шелковой промышленности. Строятся, в частности, крупные предприятия в Красноярске, Калинине, Бендерах, Наро-Фоминске. Только в Наро-Фоминске до конца нынешнего года в одном из цехов будет установлено более 600 станков.

Одновременно с ростом производства шелковых тканей принимаются меры к всемерному улучшению их качества и художественной отделки, ,к расширению ассортимента. Новые и реконструированные предприятия оснащаются первоклассной отечественной техникой.

К числу крупнейших предприятий этой отрасли промышленности относится московский шелкоткацкий и красильноотделочный комбинат «Красная Роза». Широкая программа увеличения выпуска товаров народного потребления, изложенная на пятой сессии Верховного Совета СССР, была воспринята на комбинате с огромным удовлетворением.

Приготовительный цех пополнился двумя новыми мотальными машинами. Уже в августе внедряется в производство 10 новых рисунков набивных тканей. В течение этого месяца коллектив комбината обязался выпустить сверх плана шелковых тканей: суровых — 30 тысяч метров и готовых — 80 тысяч метров. Значительно улучшается качество тканей, больше будет выпущено первосортных шелков. Одновременно во всех цехах принимаются меры к снижению себестоимости продукции.

На снимке вверху: в набивном цехе комбината «Красная Роза»; на первом плане — стахановка-набойщица Е. А. Коваленко; внизу: в столичном магазине № 1 Главтекстильторга продаются ткани комбината «Красная Роза».

Фото Е. Умнова.

МАСТЕР

И. ИРОШНИКОВА

Рисунки В. Высоцкого.

Дмитрий Алексеевич Косырев.

— Побеседуйте с Косыревым,— посоветовал мне начальник цеха,— растущий мастер, работает с перспективой и, главное, надо сказать, овладевает искусством руководства. — Он позвонил секретарше: — Попросите Косырева ко мне.

Косырев казался простым, озабоченным, деловитым.

— Представь себе, Дмитрий Алексеевич, что этот товарищ,— начальник указал на меня,— поступает к нам в цех мастером. Твоя задача — растолковать новому мастеру его обязанности, поделиться собственным опытом работы.

— Понятно,— говорит Косырев, приглядываясь ко мне.— Попробуем.

К делу он приступает сразу, не задавая никаких наводящих вопросов.

— Записывать будете?

— Кое-что запишу.

Дмитрий Алексеевич надевает очки, вынимает из бокового кармана спецовки пухлый, изрядно промаслившийся блокнот и, перелистывая его, находит нужную запись.

...Мы сидим в конторке сменного мастера. Она расположена в цехе так, что, находясь в ней, видишь отлично весь участок.

Ровные ряды друг против друга установленных станков. Девичьи головы в разноцветных, затейливо повязанных косынках мелькают над ними. Груженные кольцами и поковками, взад и вперед снуют в проходах тележки.

Звон перебрасываемого металла, гул работающих моторов, специфический запах испаряющихся смазочных масел — шумное, горячее дыхание завода.

— Разберемся сначала, в чем основные обязанности мастера,— говорит Косырев.— Запишем так: мастер должен обеспечить условия для работы... Нет, обождите,— прерывает он себя, что-то отмечая в блокноте,— здесь неточно: для высокопроизводительной работы каждого рабочего его смены. Понятно?

— Да.

Но Дмитрий Алексеевич в этом не уверен, он поясняет:

— Зачем рабочий приходит на завод? Работать и зарабатывать, так? Значит, я, как мастер, обязан обеспечить его исправным станком, поковками, инструментом, научить приемам работы, практически показать: «Ты, милая, поковки от себя справа клади. Почему? Да что же тебе полтора метра тянуться за ними в левую сторону? А так наклонилась и взяла, устанешь меньше, сделаешь больше...»

Разговаривая, Косырев не выпускает из виду участок. Вот он заметил что-то неладное и, прервав разговор, пошел к станкам.

— Вторая обязанность мастера,— продолжает Дмитрий Алексеевич, вернувшись,— вывести смену в передовые. Но как?

Он делает паузу, чтобы дать мне прочувствовать всю сложность этой задачи.

— Пишите,— говорит он наконец.— Первое условие — работа с людьми. Вы это место себе подчеркните, это основа всего. Второе... как бы выразиться понятнее для вас?.. Ну, ладно, скажу по-своему: второе условие — азарт. Вы этого пока не пишите, я поясню на примере, потом запишем. Возьмем хотя бы мастера...— Он называет фамилию.— Знаешь его?

— Знаю.

— Мастер опытный, немолодой и образования хватает. А смену свою в передовые не выведет никак. Где бы и с кем ни работал, только-только план выполняет. Если вам у него спросить: почему отстаешь, почему не выполняешь обязательства и весь коллектив держишь? Он вам сразу много причин найдет: сошлется на плохую подачу поковок, на станки, людей своих не похвалит,— одним словом, поделится опытом как отставать, но вы ни в коем случае ему не верьте. Работаем мы все при равных условиях. А почему отстает? Да потому, что азарта в нем нету.— Косырев как-то особенно, звонко, с нажимом произносит это слово «азарт».— А равнодушия чересчур много. Вот почему и работа с людьми у него хромает и метод руководства какой-то безрадостный. Все сам норовит, не ищет поддержки у людей.

Низкий, раскатывается над цехом гудок. Девушки выключают станки и, на ходу вытирая ветошью руки, пестрой, шумливой стайкой устремляются к выходу, поглядывая на нас веселыми, любопытствующими глазами.

— Обеденный перерыв,— поясняет Косырев.

— И вам, наверное, обедать пора? — спрашиваю я.

Дмитрий Алексеевич с укором глядит на меня.

— Это какой же мастер,— говорит он, неодобрительно покачивая головой,— пойдет обедать в одно время с рабочими? Как же это я с участка уйду, когда, может, у ней в станке,— он имеет в виду какую-то безымянную станочницу,— дефект обнаружился? Покуда она обедает — самое время устранить. Да и вообще лучше мастеру обождать, пока все с обеда вернутся, увериться, успокоиться, что все на местах, что работа идет. И люди чувствуют: есть контроль! Контроль — он не губит. Грубость губит,— убежденно говорит Дмитрий Алексеевич.— Грубость — дело последнее. Расстроить, обидеть человека очень легко, но уж тогда от него хорошей работы не жди. Это я изучил на опыте. А если к тому же обидишь несправедливо...— он безнадежно машет рукой.— Справедливость для мастера и вообще для руководителя — первое дело. Рабочий, он исполнитель, ты поставлен над ним, как же ты смеешь душой кривить?! — гневно сдвигает брови Дмитрий Алексеевич. Похоже, он имеет в виду нечто конкретное, о чем, однако, не хочет говорить.

— Ну, ладно,— обрывает он сам себя,— речь сейчас не об этом. Так вот, значит, я никогда не стремлюсь обругать человека. Я ему прямо-таки доказываю.

— И действует?

— Действует. Вот хоть у начальника цеха спроси, не было случая, чтобы я кого отчислил из смены. Здесь же, на месте, перевоспитываем, трудно — к народу обращаюсь.

Он задумывается.

— Хотя один случай у меня все же был. Пришлось отчислить из смены наладчика. Такой парнишка способный! Сам я его обучал наладке, сколько души в него было вложено!

Чувствуется, что ему тяжело вспоминать об этом.

— Правда, в работе этот наладчик был хорош, и мы его не раз отмечали, заработки высокие, премии, «молнии» про него вывешивали, но того не учли, что характером он оказался слабоват. Не выдержал своей славы. Стал допускать в работе грубость, станки налаживал больше по выбору, от одной станочницы сам не отходит, а другая не дозовется... Мы его во-время не одернули, и он, понимаешь, к тому же стал выпивать. Раз на работу в нетрезвом виде явился, другой... Я ему говорю: «Ты, Костя, если себя не уважаешь, то хоть народ уважай, коллектив...» Не действует. Никакой разговор на него не действует. Очень он к тому времени уверился в своих силах, а попросту говоря, зазнался. «Не нравлюсь,— говорит,— отчисляйте из смены. Авось, да не пропаду, как-нибудь». Это, конечно, в смысле насмешки, а сам ни за что не верил, что я от него откажусь. Знал он, как я надеялся на него, думал вырастить мастера. Ну, думаю, раз так, раз ты мне разлагаешь коллектив,— иди!

Косырев хмурится.— Верите, вот и сейчас переживаю. Недоработка моя! Упустил человека, не угадал. А человека надо растить и выращивать со вниманием и осторожностью.

Дмитрий Алексеевич снимает очки, откладывает блокнот и неторопливо продолжает:

— Ведь вот я задумываюсь иногда, как меня партия растила. Ну, что же, я пришел в тридцать пятом году на завод: специальности никакой, образование тоже не из высоких — четыре класса окончил в сельской школе. Работал станочником, работал, верно, неплохо. Однако, прямо скажем, ничего выдающегося во мне не было. Тем не менее руководство ко мне присматривается и предлагает вскоре идти наладчиком. А я не решаюсь, и вроде какое-то стеснение в душе. Парень я молодой, станочницы тогда все постарше были, кадровички, острые на язык. «Может, им,— говорю,— не понравится, что наладчик такой молодой, авторитета не будет?» Убедили меня, однако, пошел, подучился на курсах наладчиков, стал работать, и вскоре коллектив меня очень одобрил. Признали: способность есть, работает хорошо. Работаю я наладчиком, а уж ко мне партийное руководство приглядывается, хоть я в ту пору был еще беспартийный. Вызывают меня в партбюро, ставят передо мной посложнее задачу — предлагают работать мастером. «Нет,— говорю я,— не могу на это решиться. Это все же командовать участком, станков полсотни да несколько десятков людей, а у меня образование малое, боюсь,— говорю,— не получится». «Нет, почему же,— говорят,— мастер из тебя обязательно будет, и толковый, по всему видно. А насчет образования — так учиться, конечно, надо. От этого никуда не уйдешь».

Видите, как партия меня тогда угадала, а я, выходит, упустил человека.

Солнечные лучи врываются через стеклянный потолок, слепят глаза, отражаясь от блестящей поверхности колец множеством сверкающих зайчиков, разбегаются по цеху. Одна за другой возвращаются девушки. Значит, близится к концу обеденный перерыв.

— Так,— говорит Косырев и надевает очки, показывая этим, что неофициальная часть беседы окончена.— Запишем: мастер обя-

зан знать свой коллектив, изучить способности каждого, использовать их. Записала? Теперь я тебе из практики буду говорить, записывать этого не надо. Первым делом мастер должен подобрать машину под человека, под способность его, под характер. Как это надо понимать? Вот ты идешь, например, по цеху и видишь: одна станочница работает — душа радуется, а другая копается у станка. Ты глядишь на нее и соображаешь: у этой второй способность нерезвая, попросту говоря, нерасторопная она, а я ее на мелкие кольца поставил, где как раз нужна поворотливость: маленькое кольцо обрабатывается быстрее. Ну, думаю, тут я упустил. Машина может дать больше, а у работницы не хватает сноровки. Дальше идешь и видишь: работница, как огонь, а станок у нее тихоходный, она и рада бы больше взять, да машина не отдает. Не под ее характер эта машина. Как тут быть? Взять да и переставить их местами. Поясню на примере: не так давно работали у меня две станочницы, фамилии их не пиши, не надо. Каждая на двух станках, как положено, и давали обе за смену пятьсот шестьдесят колец. Маловато, думаю, а они жалуются: плохо работают станки. Быть этого не может, думаю, я свои станки знаю. Дело тут не в станках, а в руках. Снимаю девушек с этих станков и ставлю туда Карсанову. Вы Настю Карсанову знаете?

— Нет.

— Пойдем,— говорит вдруг Косырев и решительно поднимается.— Пойдем, посмотришь, как Настя Карсанова работает, это будет самый что ни на есть наглядный пример.

Мы идем вдоль станков, и он продолжает свой рассказ.

— Ставлю Настю Карсанову сразу на четыре станка, и она одна дает мне за смену — сколько бы вы думали? — восемьсот сорок! — Он глядит на меня, словно проверяя, могу ли я оценить это.— Восемьсот сорок колец! Теперь подсчитай, в каком я выигрыше. Одного человека выиграл,— он загибает палец. — Настя — многостаночница, одна на четырех станках работает. Кольца выиграл, — он загибает второй палец. — Восемьсот сорок да отнять пятьсот шестьдесят — двести восемьдесят колец за смену лишних. И опять же в сознании выиграл. Как? А мы про Настю тотчас же «молнию» ударили. Думаете, не действует? А на девчат, которых я с этих станков перевел, и вовсе. Настя может, а они, значит, хуже?

Мы останавливаемся у группы станков.

— Вот она, Настя Карсанова,— шепчет мне мастер,— вы следите за ней, следите, она ведь прямо-таки незаметно деталь берет.

Тоненькая девушка в светлой косынке, в фартучке неторопливо похаживает от станка к станку. Нежное лицо ее с серыми блестящими глазами сосредоточенно и серьезно. Что-то домовитое, женственное ощущается во всей ее невысокой складной фигурке, легкой поступи, легких движениях рук.

В самом деле, не уследишь, в какую долю минуты ставит она или снимает кольцо, отодвигает синеватую с многоцветным отливом стружку, а пирамиды из готовых колец растут и растут у каждого из ее четырех станков. Дмитрий Алексеевич шепчет мне:

— До чего же она опытная, до чего же умелая, ну прямо...— он не находит нужных слов,— ну прямо картину с нее писать, как же она красиво работает!

И лицо у него при этом хорошее, доброе. И сам он, невысокий, крепкий, подзагоревший, освещенный лучами солнца, и впрямь похож на садовника, любующегося выращенным, удавшимся деревцем.

* * *

Вечером Косырева слушают на цеховом активе — в порядке обмена опытом. Красный уголок полон. Секрет успеха передового мастера волнует многих.

Дмитрий Алексеевич выходит на трибуну, деловито раскладывает записи, откашливается, надевает очки. Смена его в полном составе сидит в переднем ряду.

Докладывает Косырев обстоятельно, подкрепляя свои слова вычерченными разноцветной тушью схемами, диаграммами, графиками, анализируя каждый показатель.

Слушают его внимательно.

— Осветил я, конечно, коротко,— заканчивает Дмитрий Алексеевич,— возможно, что-либо и упустил. Спрашивайте — отвечу.

Первым поднимается Виктор Чернобровкин. Он окончил ремесленное, работал наладчиком, станочницы отзывались о нем одобрительно. Беспокойный. До всего ему дело есть. Другого наладчика, бывает, не дозовешься, не допросишься, а этот сам так и ходит около машин, так и ходит.

Мастером Чернобровкин стал недавно. Сперва временно — заменил ушедшего в отпуск того самого мастера, о котором Косырев говорил, что у него «азарта в душе нету».

У Чернобровкина свой азарт и твердая решимость вывести смену в передовые. Он сумел так расшевелить, взбудоражить людей, что производственные показатели чуть ли не с первой декады значительно поднялись. Когда прежний мастер вернулся из отпуска, смена его обратилась к начальнику цеха с просьбой оставить у них мастером Чернобровкина. «Надоело нам ходить в отстающих,— заявил профорг,— а с прежним нашим руководителем толку не будет. Боевого соревнования и чтоб смена дышала этим — у него нет».

— У меня вопрос,— говорит Чернобровкин.— Пусть Косырев скажет: как он своим опытом делился с другими или, может быть, зажимал?

Дружелюбный смешок идет по рядам. В тоне Виктора явная обида. Ему кажется: главное Косырев утаил. То, о чем он говорил, хорошо известно ему, Чернобровкину. Так в чем же, собственно говоря, особый секрет косыревского успеха?

— Смеяться тут нечего,— говорит Виктор, сердито поблескивая карими глазами.— Я могу спросить тогда по-другому. Что мешает сменщикам Косырева так же работать, как он?

— Это я могу разъяснить.— На трибуну поднимается механик отделения Кебин.— Чем отличается Косырев от многих наших других мастеров и чем он дорог нам, понять не трудно. Вы посмотрите, например, в каком у него состоянии оборудование...

— Что у кого болит! — слышится возглас с места.

Кебин подхватывает на лету:

— Точно. Я как механик именно болею за оборудование. Кстати, оно и решает многое. Так вот Косыреву я никаких претензий предъявить не могу. Хотел бы придраться, да не к чему. Ведь вот, смотрите, крупных ремонтов у него в смене нет, он оборудование не допускает до этого, но зато по мелочи... Мои слесари знают: Косырев работает — минуты покоя не будет. Он меня, верите, весь день сегодня по участку водил, а на завтра вот какую библию мне расписал,— Кебин показывает несколько сложенных вместе исписанных листов.— Я уж его, прямо сказать, в душе последними словами ругаю,— с явным одобрением говорит механик Кебин,— а делать надо, все правильно.

Худощавый, высокий, Кебин легко соскакивает со сцены, не пользуясь лесенкой.

Выступают станочники, слесари, наладчики, контролеры. За многое хвалят Косырева, кое в чем критикуют. Каждый из них по-своему, какой-то метко схваченной черточкой раскрывает существо его деятельности. Слушаешь их, и становится ясно, в чем основа успехов Косырева. Слушаешь их, и, как бы освещенный с разных сторон, возникает отчетливо образ этого мастера, во всей его простоте и человечности, в горячей увлеченности делом.

Час уже поздний, темнеют квадраты окон.

— Заключительное слово дадим, или все ясно? — спрашивает председательствующий.

— Я коротко, — поднимается Дмитрий Алексеевич,— вот только отвечу Чернобровкину.

— Значит, задел за живое! — смеются в зале.

— Ты вот тут о сменщиках спрашивал,— говорит Косырев, обращаясь непосредственно к Чернобровкину,— так я тебе прямо могу сказать: как Царев, я пока не знаю, но Никитин, он очень мой опыт схватывает. Прямо ни о чем не говорит, но приглядывается. Только придет на смену, сразу же рапорт берет и смотрит, куда я кого поставил, как работу распределил. И он мне на пятки уже наступает. И я его начинаю опасаться: по всему видно, будет он соревноваться со мной.

— Правильно опасаешься,— усмехается начальник цеха.

— Теперь насчет опыта,— продолжает Косырев.— Я, парень, не считал, что мой опыт научный или какой-то там особенный. Это вы меня обсудили сейчас, какой мой опыт. Да и, если разобраться, опыт этот не то, чтобы только мой. Он записан в решениях партии о роли мастера. Возьми почитай — убедишься. Но я все это, конечно, на практике испробовал и многое по-своему применил. Как меня партия учила, так я и работаю.

Расходятся не сразу, оживленно переговариваясь, подшучивая, споря. Постепенно пустеет красный уголок. А Дмитрий Алексеевич стоит на трибуне, окруженный людьми, и что-то доказывает горячо наступающему на него Виктору Чернобровкину.

Москва, Первый государственный подшипниковый завод имени Л. М. Кагановича.

Настя Карсанова.

Студенты НА ПРАКТИКЕ

На заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, в больницах и школах, на водном и железнодорожном транспорте ежегодно проходят производственную практику сотни тысяч студентов высших учебных заведений. Во всех уголках нашей необъятной Родины можно встретить будущих агрономов, врачей, инженеров, на практике знакомящихся с избранной ими профессией.

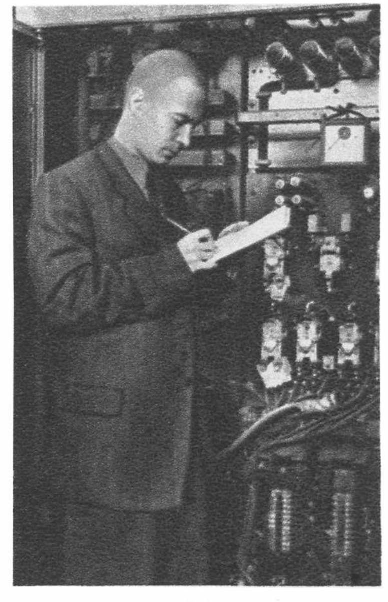
На колхозных полях

Почти половину учебного года студенты сельскохозяйственных вузов — будущие агрономы и зоотехники — проводят на полях и животноводческих фермах колхозов и совхозов страны.

В центральных областях РСФСР, в Крыму и на Кавказе, на Украине и в Средней Азии можно встретить студентов московской Тимирязевской академии, Ленинградского сельскохозяйственного института и других вузов. Они приезжают туда, чтобы приобрести навыки самостоятельной работы, научиться на практике применять теоретические знания. Вот один из них — Борис Тихонов, студент третьего курса агрономического факультета Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева. Он проходит свою производственную практику в колхозе «Знамя Октября», Владимирского района, Владимирской области.

Фото Дм. Бальтерманца.

Письмо другу

Владимир Блинков на заводе «Уралэлектроаппарат».
Фото Ю. Добронравова.

Здравствуй, дорогой Александр!

Не писал я тебе целый век, но вовсе не потому, что забыл своего лучшего друга. Ты ведь знаешь, в жизни бывает так: не ответишь раз, другой, а потом чувствуешь, вроде и писать неловко...

Итак, через год я тебя догоню, стану инженером-электриком. Я никогда не говорил тебе, как тяжело, особенно вначале, было учиться. Сказывался долгий перерыв после окончания техникума. Помню, как совсем по-мальчишески я гордился, получив первую пятерку, а ведь у меня за плечами был трехлетний стаж работы на «Уралэлектроаппарате». Кстати, я сейчас опять здесь — прохожу производственную практику.

Завод сильно изменился. Много новых цехов, заводской двор — и тот стал совсем другим: цветы, деревья, даже фонтаны. Ты представляешь, я зашел в свою лабораторию и... не узнал ее. Все перепланировано, масса нового оборудования. Пришлось на всякий случай спросить, туда ли я попал.

Ребята встретили меня хорошо, все расспрашивали про институт. Кое-кто собирается к нам, в Политехнический. Вообще должен сказать, что учится буквально вся молодежь: в институтах, техникумах, в вечернем университете марксизма-ленинизма.

Я все хочу рассказать тебе о моей практике и никак не могу до нее добраться. Направили меня в цех металлических выпрямителей. Не пугайся, пожалуйста, о значении выпрямителей и прочей технике я тебе писать не буду, хотя очень хочется. Между прочим, ты ведь у себя на железной дороге тоже имеешь дело с нашими выпрямителями и должен хорошо их знать. Ну вот, видишь, уже пишу «нашими», хотя я на заводе всего лишь практикант...

Ты знаешь, Саша, где-то в глубине души я считал, что практика не принесет мне большой пользы: ведь производство электроаппаратов я знаю вроде неплохо. К счастью, я ошибся. Во-первых, выпускается много новых аппаратов, модернизируются старые. Изменилась технология, по-новому организовано производство. Во-вторых, то, что казалось простым и ясным на лекциях в институте, на практике выглядит значительно сложнее. Но самое главное, здесь, на заводе, я начал готовиться к дипломной работе. Своего руководителя просто замучил, иногда даже совестно: столько отнимаю у него времени!

Вот защищу диплом, обязательно к тебе приеду, жди. Пиши о своей работе, знакомых ребятах, ну и вообще обо всем. Страшно тороплюсь: через час надо проводить беседу с молодежью, а я не успел подготовиться.

Твой Владимир Блинков

Встречи в цехах

Из дневника О. Семячкина, студента Ленинградского политехнического института имени М. И. Калинина.

8 ИЮНЯ. Автобус доставил нас на набережную Невы к темнокрасному кирпичному зданию. Получаем временные пропуска и выходим на асфальтированный двор, окруженный высокими корпусами.

Вот он, Ленинградский металлический завод имени Сталина.

В отделе подготовки кадров спросили:

— Вы с энергомашиностроительного факультета? Практику будете проходить в гидротурбинном цехе. Руководитель вашей группы — конструктор-технолог, лауреат Сталинской премии товарищ Гамзе.

— Зиновий Маркович? Да ведь он у нас читал курс технологии производства гидромашин!

Руководителями многих практикантских групп оказались знакомые преподаватели.

— К вашим услугам все,— сказали нам.— Производственные участки, лаборатории, опыт новаторов. Вникайте!

План-график практики рассчитан на сорок два дня. Будем изучать производство гидротурбин — от конструирования до выпуска из цеха в готовом виде.

9 ИЮНЯ. Утром входим в цех вместе с прославленными строителями турбин. В левом крыле, на возвышенности, большая металлическая плита. На ней размечает крупные детали и узлы гидротурбин разметчик А. А. Дмитриев.

Знакомимся. Он один из пионеров советского гидротурбостроения, работает в цехе свыше двадцати лет. По его разметке токари и фрезеровщики обрабатывали детали турбин для Свирской, Нивской, Щербаковской, Днепровской, Цимлянской ГЭС, а сейчас он наносит линии на первые отливки моделей гигантской турбины Куйбышевской гидроэлектростанции.

24 ИЮНЯ. День за днем вникаем в «тайны» производства: изучаем уникальное оборудование, на котором обрабатываются многотонные отливки, поковки турбин, знакомимся с технологией.

Куда бы мы ни заходили — в цех или конструкторское бюро,— всюду встречаем своих товарищей-студентов. Завод как бы превратился в огромный вуз. В его цехах проходят практику около тысячи воспитанников вузов Москвы и Ленинграда, Киева и Ростова, Харькова и Бежиц...

27 ИЮНЯ. Нам показали последнюю новинку — прямоточную турбину. Ее можно установить непосредственно в теле водосливной плотины. Отпадает необходимость строить отдельно от плотины здание станции. Используются низкие напоры воды, удешевляется строительство.

8 ИЮЛЯ. Сегодня уезжаем в Грузию. Там, на строительной площадке ГЭС, будет монтироваться прямоточная турбина.

Производственная экскурсия займет двенадцать дней. Она входит в план практики. В тетрадях накопилось немало интересных наблюдений, различных расчетов, цифр. По возвращении из Грузии будем писать отчет. Некоторые данные смогу использовать в дипломной работе. Ведь с осени я уже на пятом курсе.

У рабочего колеса прямоточной гидротурбины. Конструктор-технолог З. М. Гамзе объясняет студенту-практиканту О. Семячкину технологию сборки.

Фото А. Михайлова.

Они будут врачами

«В мою палату привезли девочку, которую укусила змея. Большая отечность ноги, нарушение сердечной деятельности внушали беспокойство за судьбу больной, но какие меры надо принять, как спасти девочку, я не знал... Хочется, чтобы преподаватели научили нас, как лечить от укусов змеи: ведь с таким случаем каждый может встретиться».

Письмо это написал студент 1-го Московского медицинского института А. Коротков. В институте существует хорошая традиция: присылать с практики письма. Студенты сообщают в них об интересных случаях, рассказывают о своей работе, спрашивают советов.

Производственная практика имеет большое значение для будущих врачей. Окончив 4-й курс, студенты-медики разъезжаются по больницам и поликлиникам, где в течение восьми недель под руководством опытных врачей работают субординаторами по терапии, хирургии и акушерству.

«В институтской клинике мы даже и мечтать не могли о той самостоятельности, которую нам предоставили в Талдомской больнице»,— пишет группа студентов. «Мы ассистировали при всех операциях; научились делать переливание крови, внутривенное вливание, подкожные и внутримышечные инъекции»,— сообщают другие практиканты. «Каждый студент получил палату на десять коек. Всех больных мы ведем почти самостоятельно»,— рассказывается в одном из писем.

...Через несколько минут начнется операция. Заведующий хирургическим отделением 1-й Орехово-Зуевской больницы кандидат медицинских наук Л. Л. Дорфман беседует со студентами-практикантами 1-го Московского ордена Ленина медицинского института. Слева направо: Л. Л. Дорфман, Татьяна Жигарева, Николай Барков и Марина Баркова.

Фото Б. Вдовенко.

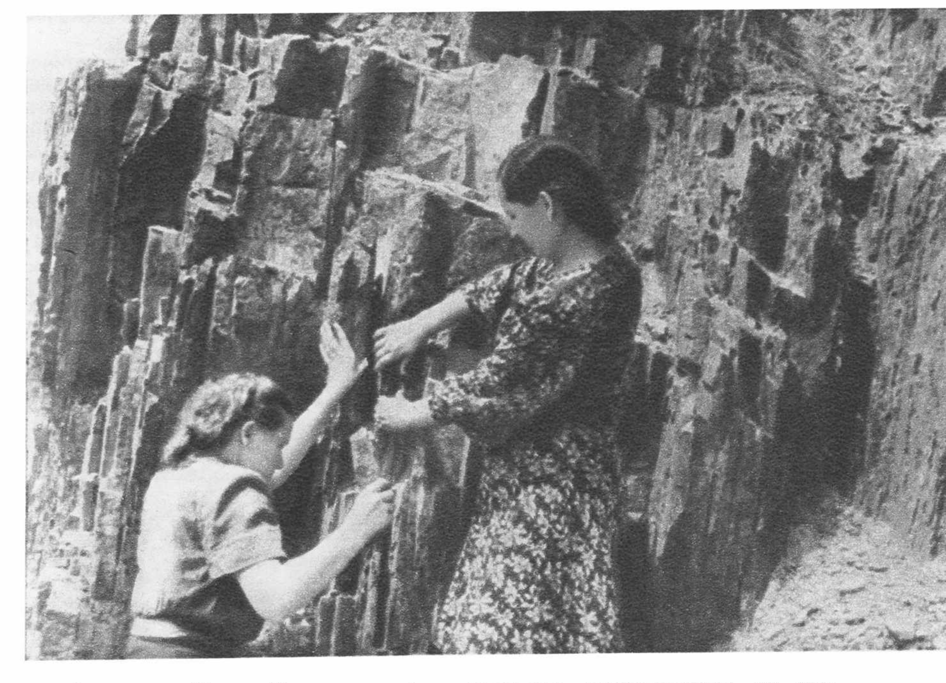

От барханов до альпийских лугов

...Интересно провели свою практику студенты второго курса биолого-почвенного факультета Казахского государственного университета имени С. М. Кирова.

Богат и разнообразен растительный и животный мир Казахстана. В горах за один день пути можно проследить смену ландшафта — от степей до горных лесов и альпийских лугов. Здесь водятся маралы, косули, каменные козлы, из хищников — медведи и барсы. В степях и пустынях — грызуны и пресмыкающиеся. Много птиц.

Посмотрите на первый снимок. Двое юношей — Хызыр Айбасов и Кабдрахман Абикенов — поймали змею. Это ок-джалян — стрела-змея. Изловить ее не так-то легко.

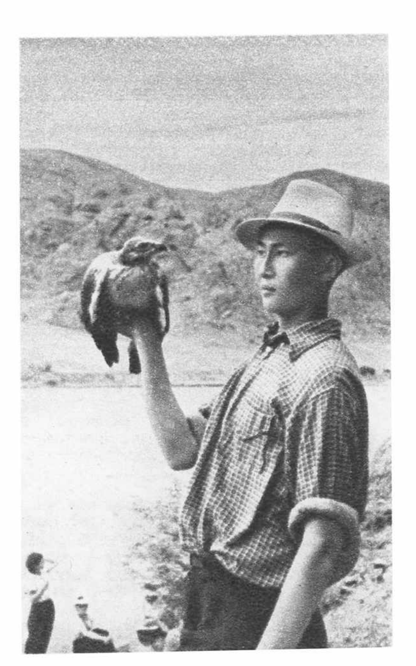

Ботаники Шура Максимова и Ванда Гужевская обнаружили на скалах наросли накипных лишайников. Как тут удержаться и не собрать их!..

На последнем снимке — группа студентов, возвратившись из очередной экскурсии, препарирует пойманную птицу. Это также входит в их практику.

Фото А. Ионова.

Ок-джалян крайне осторожна. Завидев человека, она обращается в бегство, причем передвигается с такой быстротой, что не всегда удается догнать ее даже на открытом месте.

Коренное население считает стрелу-змею очень ядовитой. Однако на самом деле она совершенно безвредна. Видите, студенты держат ее голыми руками. Сейчас они посадят змею в специальный сачок. Прибавился еще один экспонат!

Казбаку Исакулову повезло еще больше, чем его друзьям: он сумел добраться до гнезда канюка. На руке у Казбака сидит еще не умеющий летать птенец. Взрослая птица гораздо больше: размах ее крыльев достигает 125 сантиметров. Руководитель практики рассказал студентам, что канюки ежегодно истребляют массу вредных грызунов, ловко убивают гадюк.

Двадцать пять тысяч жителей города Кэсона собрались 28 июля на митинг, чтобы отпраздновать победу — заключение перемирия. Воздух содрогался от возгласов: «Да здравствует пролетарский интернационализм!», «Спасибо народам лагеря мира за братскую помощь и поддержку!».

ТОРЖЕСТВО ПАТРИОТИЗМА И МУЖЕСТВА

Миллионы людей во всех странах с полным основанием расценили заключение перемирия в Корее как великий успех миролюбивых сил, как победу всего международного лагеря мира и демократии. В день подписания перемирия все прогрессивное человечество разделило радость героического корейского народа, радость великого народа Китая, пришедшего на помощь корейскому брату в его тяжелой борьбе за правое дело.

В годы военных испытаний корейский народ ежедневно и ежечасно ощущал горячую поддержку и солидарность всех свободолюбивых народов. Сейчас, когда перед Корейской Народно-Демократической Республикой встали задачи восстановления того, что варварски разрушено интервентами, корейский народ, как и во время войны, не будет одиноким на фронте возрождения своей родины. Миролюбивые народы протягивают ему руку бескорыстной, братской помощи. Решения о помощи приняли правительства Польши, Венгрии и других стран народной демократии. Благородный пример солидарности показала наша великая социалистическая Родина. «Мы, советские люди,— сказал Г. М. Маленков на сессии Верховного Совета СССР,— горячо желаем, чтобы жизнь славного корейского народа процветала в условиях мира». Советское правительство выделило миллиард рублей на восстановление разрушенного хозяйства Кореи. Председатель кабинета министров КНДР маршал Ким Ир Сен в телеграмме на имя Г. М. Маленкова писал, что эта помощь «безгранично вдохновляет нас и укрепляет нашу уверенность в окончательной победе в борьбе за единство и независимость своей Родины».

Фотографии Китайского фотоагентства отражают народное ликование в Корейской Народно-Демократической Республике и в Китае после подписания соглашения о перемирии.

С особой теплотой приветствовали в эти дни граждане корейских городов и сел своих друзей и братьев — китайских народных добровольцев. Это был подлинный праздник солидарности двух свободолюбивых народов, братство которых выковано и закалено в огне боев за свободу и независимость. На снимке: жители одного из корейских городов исполняют национальный танец в честь китайских народных добровольцев.

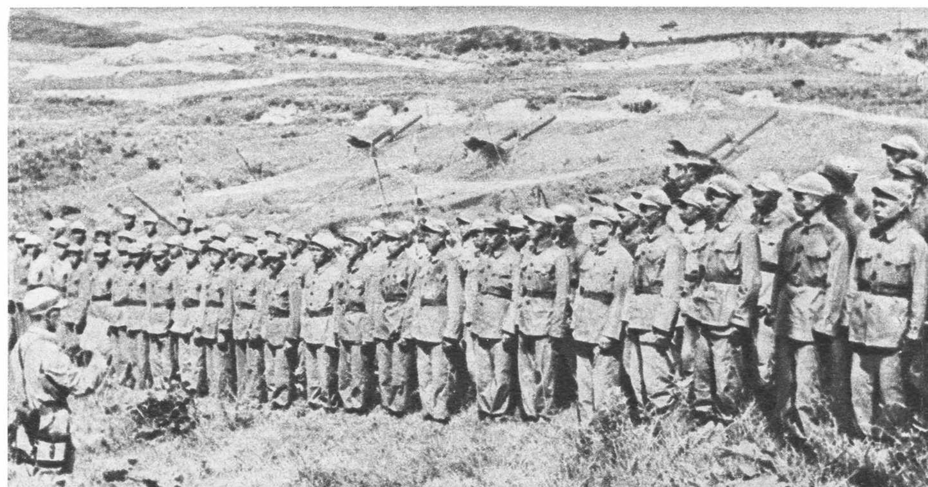

По приказу маршала Ким Ир Сена и генерала Пын Дэ-хуэя части корейской Народной армии и китайских народных добровольцев отошли из демилитаризованной зоны в течение 72 часов после подписания перемирия. На снимке: корейское население провожает китайских народных добровольцев, передвигающихся на новые позиции. Всюду на пути их следования толпы мирных жителей, арки на дорогах украшены зеленью и цветами, корейские матери с детьми на руках благодарят китайских друзей за мужественную боевую помощь.

В Пекине, столице Китайской Народной Республики, по призыву Народного комитета сопротивления американской агрессии и оказания помощи Корее состоялся массовый народный праздник в ознаменование перемирия в Корее. До позднего вечера веселились в парке Чунчан жители Пекина; молодежь танцевала, приветствуя победу лагеря мира.

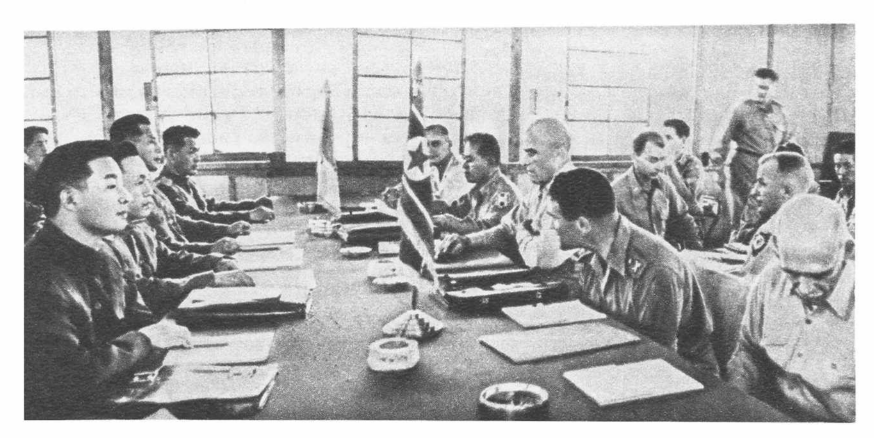

В торжественной тишине, стоя в строю, слушали бойцы корейской Народной армии и китайские народные добровольцы известие о заключении перемирия. На снимке: артиллеристы слушают приказ Ким Ир Сена и Пын Дэ-хуэя, отданный в связи с перемирием.

Части китайских народных добровольцев покидают демилитаризованную зону.

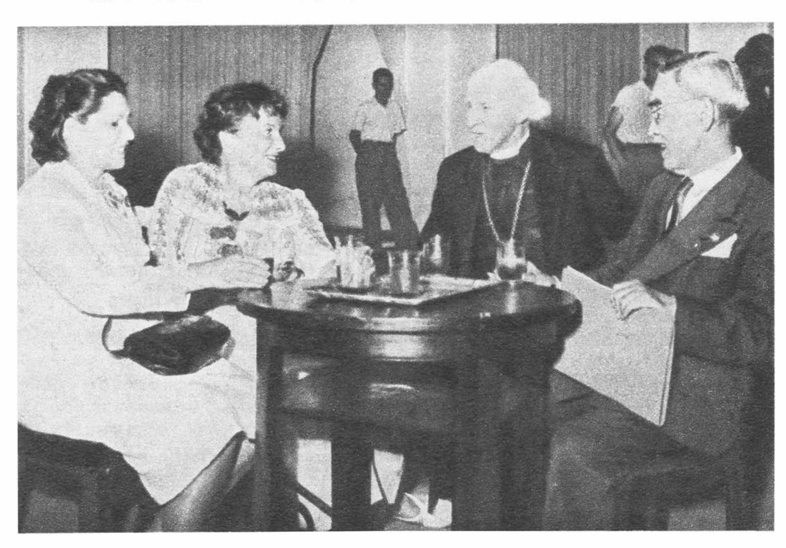

Наблюдение за выполнением условий соглашения о перемирии возложено на военную комиссию по перемирию. На снимке: заседание комиссии; второй слева — глава группы представителей корейской Народной армии и китайских народных добровольцев генерал-лейтенант Ли Сан Чо.

Бдительность! Корейский и китайский народы зорко следят за маневрами тех, кто замышляет сорвать перемирие в Корее и разжечь войну на Дальнем Востоке. На снимке: танкист, китайский народный доброволец, в карауле на новой позиции после отхода части из демилитаризованной зоны.

СИЛЫ МИРА РАСТУТ

Выдающиеся борцы за мир на фестивале в Бухаресте. Слева направо: Элиза Бранко, Моника Фелтон, Хьюлетт Джонсон, Икуо Ояма.

ХЬЮЛЕТТ ДЖОНСОН,

лауреат международной Сталинской премии

На фестивале в Бухаресте тридцать тысяч пар юных глаз из 111 стран еще раз увидели настоящий свет — свет мира, братства и прогресса.

Они вернутся в свои страны и расскажут об этом прекрасном празднике. Их рассказы помогут силам мира еще больше вырасти и окрепнуть. Эти силы уже поставили преграду военной истерии, атомному шантажу; они остановили кровавую войну в Корее. Они сделают невозможным дальнейшее отстранение Китайской Народной Республики от участия в ООН. В этом можно быть уверенным, ибо силы мира растут с каждым днем. Я хочу особо отметить незыблемое и настойчивое стремление к миру великого советского народа.

Фестиваль молодежи в Бухаресте, как и Конгресс женщин в Копенгагене,— новый показатель мощи движения сторонников мира.

Hewlett Johnson

ЭЛИЗА БРАНКО,

лауреат международной Сталинской премии

Очень трудно выразить словами все то прекрасное и воодушевляющее, что мы видели и слышали во время этого праздника молодости. Каждую минуту мы живо ощущали то новое, что родилось, крепнет и уже никогда не умрет в массах молодежи: желание защитить мир, право миллионов молодых существ на жизнь, на творчество, на песню, на любовь.

Неизгладимое впечатление произвела на меня делегация героической, жизнерадостной, талантливой советской молодежи. Я видела их, говорила с ними, наслаждалась прекрасным мастерством молодых советских певцов, музыкантов и танцоров, любовалась блестящими выступлениями советских спортсменов. Вместе со мной советским делегатам аплодировали полные энтузиазма юноши и девушки, приехавшие из самых отдаленных уголков земного шара. В этом признание великого значения советского народа для дела мира.

После фестиваля в Бухаресте я восклицала с новой уверенностью: «Силы мира восторжествуют над силами войны!»

Elisa Branco

МАДЛЭН РИФФО,

французская журналистка

Здесь, на фестивале, мы, французы, узнали об освобождении Анри Мартэна. Сколько новых друзей на бесчисленных языках и наречиях поздравляли нас, пожимали нам руки, радовались нашей победе! Это незабываемо. И особенно незабываемо, с какой искренней взволнованностью и братской теплотой обнимали в эту минуту наших делегатов юноши и девушки, приехавшие на фестиваль из Советского Союза!

Мы были слишком взволнованы, чтобы выразить вам, советские братья и сестры, чем вы являетесь для нас! Во Франции мы с гордостью следили за вашими мирными победами, за вашим величественным движением к коммунизму. Свет вашей великой страны освещает наш путь, придает нам бодрость и силу.

M. Riffaud

НАВТЕДЖ,

индийский писатель

На третий день фестиваля я разговорился с индийским юношей, подмастерьем из Калькутты. Он сказал мне: «До фестиваля я верил в мирное будущее на девяносто девять процентов, теперь верю на все сто».

Я видел, как молодые американцы обнимались с корейцами, малайцы — с англичанами, делегаты Пакистана целовали посланцев Индии. Это был символ наших надежд. Все поняли: народам нужен язык дружеских рукопожатий, а не язык пушек.

Молодежь обменивалась письмами, книгами, автографами, кольцами, шарфами — всеми этими скромными, но сердечными свидетельствами уважения и понимания. И вот я увидел нечто, потрясшее меня. Молодые отцы и молодые матери обменивались фотографиями своих детей. Они, люди разных стран, словно говорили друг другу: «Помните: всюду есть малютки, как ваши, и всем им мир нужен, как молоко матери!»

На фестивале мы по-братски делились сокровищами культур всех народов земли. Здесь нет места монополии одних за счет других! Каждая страна нужна человечеству и обогащает его.

На фестивале мы почувствовали, что все больше приближаемся к общей цели — миру для всех народов и стран.

NAVTEJ

В КУБАНСКОЙ СТЕПИ

Фото О. Кнорринга.

Штурвальный Вася Морев, худощавый паренек в клетчатой рубашке, с комбайнерскими очками на лбу, свесившись над краем бункера, держит жестянку с краской. Совхозный художник Н. В. Скляров, по-птичьи примостившись на трубе шнека, то и дело тянется в жестянку кисточкой.

— Вот и ты, Василек, заработал звездочку,— говорит он.— Конечно, ты, а не отец. Хватит с него и Золотой Звезды. С сегодняшнего дня считай себя не рядовым штурвальным, а младшим лейтенантом великого комбайнерского войска. Если не сплошаешь, через недельку приеду к тебе со второй звездочкой. Так, глядишь, к концу уборки дойдешь до самых высоких комбайнерских чинов.

Мазок за мазком — и на бункере возникает изображение звезды. Это значит, что агрегат новокубанского комбайнера Героя Социалистического Труда В. Г. Морева намолотил тысячу центнеров хлеба нового урожая. Штурвальный с удовольствием смотрит на звездочку. Очень приятно, что тебе, шестнадцатилетнему человеку, по праву принадлежит если не целиком вся звездочка, то хоть несколько ее лучей.

Художник с хитрецой глядит на паренька.

— Продолжай в том же духе, Василек. Не хватит места на бункере, разрисуем весь комбайн.

...А над степью, еще безоблачной, пустынной, веет свежим ветром. Пшеница, пробужденная от дремы, стряхивает со своих тяжелых, будто выкованных из червонного золота колосьев капли росы. В этот ранний час над полями стоит глубокая, ничем не нарушаемая тишина. На загонах темными громадами застыли в неподвижности комбайны. Не пылят по дорогам автомашины. Не слышно стука бестарок. Только шелест пшеницы в воздухе.

Раздумье Василька прерывают громкие выхлопы мотора. Это отец штурвального, Василий Гаврилович Морев, опробует двигатель. Вскоре подает голос и трактор. Художник спрыгивает на землю, Василек идет на мостик к штурвалу, и комбайн медленно трогается с места.

Степь пробуждается. Землю и воздух сотрясают лязг гусениц, упругий гул моторов, сирены грузовиков, свистки комбайна. По пшеничному морю, разбитому на несколько загонов, движется целая флотилия «сталинцев» — четыре агрегата. Каждый работает на своем участке. Временами, когда машины сближаются друг с другом на смежных клетках, слитный рокот двигателей усиливается настолько, что кажется, ты находишься не под открытым небом в поле, а под сводами заводских корпусов.

Об этом и говорит Юзефа Юдтова главному агроному совхоза имени Сталина П. Г. Караерову. Юзефа — практикантка из Ленинградского сельскохозяйственного института. Второе лето девушка из словацкого местечка собирает материалы для своего дипломного проекта о хозяйственном расчете в совхозе имени Сталина.

Юзефа смотрит на массив с плывущими по нему комбайнами. Ей, выросшей среди клочковатых словацких полей, где зачастую негде было развернуться не только трактору и комбайну, но и конному плугу, понятна хозяйственная целесообразность такой организации жатвы в кубанском совхозе: несколько машин, собранных в один мощный кулак, постоянно находятся под наблюдением руководителей тракторных и полеводческих бригад. Это облегчает контроль за качеством косовицы, техническую помощь комбайнерам. Работа группами ликвидировала необходимость в строительстве мелких токов. Зерно от всех комбайнов поступает на один хорошо оборудованный, оснащенный механизмами ток. Быстрее освобождаются большие массивы для последующих полевых работ: пахоты, сева озимых культур. Повышается действенность соревнования на уборке: комбайнеры работают на виду друг у друга, постоянно знают, как идут дела у соседей.

Много нового открывается перед тем, кто попадает нынче на Кубань. Машины безраздельно властвуют на широких просторах края. Они убирают и сортируют хлеба, грузят и доставляют зерно на элеваторы, собирают с полей солому, укладывают ее в стога и скирды.

Комбайновые загоны — первая линия уборочного конвейера, действующего в кубанской степи. Вторая линия конвейера, несущего хлебный поток в колхозные и государственные закрома, проходит через тока. И здесь особенно заметно, как далеко вперед шагнула техническая оснащенность сельского хозяйства края. Обычно в период уборки урожая на току всегда было много людей. Десятки колхозников перелопачивали вороха влажного зерна, крутили ручки сортировок, веялок; совками, ведрами, лопатами, коробами загружали зерноочистительные машины, относили провеянное зерно, нагружали хлебом автомашины и подводы.

На современном механизированном току в кубанском колхозе или совхозе от старого сохранилось только название. Теперь на всех процессах очистки, погрузки, сушки хлеба появились машины.

Может быть, поэтому в новокубанском совхозе имени Сталина и называют свой пристанционный ток механизированным амбаром, а иной раз зерноочистительным цехом.

Действительно, амбар заслуживает такого названия. Он оборудован мощным сепараторным агрегатом для очистки зерна, механическими элеваторами для подачи хлеба в бункера, из которых зерно также механически грузится в автомашины. Двести тонн обработанного зерна проходит за сутки через амбар. А обслуживают его лишь два моториста и четверо рабочих. Заведующий этим своеобразным цехом А. К. Митрофанов высчитал, что для очистки такого количества хлеба вручную надо было поставить двадцать пять сортировок и сто двадцать пять рабочих.

Один сепаратор или двадцать пять сортировок... Шестеро или сто двадцать пять работников... Вдумаешься в эти цифры и ощутимо представляешь себе величие тех перемен, которые совершаются в совхозах и колхозах. Сколько высвобождается людей для труда на других участках колхозного производства! Как облегчается работа хлеборобов, повышается их культурный уровень, расширяется технический кругозор!

На току полеводческой бригады новокубанского колхоза «Ленинский путь» у вороха пшеницы стоит необычный агрегат, похожий на сортировку. Гудит мотор, похлопывает ремень трансмиссии.

— Зерноочиститель конструкции инженера харьковского завода «Серп и молот» Бойко,— рекомендует машину человек, с хронометром наблюдающий за ее работой.— Производительность — шесть тонн в час.

На соседней площадке механики запускают вторую машину — веялку с двумя приставными скребковыми элеваторами.

— А это механизированная сортировка Зерноградского научно-исследовательского института механизации,— говорит наш собеседник.

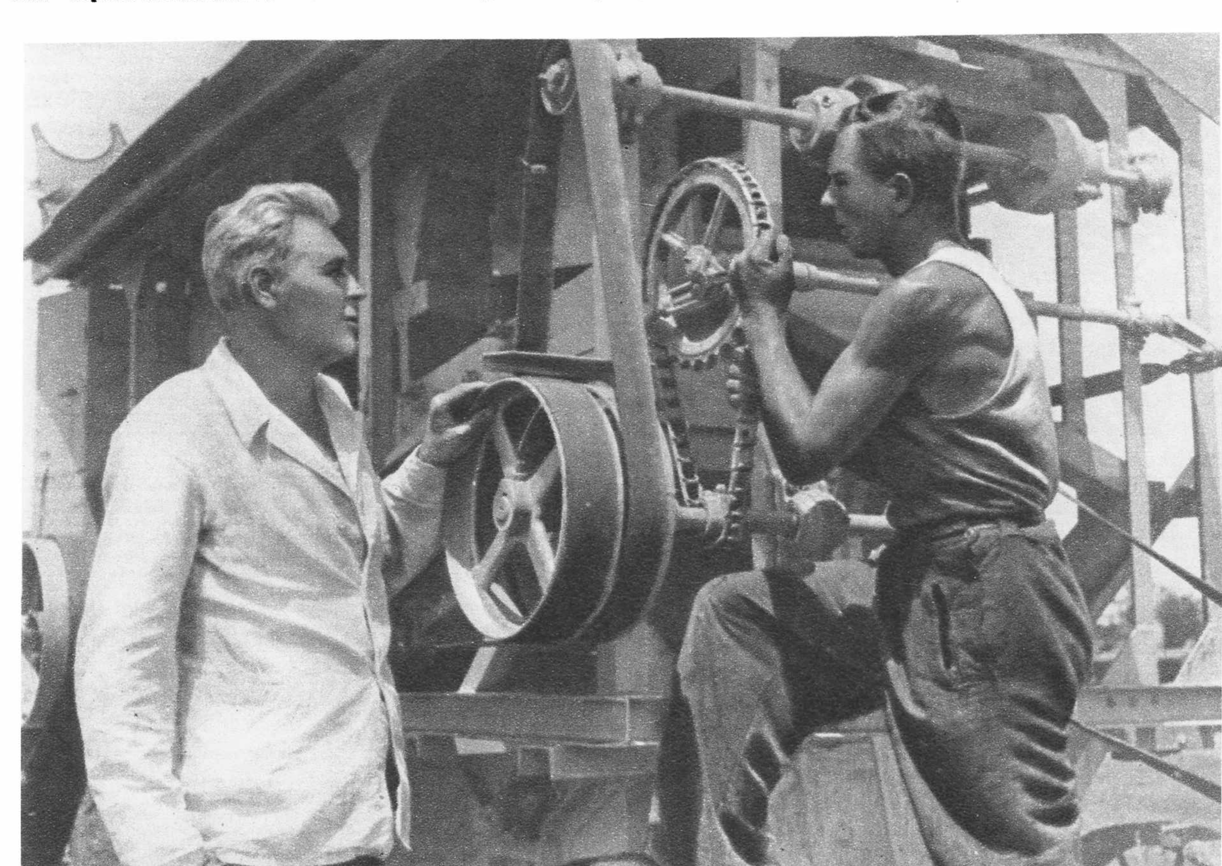
В степи, на стане колхозной полеводческой бригады, скрестились дороги, ведущие на Кубань из разных мест страны: Зернограда, что в Ростовской области, Люберец, что под Москвой, Одессы, Воронежа, Харькова. Здесь получают путевку в жизнь механизмы, созданные специалистами научных учреждений и конструкторских бюро предприятий сельскохозяйственного машиностроения.

Человек с хронометром — работник кубанской зональной машинно-испытательной станции, кандидат сельскохозяйственных наук М. Д. Ткаченко. Четвертый год занимается он на станции, в колхозах и совхозах испытаниями машин для очистки, сортировки и сушки зерна. Сейчас он подвергает придирчивому экзамену последние новинки, пришедшие на Кубань.

...Мы на механизированном току. Он оснащен более совершенными зерноочистительными машинами, погрузчиками, зернометами. Здесь же работают автомашины-самосвалы с облегченным дерево-металлическим кузовом. Этот ток представляется нам конечным пунктом гигантского конвейера, связавшего в единое целое заводские цехи с колхозными и совхозными полями нашей Родины.

А. ПОДХОМУТНИКОВ

М. Д. Ткаченко (слева) на испытании зерноочистительной машины.

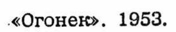

На совхозных полях работают спаренные сцепы комбайнов.

На комбайне Героя Социалистического Труда В. Г. Морева появляется первая красная звездочка.

Агроном В. В. Мишин производит апробацию пшеницы.

Пристанционный амбар совхоза имени Сталина.

Зернопогрузчики на совхозном току.

Механизированный ток колхоза имени Мичурина.

Долгосрочные кредиты колхозам

На проспекте 25 Октября в Гатчине среди зеленых тополей стоит небольшой двухэтажный дом. У его подъезда «Победы», «эмки», грузовые автомашины. Это Гатчинское отделение Госбанка. Несмотря на ранний час, в комнатах с табличками «Кредитные операции», «Текущие счета» и «Касса» много посетителей.

Управляющий отделением Госбанка Г. Г. Осипов рассказывает:

— С начала года государственное кредитование по Гатчинскому району Ленинградской области превысило два с половиной миллиона рублей.

Уполномоченная Сельхозбанка Л. И. Леонова достает из шкафа папку «Дело по кредитованию колхоза имени Ленина». Из операционных документов, оплаченных счетов видно, на что расходуется каждый рубль.

В колхозе строят водопровод, устанавливают автоматическую водокачку, сооружают помещения для телят и цыплят. На все это получен долгосрочный кредит.

Недавно колхозники решили построить механизированную зерносушилку. На это требуется 12 965 рублей. Госбанк открыл для стройки кредит на 6 482 рубля с погашением в течение трех лет. Когда возникла необходимость оборудовать запарник кормов, снова на помощь пришел Госбанк, отпустивший 3 800 рублей с рассрочкой платежа на десять лет.

Колхозы имени XVIII партсъезда, Первого мая, имени Пушкина, «Единение» получили долгосрочные кредиты на строительство и механизацию животноводческих ферм, на приобретение племенного скота, мелиорацию, освоение новых земель, на расширение овощеводства, электрификацию.

Подходим к окну, где оформляется банковская операция. Знакомимся с приехавшими за ссудой председателем колхоза имени Сталина В. М. Грибовым, бухгалтером Л. И. Беловой и техником-строителем М. Н. Комлевым.

— Сколько получаете?

В Гатчинском отделении Госбанка. Долгосрочный кредит получает колхоз имени Сталина. Справа — председатель колхоза В. М. Грибов, слева — техник-строитель М. Н. Комлев.

Фото С. Иванова.

— Шесть тысяч рублей!

— Маловато?

— Нет, вполне достаточно. Строим механизированный зерносушильный пункт. Банк уже выдал в кредит 37 тысяч. Сегодня мы отчитались в их израсходовании и сразу же получаем сумму, необходимую для завершения стройки. А погашать кредит начнем со следующего года, рассрочка у нас пять лет. Приезжайте, посмотрите зернофабрику.

Вместе с Василием Михайловичем Грибовым едем в Сиверскую, где находится колхоз. По пути заглядываем на районную базу «Сельхозснаба» — поинтересоваться, скоро ли будут получены автопоилки, на приобретение которых выдан долгосрочный кредит.

Узнаем, что в этом году Гатчинский район получил около трехсот различных машин — тракторов, борон, тракторных сенокосилок, электродоильных аппаратов, механических размельчителей кормов, картофелесажалок.

В колхозе имени Сталина В. М. Грибов показал нам строительство зерносушильного пункта новейшей конструкции. Это действительно механизированная фабрика с высокой пропускной способностью. Стройка эта не единственная в колхозе. Вблизи сооружается водокачка. На фермах монтируются автопоилки, кормозапарник. Прокладывается подвесная дорога к скотному двору. Бетонируются силосные траншеи. Возводятся стены птичника на 1 500 голов. Строятся два крытых тока, свинарник. Оборудуются новые парники. Закладывается овощехранилище.

— Долгосрочные государственные ссуды, — говорит тов. Грибов,— позволяют нам расширять и укреплять общественное хозяйство и вместе с тем выгоднее использовать свои колхозные вложения. Мы, например, приобрели на свои средства газогенераторную грузовую машину и «Победу», построили большой мост. В общей сложности колхоз расходует на капитальное строительство в этом году почти полмиллиона рублей.

Теперь, после решения сессии Верховного Совета СССР, колхозы еще сильнее ощущают помощь государства в кредитовании и льготах по новому Закону о сельскохозяйственном налоге.

К. ЧЕРЕВКОВ

На выставке обуви

В большом зале на стендах красуются 1 842 модели туфель и ботинок, изготовленные обувными фабриками страны к предстоящему осенне-зимнему сезону. Эту выставку организовал в Москве Центральный ассортиментный кабинет Министерства легкой и пищевой промышленности СССР.

Мы останавливаемся у стенда ленинградской фабрики «Восход». Это сравнительно небольшое предприятие представило на суд общественности 92 модели женской и мужской обуви, разнообразной и по фасонам и по цвету кожи. Ни одна пара туфель не похожа на стоящую рядом, не копирует известные образцы. Элегантны женские туфли из лака и замши. Бантик у этих туфель съемный и может быть заменен другими из комплекта, который вручается покупательнице вместе с туфлями.

Уже в этом году увеличится выпуск лакированной обуви. В ближайшие два года производство лаковых кож возрастет более чем в пять раз по сравнению с 1950 годом.

Изящны, разнообразны по расцветке женские ботинки на утепленной подкладке, изготовленные Московской фабрикой модельной обуви № 1.

Показала фабрика и женские туфли для улицы. На этих туфлях застежка заменена красиво сделанной резинкой. Но неожиданно, когда работник выставки демонстрировал это новшество, произошел конфуз: резинка порвалась. Так невнимание к отделке, к мелочи приводит к естественному недовольству потребителей.

На выставке показано много моделей обуви на облегченной пористой резине. Она прочна в носке, красива и удобна. Вот, например, ботинки для девочек-подростков на теплой подкладке, отделанные мехом. Такая модель выпускается Московским кожевенным комбинатом впервые.

Судя по экспонатам выставки, обувщики почти не подготовили новинок для ребят. Только Егорьевская фабрика детской обуви показала приятные полуботинки для девочек из цветного фетра на утепленной подкладке двух видов: на пуговках и на шнурках. Ну, а для мальчиков? Для них и эта фабрика ничего нового не сулит.

Хорошую, тщательно отделанную обувь обещает дать литовский комбинат «Красная Звезда». Его женские туфли оригинальны, нарядны, сделаны со вкусом.

Стенд выставки новых моделей обуви.

Фото М. Савина.

К сожалению, этого нельзя сказать о моделях одного из крупнейших обувных предприятий страны — ленинградской фабрики «Скороход». На прежних выставках «Скороход» выступал с более разнообразным ассортиментом.

Недалеко ушла и московская фабрика имени Капранова. Среди прочей обуви она показала шесть моделей туфель для девочек-подростков. Их поставили на стенде рядом, и сразу бросились в глаза однообразные, аляповатые пряжки, скучный покрой и тусклые цвета кожи.

Нечем, видимо, похвастаться украинским обувщикам. Одесские фабрики, некогда славившиеся хорошими моделями, вовсе «воздержались» от участия в выставке. Продукция Ужгородской фабрики плохо отделана, бледна расцветка.

Топорны, грубы ботинки и туфли Молдавской фабрики № 2.

Как известно, потребители делятся на мужчин и женщин, на молодых, пожилых и стариков. У каждого свои вкусы, свои претензии. Однако никакой новой обуви к осени и зиме для мужчин, особенно пожилых, если судить по выставке, ждать не приходится. Почему обувщики считают, что они могут довольствоваться существующими моделями?

Образцы обуви к осенне-зимнему сезону показывают, что наша обувная промышленность, достигнув определенных успехов в улучшении качества продукции, еще далека от выполнения поставленных перед ней задач.

Я. ЯКОВЛЕВ

За честь заводской марки

«С и М» — эта марка знакома строителям автомобилей, станков, турбин. Ее встретишь и на листах качественной стали и на связках проволоки. Многим отраслям тяжелой индустрии поставляет свою продукцию московский металлургический завод «Серп и молот».

Но вот перед нами вилка, столовый нож, разливательная суповая ложка, кастрюля. И здесь на сверкающем металле в овале буквы «С и М».

Металл блестит ослепительно, словно его только что никелировали. В действительности же никель здесь не при чем. Ложки, кастрюли, ножи сделаны из нержавеющей стали. Блестящая поверхность их вечна: ни сырость, ни время не изменят гладко отполированный металл.

В детских универмагах юные покупатели и их родители с охотой приобретают игрушки с маркой «С и М». Вот миниатюрный экскаватор. Стоит покрутить ручку, как грузовая стрела его круто поднимется вверх — и из раскрывшегося ковша посыплется песок, поднятый из кучи. Или, например, грузовик-самосвал — точная копия с зисовской машины — с металлическим опрокидывающимся кузовом.

Наряду с посудой, столовыми приборами, игрушками в цехе ширпотреба завода «Серп и молот» из стальной проволоки изготовляются сетки для кроватей, из отходов углеродистой стали — черепица для кровли домов.

Рабочие и мастера цеха ширпотреба так же гордятся и дорожат маркой своего завода, как и их товарищи: сталевары, прокатчики.

— На первый взгляд ассортимент наш разнообразен,— говорит начальник цеха Николай Петрович Матвеев,— но потребителей, а значит, и нас самих он не удовлетворяет. Было время, наш цех выпускал и кофейные мельницы, и особые «пресс-пюре», высоко ценившиеся домашними хозяйками, и настольную игру «хоккей», которой увлекались не только дети, но и взрослые. Но потом от производства этих вещей пришлось отказаться. Вы спросите, почему. Да потому, что цех не располагает ни достаточным помещением, ни оборудованием. Сколь несовершенна наша технология, можно судить хотя бы по тому, что три операции в производстве ножей: отжиг, отпуск и закалка — связаны, кроме нашего цеха, еще с тремя цехами.

Большой производственный подъем вызвало в коллективе «Серпа и молота» решение правительства о расширении производства ширпотреба. На территории завода скоро начнет

В цехе ширпотреба московского завода «Серп и молот». Слева направо: упаковщица М. Н. Лазуткина и контролер ОТК С. С. Корчагина за упаковкой товара.

Фото Е. Умнова.

строиться новый цех ширпотреба, оборудуемый по последнему слову техники. С окончанием его постройки «Серп и молот» в полтора раза увеличит выпуск товаров для народного потребления.

С. МЕСЯЦЕВ

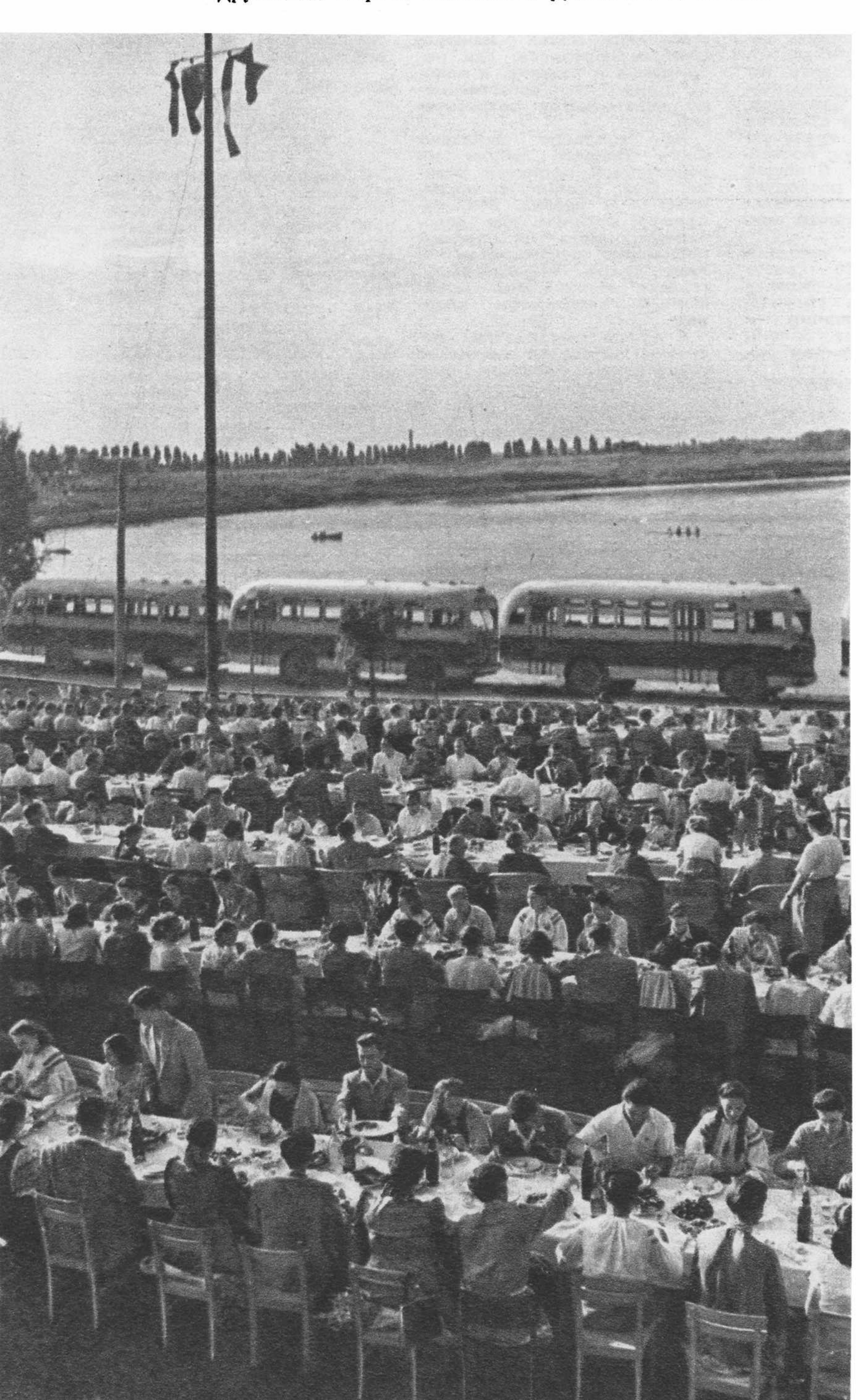
Юность мира едина

Б. БУРКОВ, Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Прилет французского моряка-патриота Анри Мартэна на фестиваль в Бухарест. Его приветствует на аэродроме вьетнамская девушка.

Дружеская встреча советской и румынской делегаций.

Вторая неделя фестиваля молодежи в Бухаресте была столь же содержательной и интересной, как и первая. Творческое напряжение не спадало до последнего дня.

Конкурс исполнителей, концерты делегаций, спортивные соревнования — все это еще и еще раз убеждало участников фестиваля, что молодежь мира может объединиться на самой широкой основе.

— Советский концерт,— сказал нам один французский журналист,— это неповторимое сочетание шедевров самых различных видов искусства.

Десятки тысяч делегатов фестиваля и населения румынской столицы по достоинству оценили мастерство наших молодых исполнителей. На многих театральных площадках Бухареста с неизменным успехом выступали омский хор, грузинский и молдавский ансамбли, молодые артисты московского и ленинградского балета.

Особое восхищение вызывал хор московских студентов. Мы не встретили ни одного участника фестиваля, кто не говорил бы об «Амурских волнах» в исполнении этого хора и не старался запомнить и повторить мелодию.

...Национальные концерты сменяются международными, и все они говорят о главном: человечество хочет мира и свободы.

Народный певец Ливана Ассад Саид поет о чаяниях своих собратьев: мир, мирный труд, облегчение тяжелой жизни народа. Голландцы исполняют песню о юноше Питеван Ставерене, заключенном 7 лет назад в тюрьму только за то, что он боролся за прекращение войны в Индонезии. В песнях Хандроя Раня звучала надежда миллионов индийцев на мир и дружбу на всем земном шаре. С большим мастерством исполнил он «Кашмирскую песню о мире».

Французская делегация показала пьесу «В стране рудокопов». Пьеса заканчивается «Песней надежды», дышащей оптимизмом, верой французского народа в свои силы. Али Фарага воспевал стремления египетского народа к миру и независимости. Нью-йоркская студентка Бианка спела старинную песню, выражающую традиционное миролюбие трудовых американцев.

Замечательную сценическую картину показала негритянская молодежь Африки. В танце под торжественные и грозные звуки песни колониальных рабов, решивших покончить с угнетателями, юноши с копьями наперевес идут на врага и побеждают его. Зал бурно аплодирует.

...Костры молодежи колониальных стран. Их устраивали в парке. Какой задушевностью звучала песня молодого певца Нигерии, уносимая легким ветром далеко за озеро! А тихая зыбь у берега словно продолжала мелодию грустной песни угнетенного народа.

Как клятва, звучат слова припева песни «Карнавал мира», исполненной молодыми аргентинцами:

Мы аргентинцы
И прибыли из-за моря,
Чтобы сказать вам,
Что мы желаем мира.

В один из вечеров на «Карнавал дружбы» в парке культуры и отдыха имени Сталина собралось около 100 тысяч юношей и девушек. До полуночи парк был залит светом мощных прожекторов. На площадях, эстрадах, в аллеях гремели оркестры. Развевались разноцветные ленты, конфетти словно висело сплошным облаком в воздухе. Бумажные фонарики, елочные лампочки четко вычерчивали контуры деревьев.

Индийский писатель Навтедж (первый справа) среди делегатов фестиваля.

Вот под густой сосной, подсвеченной темнокрасным светом, о чем-то вещает «волшебница»; огоньки светлячками мелькают у ее ног. «Рыцарь» важно разъезжает на лошади. Верблюда оседлал бородач в белом бурнусе. С шумом пробегают «пираты». Взад и вперед снуют всяческие чудовища. Большой толпой проходят герои сказок.

Парк полон песен, смеха. Танцуют повсюду. В вальсе проносятся маски самых невероятных зверей, шутов, лицедеев. Живой, излучающий радость многоцветный калейдоскоп! Сто языков и наречий — и все понимают друг друга. Кто-то пошутил: вот бы побывать здесь строителям Вавилонской башни!..

В парке есть и тихие уголки. На берегу озера, под широкой плакучей ивой, освещаемой, будто вспышками молний, белыми, зелеными, красными отблесками фейерверка, итальянцы тихо поют какую-то протяжную песню. Им подпевают румыны, русские, негры — всякий, кто хочет немного отдохнуть, погрустить, чтобы через несколько минут пуститься в пляс на соседней площадке.

...Наша советская молодежь пользовалась на фестивале всеобщей любовью. Нам довелось наблюдать трогательную картину: по улице Победы шла девочка лет шести—семи с букетом цветов, гордо подняв свою кудрявую головку. «Подождите, — обратилась она к идущим ей навстречу школьницам.— Вы будете советские, хорошо?» Те согласились. Девчушка, пожимая по очереди руки своим подружкам, серьезно и торжественно преподнесла им цветы.

На встрече с корейской молодежью американцы преподнесли своим молодым соратникам по общей борьбе за мир голубое шелковое знамя, на котором начертано: «Прочный мир для народов всего мира!»

На вечере прессы сотни журналистов, взявшись за руки, дружно спели Гимн демократической молодежи. Затем долго аплодировали, скандируя на румынском языке «Мир и дружба!». И как-то обидно было сознавать, что некоторые из присутствующих журналистов, показывающие видимость единения, может быть, уже завтра по приказу своих хозяев все-таки будут клеветать, обливая грязью священную клятву молодых борцов за мир...

...Когда мы пришли в общежитие молодежи Индии, выдающийся борец за мир Хьюлетт Джонсон проводил там беседу. Внимательно, с горящими глазами слушали индийские юноши и девушки об успехах народного Китая, о котором Джонсон написал книгу.

Президиум массового митинга в день закрытия фестиваля. На трибуне: третий справа в первом ряду — Петру Гроза, шестой — Анри Мартэн.

— Империалисты,— сказал Джонсон, — никогда не могут задушить могучего движения за мир.

Интересно прошли встречи, посвященные защите прав молодежи. На бухарестских предприятиях собрались молодые металлурги, текстильщицы, шахтеры, строители многих стран и национальностей. Советские и французские, китайские и английские, итальянские и финские рабочие рассказывали о своей жизни, о своей работе.

— Мы, румынские шахтеры,— сказал знатный новатор Ион Стойческу,— счастливы, что шахтеры всего мира имеют возможность ознакомиться с нашей жизнью, которая становится все краше, увидеть наше стремление к миру, прогрессу.

Знакомство молодежи с работой заводов, фабрик, колхозов Румынской республики, с жизнью трудящихся этой гостеприимной трудовой страны раскрывало глаза тем, кто еще верил в отравленную ложь о «развале хозяйства» в странах народной демократии. Участники фестиваля с огромным интересом разглядывали экспонаты экономической выставки Румынской Народной Республики. Машины, образцы продукции, цифры наглядно рассказывают об успехах республики, отмечающей 23 августа девятую годовщину со дня своего освобождения. За девять лет под руководством Рабочей партии Румыния шагнула далеко вперед. И молодежь мира воочию могла убедиться, как велики победы румынского народа.

Тысячи участников фестиваля отмечали гостеприимство, с которым встретил народ Румынии молодых посланцев всех стран.

— Так может сделать только народ, являющийся хозяином страны!— эти слова слышали мы неоднократно.

Во время одной из футбольных встреч на стадионе раздались громкие и дружные аплодисменты. Все встали. У трибун проходила стайка корейских детей, живущих в румынском детском доме. Итальянцы и французы, англичане и американцы — любой здравомыслящий человек хорошо понимал, что такую трогательную заботу о детях

Девочка из Гваделупы, Жаклина Борнье, оставляет адрес румынским друзьям.

Закрытие фестиваля. На площадь 28 марта вступает делегация советской молодежи.

героической Кореи может проявить только власть, являющаяся властью самого народа, твердо отстаивающего мир.

...Пятница, суббота. Близится закрытие фестиваля. Последние концерты, последние встречи делегаций; идут к концу спортивные соревнования.

На открытой сцене при огромном стечении публики — заключительное концертное выступление советской молодежи. Казахский оркестр народных инструментов, омский хор, хор московских студентов, грузинский ансамбль, уже который раз в течение двух недель вызывавшие общее восхищение.

Заключительный митинг на площади 28 марта. Участники фестиваля приветствуют единодушное принятие Обращения к молодежи мира.

Карнавал в парке имени И. В. Сталина.

«Парад костюмов» на сцене летнего Театра имени 23 августа. Какое впечатляющее зрелище! Костюмы изумительны яркостью красок, мастерством вышивок. Они отражают бесконечное разнообразие народных талантов, живущих в национальном искусстве различных стран. Похожи друг на друга только веселые лица участников шествия, их задорные глаза, в которых читаешь: «Мы молоды, и мы все хотим жить в мире и радости».

«Парад костюмов» заканчивается многоголосым «хором братства», составленным из молодежи многих стран. Хор дружно исполняет румынскую народную песню «Чёкырлия» («Жаворонок»).

В субботу на площади Республики пробиться сквозь толпу было невозможно. Более 30 тысяч жителей Бухареста собрались посмотреть в последний раз на искусство талантливых молодых артистов Китая. Это и было последнее выступление на фестивале.

В субботу же был парад закрытия спортивных товарищеских соревнований, в которых участвовало 4 тысячи человек из 54 стран. Под звуки Гимна демократической молодежи медленно опускается знамя соревнований, принесших немало спортивных успехов. Но дело не только в них. Как и весь фестиваль, спортивные встречи прошли под единым девизом, вот и сейчас звучащим над полем стадиона, которое покидают последние знаменосцы, — «Мир и дружба!»

...Приближалось воскресенье. В глазах многих делегатов можно было прочесть грусть. Сколько приобретено новых друзей, как сильно было чувство локтя и дружеской поддержки в эти незабываемые дни! «Встретимся ли снова?» — словно спрашивают себя участники фестиваля.

Маленькая девочка из Гваделупы, Жаклина Борнье, нашла в Бухаресте много новых товарищей. Фестиваль скоро кончается — она спешит оставить свой адрес юным бухарестцам. Не забывайте, пишите!

Сколько тысяч тетрадей, открыток, блокнотов пошло на автографы, — сказать трудно. Бухарестские школьники излазили буквально весь город; у некоторых из них, как нам сказали во Дворце пионеров, по полторы — две тысячи подписей...

...Гостеприимные хозяева фестиваля, румынские юноши и девушки, принимали гостей из Патет-Лао, Кхмера, Таиланда, Вьетнама. На встрече было рассказано множество фактов героической борьбы молодежи этих стран, порабощенных империалистами. Молодежь Патет-Лао подарила хозяевам шелковые платки, сделанные из парашютов, захваченных у врагов.

...И вот воскресенье! На небе ни облачка. Солнце, словно прощаясь с замечательной, жизнерадостной молодежью, скоро покидающей Бухарест, греет вовсю.

Шесть часов вечера. Участники фестиваля со сборных пунктов движутся колоннами к площади 28 марта. Площадь еще пуста, но окружающие ее балконы, окна домов, крыши, деревья, даже телеграфные столбы — все усеяно людьми. Группа довольных юношей сидит на автоцистерне: отсюда все будет видно. Но вот раздается дружный хохот: машина тронулась и въехала во двор вместе с пассажирами, не успевшими сообразить всю «трагичность» происшествия.

Спускаются сумерки. Силуэты зданий темнеют. На небе в ожидании застыл бледный месяц.

Но вот загораются подсвеченные фонтаны среди клумб с багрово-красными цветами. Мощные прожекторы освещают все вокруг: эмблемы фестиваля, значки Всемирной федерации демократической молодежи, Международного союза студентов, знамена 111 стран.

Бурные аплодисменты волной пробегают по трибунам и, нарастая, переходят на заполненные демонстрантами улицы. На центральной трибуне появился высокий, стройный молодой моряк. Это Анри Мартэн, прилетевший в Бухарест к закрытию фестиваля.

— Анри Мартэн, Анри Мартэн! — громогласно приветствует площадь славного французского патриота.

На трибуне руководители Рабочей партии и правительства Румынской Народной Республики. Их тепло приветствуют рукоплесканиями со всех сторон. Гремит оркестр. Колонны демонстрантов вливаются на площадь.

Это марширует юность мира, жизнерадостная, боевая, сильная и благородная! Идут албанцы, алжирцы, болгары — мы вспоминаем весь этот огромный, выстроившийся по алфавиту список стран и народов. Вот вдали показалось множество зажженных рубиновых звезд: это идет советская молодежь. На груди у многих спортсменов, идущих во главе колонны, блестят золотые медали фестиваля.

В центре перед трибуной, среди знамен, пылающих звезд, — герб СССР, страны, стоящей во главе великого движения за мир, демократию, социализм. В лучах прожекторов полыхают красные знамена Китая.

Поют фанфары. Бруно Бернини открывает короткий митинг. Звучит на пяти языках Обращение к молодежи мира. На русском языке его читает Герой Советского Союза Петр Машеров.

Поднимается лес рук. Обращение принято единодушно.

Мощно гремят оркестры. Прожекторы устремляют свои лучи в небо. С окружающих домов каскадом низвергаются лавины ярких искр. Красные, зеленые, белые, фиолетовые огни устремляются ввысь; в воздухе с грохотом взрываются разноцветные звезды. Прожекторы рассекают огромную дымовую завесу, стоящую в небе. И под могучие крики одобрения высоко над площадью загораются на шести языках знакомые слова: «Мир и дружба!»

Так закрылся Четвертый Всемирный фестиваль молодежи и студентов за мир и дружбу, великий праздник молодости мира, стоящей на страже своего будущего и будущего всего человечества.

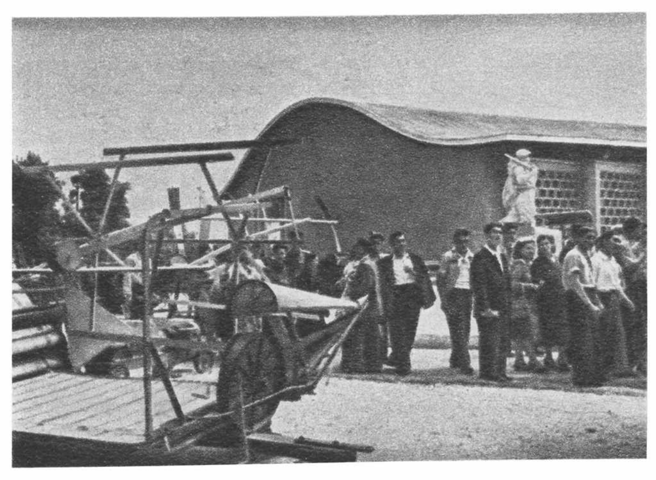
Бухарест.

Успехи народной Румынии

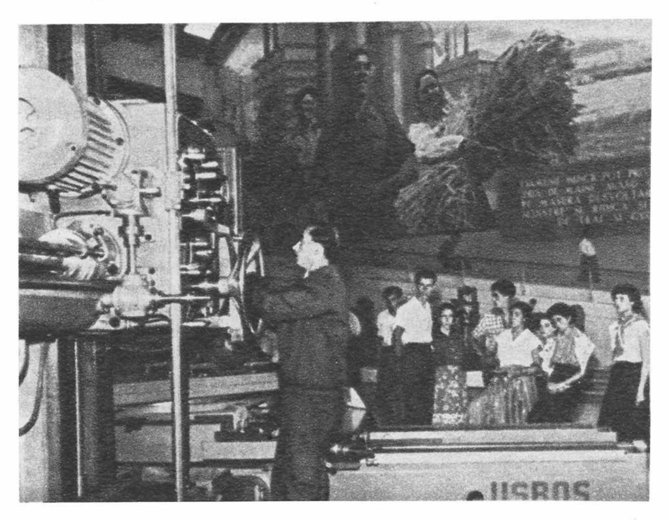
23 августа румынский народ отмечает девятую годовщину освобождения своей страны Советской Армией. В канун этого праздника десятки тысяч участников фестиваля молодежи, съехавшихся в Бухарест со всех концов мира, были свидетелями прекрасных перемен, которые произошли за эти годы в республике, в ее промышленности и сельском хозяйстве.

В разгар молодежного фестиваля была открыта выставка экономических достижений Румынской Народной Республики. В павильонах выставки собраны экспонаты — продукция главных отраслей румынской промышленности, которая за годы народной власти достигла расцвета.

Выставка, как и все, что видели делегаты в Румынии, свидетельствует о неуклонном росте материального и культурного уровня румынского народа, строящего социализм.

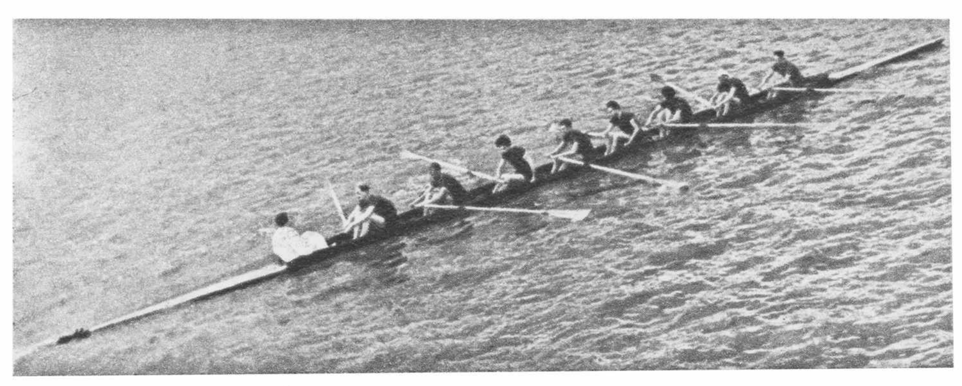
На экономической выставке РНР посетители осматривают сельскохозяйственные машины, сделанные в Румынии.

В одном из павильонов экономической выставки.

Герой Труда РНР токарь завода имени М. Ракоши Николай Васу и советские девушки, участницы фестиваля молодежи, А. Беляева (слева), Т. Гольцова.

Чемпион Европы 1953 года по гребле, восьмерка спортивного общества «Зенит», тренируется на Москве-реке.

Фото А. Бурдукова.

Чемпионы Европы

От специального корреспондента «Огонька»

Местом состязаний на первенство Европы по академической гребле в нынешнем году был выбран Копенгаген, вернее, озеро Баугсверде, расположенное в двенадцати километрах к западу от датской столицы.

Гребной спорт пользуется огромной популярностью в Дании. Достаточно сказать, что в этой небольшой стране насчитывается свыше ста гребных клубов, делаются хорошие лодки всех типов: академические, байдарки, каноэ. Наконец, датские гребцы с давних пор завоевали славу первоклассных мастеров.

Оспаривать звания чемпионов Европы прибыли спортсмены девятнадцати стран. Наши гребцы в такого рода соревнованиях участвовали впервые. Это придало гонкам особый, повышенный интерес. «Поболеть» за своих приехали любители гребного спорта из Швейцарии, Англии, Бельгии, Голландии, Швеции...

Соревнования на первенство Европы продолжались четыре дня, с 13 по 16 августа. Замечу, кстати, что эти гонки были юбилейными: впервые звания чемпионов по гребному спорту были разыграны шестьдесят лет назад.

Всем участникам чемпионата 1953 года пришлось выдержать серьезные испытания в предварительных заездах, прежде чем они получили право участвовать в финалах. Финальных же заездов состоялось семь, в каждом из них стартовало по пять лодок.

С особым интересом многочисленные зрители ожидали выступления восьмерок — самых быстроходных судов.

На старте выстроились восьмерки СССР, Чехословакии, Франции, Дании, Италии. Сигнал к началу гонок дан. Дистанция — два километра. Условия неблагоприятные. Начал накрапывать дождь. Но это не влияет на ход борьбы. Наши спортсмены сразу же предложили высокий темп. Они действуют дружно, согласованно. Тон задает загребной Владимир Крюков, сильный, рослый спортсмен. Наша команда постепенно отрывается от остальных.

Датчане и французы пытаются всеми силами удержаться за советской восьмеркой. Французы посадили на руль совсем худенького мальчишку, чтобы лодка и ее «пассажир», в данном случае рулевой, весили возможно меньше. По сравнению с ним наш небольшого роста рулевой Саша Маянцев выглядел великаном... Но французы пересердствовали: рулевой оказался слишком уж легким — пришлось на корму положить гири.

На финише советская восьмерка опередила занявших второе место датских спортсменов на целый корпус. Зрители-датчане, пережившие за свою команду, мгновенно «перестроились» и восторженно приветствовали советскую команду. Датские гребцы подъезжают к нашей лодке и жмут победителям руки. Французы в знак особого почета просят наших гребцов «прокатиться» на их лодке.

По единодушному мнению знатоков и тренеров, восьмерка СССР показала выдающийся класс, поразила всех слаженностью действий, отличной техникой.

Московская восьмерка общества «Зенит» выступала в следующем составе: Евгений Браго, Владимир Родимушкин, Слава Амирагов, Игорь Борисов, Евгений Самсонов, Леонид Гиссен, Алексей Комаров и Владимир Крюков. Любопытно, что Борисов — один из лучших лыжников столицы, а Самсонов играл вратарем в футбольной команде мастеров Военно-Морских Сил.

Восьми нашим гребцам и рулевому вручаются золотые медали чемпионов Европы. Золотыми медалями были также награждены занявшие первое место на двойке распашной безрульной москвичи-студенты Виктор Иванов и Игорь Булдаков. Это молодые спортсмены: Иванову 23 года, Булдакову 21 год.

Советским гребцам было вручено одиннадцать золотых и семь серебряных медалей. Они завоевали общекомандное первенство.

В других заездах звания чемпионов Европы были присуждены: чехословацкой четверке с рулевым, датской четверке без рулевого, швейцарской двойке парной, французской двойке распашной с рулевым и на одиночке П. Власичу (Югославия). Победитель Олимпийских игр Ю. Тюкалов выступал неудачно и занял пятое место.

П. РОДИОНОВ,
заслуженный мастер спорта.

Копенгаген.

Матч Л. Руденко — Е. Быкова

На первом международном женском шахматном турнире (Москва. 1949—50 г.), в котором приняли участие советские шахматистки, ленинградская спортсменка Людмила Руденко, заняв первое место, завоевала почетное звание чемпионки мира.

В 1952 году на втором турнире сильнейших шахматисток мира победу одержала московская шахматистка Елизавета Быкова, получив право играть матч на звание чемпионки мира с Л. Руденко.

Недавно в Ленинграде началось это интересное соревнование. Оно проводится по поручению ФИДЕ (Международной шахматной федерации) Всесоюзной шахматной секцией. Победительнице будет присвоено звание чемпиона мира по шахматам среди женщин. При ничейном результате матча звание чемпионки мира сохраняет Людмила Руденко.

Борьба обещает быть упорной. Л. Руденко — не только чемпионка мира, но так же, как и чемпион мира М. Ботвинник, она имеет звание и чемпионки Советского Союза.

Е. Быкова в ряде соревнований убедительно доказала, что она является одной из сильнейших шахматисток мира и СССР.

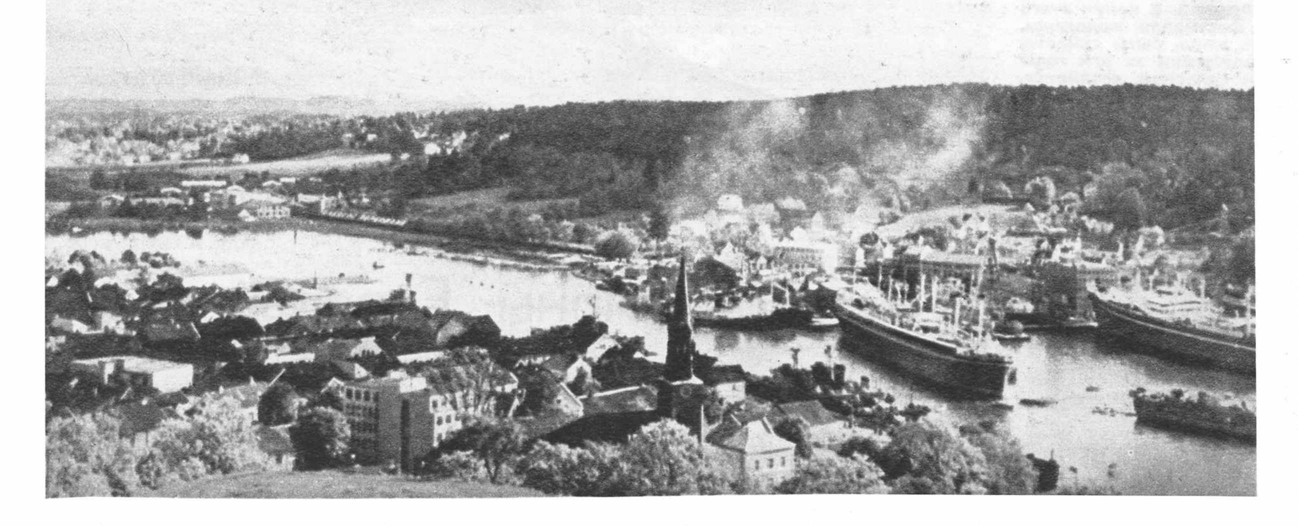

Л. Руденко (справа) и Е. Быкова перед матчем.

Фото Р. Мазелева.

ОДИН ДЕНЬ В ТЁНСБЕРГЕ

Альф Бие **КРИСТИАНСЕН**

Фото автора.

В городе переполох... Вчера днем норвежские, датские и шведские военно-морские суда стремительно вошли в гавань. Матросы и курсанты в хорошо отутюженных брюках наложили вдруг отпечаток воинственности на мирный в обычное время вид улиц города китобоев Тёнсберга. Местные власти пригласили офицеров и курсантов на бал. На фиорде были устроены соревнования по гребле. Газеты настойчиво призывали молодых представительниц женского пола проявить к гостям как можно больше приветливости...

Описываемые события только начинались, когда мы отправились на рассвете в порт. Город еще спал; рабочие дневной смены собирались к маленькому парому, который возит тёнсбергцев на другой берег Городского фиорда, где расположено самое большое в Тёнсберге предприятие — судоремонтный завод «Калднесс механиске веркстед».

Чайка кричала над пустыми купальнями. Асфальт на дорогах, ведущих в город, блестел после ночного дождя. Калднесские рабочие нажимали на педали велосипедов, выезжая из домов соседнего района Сем. Они возвратятся сюда через десять часов. От двери к двери уже шла старушка-почтальон с утренними газетами.

Несколько позже на фургонах, запряженных лошадьми, выезжают подметальщики улиц. И только после этого начинается нормальный день со множеством дел: закупкой овощей на базаре, работой на заводе и в конторе, вечерней беседой с соседями на пороге дома.

Отсюда, с горы Шлётсфьелле, видно, как красив Тёнсберг, старейший город Норвегии. Тёнсберг — центр области Вестфёлл, в нем 12 тысяч жителей. На горе развалины крепости Тюнсбергхюс и сторожевая башня, которая была воздвигнута в 1871 году в день празднования тысячелетия города.

На холме между башней и портом высится наполовину спрятанный пышной зеленью деревьев шпиль старой городской церкви. По дороге на холм можно полюбоваться несколькими белыми аристократическими особняками постройки 17—18-х веков (большинство из них стало теперь административными зданиями). За городом сквозь дымку виднеется вдали замок Хермана Веделя Ярлсберга, который попрежнему называет себя графом. Со своим состоянием в 3 миллиона крон (не считая доходов, укрытых от налогов) он мало чем отличается от более «современных» аристократов — китобойных миллионеров. Штаб их плавучих богатств находится здесь же, в Тёнсберге, и в соседнем городе Саннефьюр.

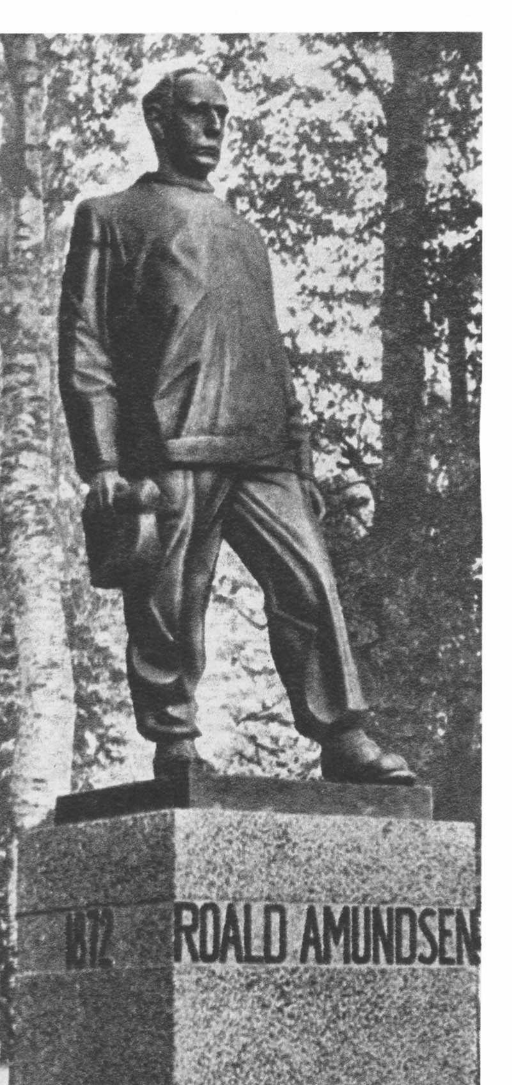
Но вот восточная часть города. Сплошное нагромождение лачуг. Здесь хроническая перенаселенность, многие дома давно уже признаны негодными для жилья. Здания получше, окруженные садиками, мы видим только дальше на восток, где начинаются бесконечные зеленые поля — свидетельство того, что область Вестфёлл — один из лучших земледельческих районов страны.

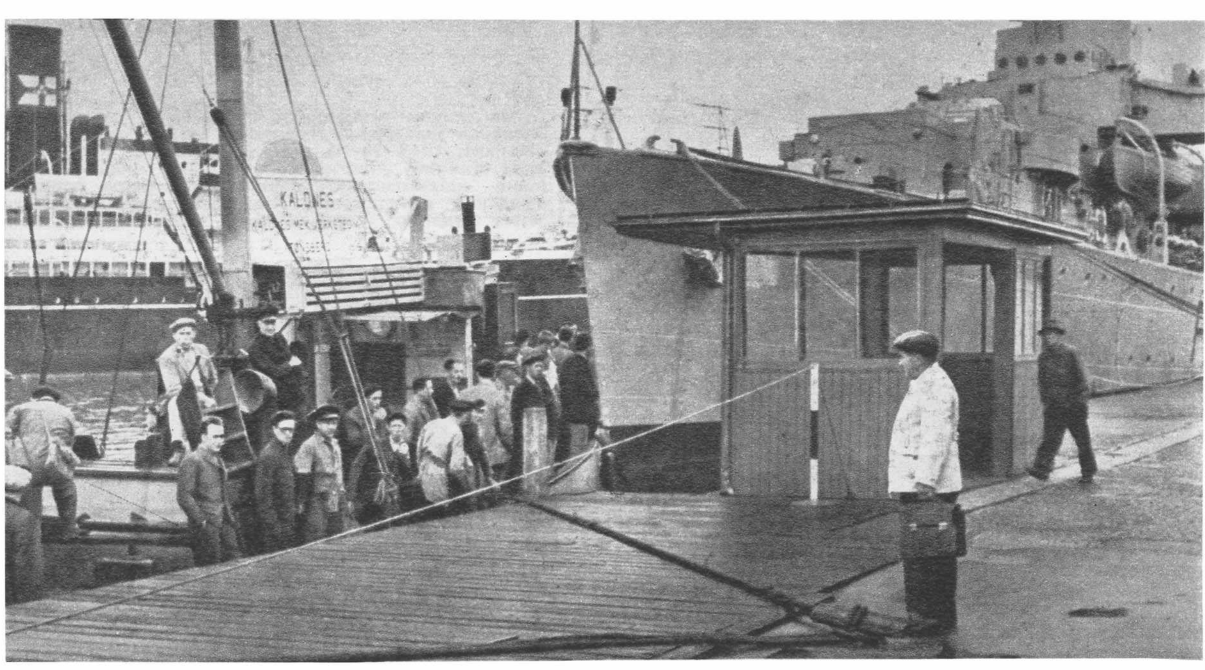
В Тёнсберге узкие улицы. Автомашины тут едут, прижавшись почти вплотную к стенам домов, возле которых дети играют в ковбоев, угрожая друг другу игрушечными револьверами — необходимым атрибутом американского «дикого запада». В городе с большим числом женщин-работниц только три детских сада, и то частных, рассчитанных всего лишь на 70 детей.

В год окончания войны по инициативе женщин-коммунисток был поднят перед муниципалитетом вопрос о помещении для городского детского сада. Нашли подходящий дом, но так как муниципалитет не смог предоставить его жильцам других квартир, то дело с детским садом кончилось ничем. Многие замужние женщины, вдовы погибших на войне и вдовы моряков, вынуждены отказываться от работы на предприятиях: не с кем оставить детей.

В Тёнсберге нет статистики бездомных и ищущих жилья. Муниципалитет сам ничего не строит, частные и кооперативные строительные организации получают ссуды от государства. Но ссуды эти невелики, а собственных

Памятник Роальду Амундсену.

Рабочие дневной смены переправляются через Городской фиорд.

Рано утром выезжают подметальщики улиц.

средств для стройки рабочие не имеют. Средний доход рабочего — 11—12 тысяч крон в год (без вычетов), квартирная же плата в новых домах обходится в 120—150 крон в месяц. Кроме того приходится уплачивать от трех до четырех с половиной тысяч крон за въезд в новую квартиру.

Одна комната, спальный уголок и крохотная кухня в так называемом «немецком бараке» (постройка времен войны) стоят 79 крон в месяц. В холодные зимы цены на квартиры в таких бараках сильно поднимаются. Однажды муниципалитет хотел снести самые ветхие из бараков и объединить жильцов в строительную организацию, но этот план рухнул: у рабочих не было денег.

В этом году впервые после войны появилась в Тёнсберге безработица, особенно заметная среди рабочих-строителей. На «Калднесс механиске веркстед» работает 1 200 человек. Но директор предприятия Трап Мейер, член союза директоров судоремонтных заводов, недавно заявил в печати, что, по его мнению, положение серьезно. Смысл заявления сводился к тому, что предстоит увольнение многих рабочих. Причина? Причину Трап Мейер видит в том, что в кругу капиталистов обычно именуют «угрозой мира».

Администрация «Калднесс механиске веркстед» навязывает рабочим так называемую систему «рован». По этой «системе» темпы работы должны быть усилены, а заработная плата, благодаря хитро придуманным расчетам, будет снижаться. Упорная борьба вокруг системы «рован» идет уже давно. Под давлением постоянного роста цен рабочие частично отступили перед единым фронтом правительства и руководства Норвежского объединения профсоюзов: вопреки существующему закону об охране труда рабочие вынуждены теперь работать сверхурочно. Восемь часов сверхурочной работы в неделю стали обычным явлением, многие же работают больше.

Но вернемся на улицы Тёнсберга. У единственного кино стоит человек и изучает афишу. Интересно было бы узнать, что он думает о программах. Детские сеансы даются в 5 и 7 часов. Идет американский гангстерский фильм. На афише полуголая девица (напоминаем: сеанс для детей!).

Матери в Тёнсберге сокрушенно качают головой, видя, как девятилетний сын играет в шерифа или гангстера и встречает вас с ружьем в одной руке, револьвером в другой, яростно крича: «Руки вверх!»

Впрочем, для взрослых демонстрируют те же гангстерские фильмы и фильмы с сексуальными сюжетами. «Все это должно привить нашей молодежи равнодушие к миру и восхищение войной», — с горечью говорит мне одна мать...

«Пейте кока-кола: полезно и приятно!» Норвежское дочернее предприятие американского концерна «Кока-кола» находится в Тёнсберге, поэтому всюду на стенах домов и заборах вы встречаете эту рекламу.

Что сказать о других проявлениях культурной жизни города? Ближайший постоянный театр для жителей Тёнсберга — это театр в столице Норвегии Осло. Два — три раза в год тёнсбергцы садятся в театральный автобус, в котором по пониженным ценам можно поехать поглядеть спектакль.

Но когда театр из Осло предпринимает турне по стране, он проезжает мимо Тёнсберга: в городе нет театрального помещения. В красивом месте, среди тенистых деревьев приютилась неплохая библиотека; но киоски и книжные магазины приманивают людей американским чтивом — журналом «Ридерс дайджест», переведенным на норвежский язык, гангстерскими романами в пестрых обложках. Многие из них ввозятся прямо из-за океана, но рынок постоянно пополняется и новыми переводами.

В Тёнсберге воздвигнуты памятники двум выдающимся норвежцам. Один из них — Роальд Амундсен, 25 лет тому назад навсегда исчезнувший в полярной ночи, когда он направился на поиски итальянского воздухоплавателя Нобиле. Второй — Свен Фойн, уроженец Тёнсберга. Его называют отцом современного китобойного промысла. Если бы он жил сегодня, то, наверное, вытаращил бы глаза, услыхав, что после второй мировой войны люди, нажившие миллионы на китобойном промысле, уклоняясь от налогов, оценили свои плавучие китобойные заводы в... одну крону каждый! Возможно, он удивился бы также, узнав о некоторых статьях бюджета его родного города. На строительство бомбоубежищ предусмотрено ассигновать 100 тысяч крон, на другие «оборонительные» цели — 80 тысяч, а на культурные мероприятия — 77 тысяч.

В тихий ночной час молодые борцы за мир написали огромными буквами на стене одного из домов Тёнсберга: «Остановите военное безумие!» А когда в День конституции празднично настроенные люди заполнили улицы, то они прочли еще одну надпись на гранитной стене горы: «День 17 мая должен служить миру!»

Призывы отстоять мир, которые тесно переплетаются с требованиями трудящихся об улучшении жилищ, о строительстве школ, снижении цен и налогов, раздаются теперь по всей стране. Простые люди Тёнсберга не стоят в стороне от этой борьбы.

Перевод с норвежского.

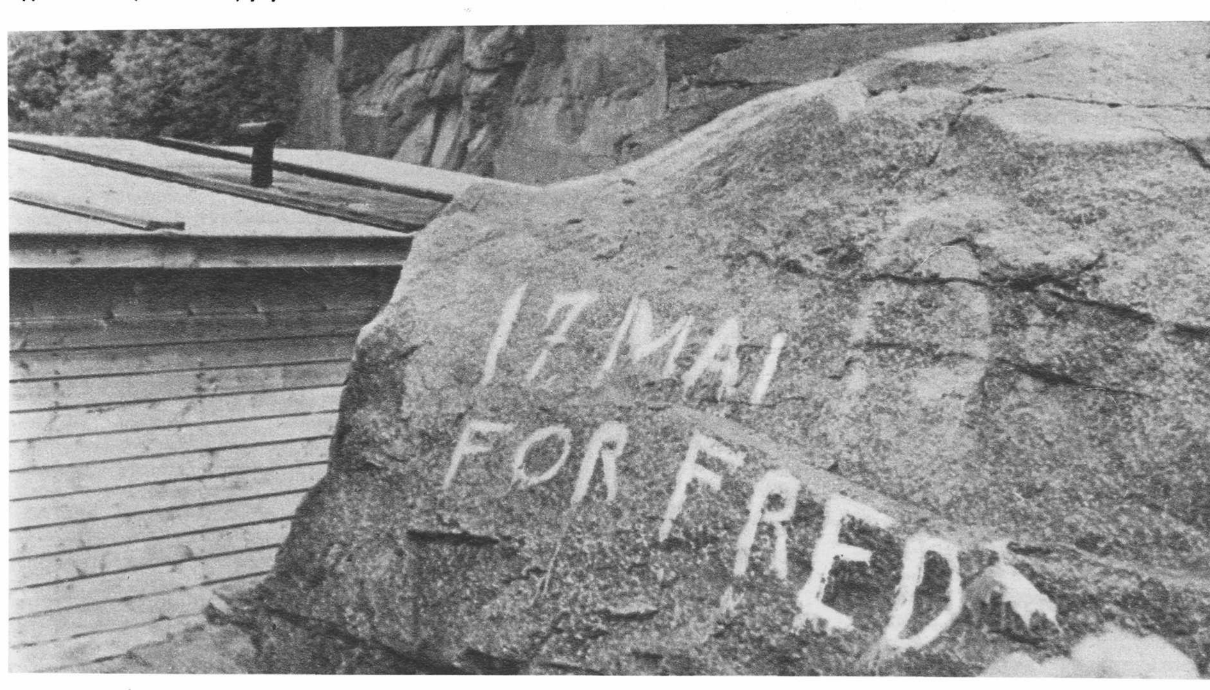
Осло. Июль.

Во дворе жилого дома. Его стену нужно подпирать столбами, иначе она рухнет.

Концерн «Кока-кола» имеет свое предприятие в Тёнсберге.

В День конституции на скале появилась надпись: «День 17 мая должен служить миру!»

У единственного кинотеатра стоит человек и изучает афишу «детского» киносеанса.

ФРАНЦУЗСКИЕ ЖИВОПИСЦЫ

Заметки о наших вкладках

Значение творчества Эжена Делакруа (1798—1863), 90-летие со дня смерти которого отмечает ныне художественная общественность, перерастает границы искусства его времени. Человек, обладавший темпераментом и настойчивостью борца, он оказался и новатором в искусстве.

Редко можно было встретить среди живописцев художника с такими обширными познаниями в искусстве, с таким тонким вкусом, как Делакруа. Поразительны острота и глубина его суждений о живописи и скульптуре, о литературе и музыке. Его захватывал Бетховен, он увлекался творчеством своего друга Шопена. Делакруа сумел по заслугам оценить достижения испанского художника Гойи, английских пейзажистов.

Во Франции Делакруа заметили в 1822 году, с первого его появления на ежегодных выставках. А через два года он выступил с картиной «Хиосская резня». В ней изображена происшедшая на острове Хиосе жестокая расправа турок с греками, героически боровшимися за свою национальную независимость. Подобно Байрону, Пушкину и другим передовым людям того времени, все симпатии Делакруа были на стороне восставших. Гнет тяжелой политической реакции во Франции в ту пору питал эту его ненависть ко всяким угнетателям. В «Хиосской резне» Делакруа по-новому решал задачу исторической картины, заставляя зрителя сочувствовать не отдельному лицу, а жизни и борьбе народа в целом. Придав реалистическую основу исторической живописи, он смело пошел против норм официального искусства, закоснелых академических авторитетов.

В картине «После кораблекрушения» изображена лодка, несущаяся без руля и весел по бушующему морю. В полном изнеможении закинула голову женщина на корме, двое мужчин на носу лодки лежат ничком, обессиленные борьбой и отчаянием, и все же судорожно цепляясь за борт. После кораблекрушения прошло много времени, но они сохранили еще надежду на спасение и энергию для борьбы.

Тема кораблекрушения, к которой художник не раз обращался, увлекала Делакруа возможностью показать человеческие переживания на грани между жизнью и смертью, то есть особенно обостренно.

В ночь на 28 июля 1830 года улицы Парижа покрылись баррикадами. Революционные рабочие, ремесленники и передовая интеллигенция одержали победу. В эти героические июльские дни Делакруа завоевал себе право называться подлинным патриотом: он запечатлел их в картине «Свобода, ведущая народ на баррикады». Картина эта является высшим достижением исторической живописи Делакруа. Революционный порыв и вдохновение боя олицетворяет фигура молодой женщины с трехцветным знаменем в руках — символом Французской республики. Ее фигура полна естественной красоты и силы. Это женщина-боец, рядом с которой мы видим и ее бесстрашных сподвижников. Героическому сюжету соответствуют динамическая композиция, удачно переданные контрасты светотени. «Свобода, ведущая народ на баррикады» — это произведение, выражающее наивысший революционный подъем в жизни Делакруа как гражданина. К сожалению, в последующие годы он отходит от политических событий, все больше замыкаясь в кругу узкохудожественных интересов.

В 1832 году Делакруа побывал в Марокко, затем в Алжире, Испании. Поездки эти запечатлены во множестве зарисовок карандашом, пером, акварелью. В дальнейшем, занимаясь наряду с росписями зданий графикой, он написал и несколько картин на так называемые восточные сюжеты.

Э. Делакруа. «СВОБОДА, ВЕДУЩАЯ НАРОД НА БАРРИКАДЫ».

* * *

Известный французский художник Гюстав Курбе (1819—1877) был одним из самых страстных борцов за реализм. Отвергая устарелые академические взгляды на живопись, он настойчиво добивался связи искусства с современностью. Изображая природу, Курбе стремился передать реальную красоту и особенности увиденного. Государственному музею изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве принадлежит несколько первоклассных пейзажей этого мастера. В картине «Море у берегов Бретани» он изображает пустынный каменистый берег, даль открытого морского горизонта, легкое движение влажных облаков. В картине «Хижина в горах» мы видим одинокое жилище, которое будто хочет укрыться за высокими стенами гор.

Последние годы своей бурной жизни художник провел в Швейцарии, вынужденный переселиться туда из-за политических убеждений. Курбе был членом Парижской Коммуны, и победившее буржуазное правительство отомстило ему судебным преследованием и тюремным заключением.

* * *

Жюль Бастьен-Лепаж (1848—1884) — сторонник реалистического искусства. Он правильно наметил основное направление своего творческого пути, хотя сам не избежал ошибок и колебаний. «Нет ничего лучше правды,— говорил он.— Нужно писать то, что знаешь и любишь. Я происхожу из лотарингской деревни, и я буду писать крестьян и пейзажи моей родины, какими они бывают в жизни». Картина «Деревенская любовь», написанная в 1883 году, принадлежит к числу лучших произведений Бастьен-Лепажа. Автор сумел передать в ней свое теплое отношение к робкому молодому чувству влюбленной пары. В тишине наступающего вечера как будто случайно произошла эта встреча. Деревенский парень, смущенно рассматривая собственные пальцы, видно, с трудом подыскивает слова любви, а девушка ждет их терпеливо и доверчиво.

* * *

Камилл Коро (1796—1875) — один из самых прославленных пейзажистов середины XIX века. Первоклассное собрание его пейзажей имеется в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Коро особенно любил скромные уголки средней полосы Франции. Он был мастером так называемого интимного пейзажа и всегда умел передать зрителю те чувства и настроения, какие возбуждало в нем созерцание природы. Художник часто изображал переходные времена года — весну и осень,— охотно запечатлевая утреннюю дымку тумана, вечерние сумерки, дождливую или ветреную погоду. Малозаметные человеческие фигурки на его полотнах углубляют основное впечатление.

В картине «Порыв ветра» одинокая женская фигура, спешно идущая против ветра, подчеркивает ту тревогу, которая будто охватывает всю природу от грозного дуновения, предвещающего непогоду. Гибкие ослабевшие ветви дерева взметнулись в одном направлении с облаками. Последние отблески заката борются с наступающей темнотой.

Картину «Воз сена» можно назвать, говоря словами Пушкина, «улыбкой ясною природы». Дождь только что прошел. Блестит лужа под ногами ступающих в нее лошадей, понемножку все предметы покрываются блеском, смягченным дымкой испарений. Солнца еще не видно, но облака уже стали легкими, прозрачными, и там и сям появляются клочки голубого неба...

А. ЗАМЯТИНА

Э. Делакруа (1798—1863). ПОТЕРПЕВШИЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ.

Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

«Огонек». 1953.

Г. Курбе (1819—1877). ХИЖИНА В ГОРАХ.

Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Г. Курбе. МОРЕ У БЕРЕГОВ БРЕТАНИ.

Ж. Бастьен-Лепаж (1848—1884). ЛЮБОВЬ В ДЕРЕВНЕ. **Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.**

К. Коро (1796—1875). ВОЗ СЕНА.

Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

К. Коро. ПОРЫВ ВЕТРА.

ВЕСНОЙ

Рассказ

Ф. КНОРРЕ

Рисунки О. Верейского.

2

Экскаватор Яниса продвигался все дальше вдоль речки, оставляя следом за собой в обновленном русле глубокую чистую воду между двух ровных, с правильными откосами берегов.

Раз за разом ковш, из которого хлестала через щели вода, поднимался, относил в сторону и сбрасывал груды песка и глины, оставляя по обоим берегам реки высокие валы.

День был солнечный, и дело шло не хуже, чем всегда, но сегодня, как и все последние дни, работа не казалась бригадиру радостной и интересной. Руки Яниса делали свое дело, но душа не радовалась, ей было темно и холодно, точно в погребе.

И когда наступил обеденный перерыв, Янис так же равнодушно, как работал, слез на землю и растянулся на траве, прикрыв для виду глаза, чтобы избежать разговоров.

Бринкис раскупорил бутылку с молоком, аккуратно разложил на газете пучки редиски, зеленого лука и, достав из просаленной бумаги кусок вареной баранины, начал нарезать ее ломтиками.

Вася торопливо положил на ломоть хлеба кусок баранины и, сложив пополам пучок лука, обмакнул его в соль.

— Сядь и поешь, как человек,— ворчливо сказал Бринкис.— Что ты на ходу хватаешь!

Пробормотав что-то в ответ, Вася с хрустом надкусил лук и начал взбираться на верхушку земляного отвала — кавальера.

Оттуда, сверху, хорошо был виден весь заболоченный луг, прорезанный черными полосами недавно отрытых канав. Мелиоративная бригада последние дни работала на лугу, и Вася сразу же нашел глазами розовое, в белый горошек платье Марйте.

Он спустился с отвала и зашагал по направлению к кустам, в которых расположились на обед девушки из мелиоративной бригады. Однако направление он взял отнюдь не прямо, а наискосок для того, чтобы можно было как ни в чем не бывало пройти мимо, если его никто не окликнет.

— Вот твой кавалер шествует,— сказала Маруся,— окликни-ка его, пускай подойдет.

— Очень он мне нужен,— сказала маленькая Марйте,— ни за что не стану звать. Начнет разные глупости болтать да петрушку представлять.

— А ты не смейся, если не нравятся его «глупости»,— рассудительно посоветовала Мàритэ.

— Внимания даже обращать не стану, не то что смеяться...

Начинавший уже побаиваться, что его и вправду не окликнут, Вася остановился и обернулся с удивленным видом, услышав голос звавшей его Маруси.

«Не она, а Маруся позвала,— отметил он про себя.— Ну что ж. Пускай. У меня больше прав сердиться. Она меня гороховым шутом обозвала за то, что я не пошел ее провожать, а это не моя вина. Ладно. Во всяком случае, шуточек да смешков от меня она не дождется. Увидит, каким я могу быть серьезным».

Он поздоровался с Марйте безразлично холодно. Вообще все сразу должны были заметить, какой он сдержанный и вежливый. Когда Маруся, приоткрыв крышку плетеной корзинки, предложила ему взять бутерброд с копченым салом, он сухо и церемонно ответил:

— Большое спасибо, что-то не хочется.

Маленькая Марйте чуть слышно напевала про себя тоненьким голоском, показывая этим, что не собирается ни принимать участия в разговоре, ни обращать внимания на Васю.

Раз, другой взгляд ее скользнул поверх васиной головы. Немного погодя она искоса взглянула ему в лицо, но тотчас отвела глаза. Живое и такое открытое лицо Васи выглядело сейчас натянутым, как будто одеревенело. Марйте, не выдержав, глянула еще разок попристальней, и вдруг ее пухлые губы скривились в странной гримаске. Она с усилием перевела дух и вдруг громко фыркнула.

Маруся переглянулась с Мàритэ, и, вспомнив недавний разговор, обе подруги тоже засмеялись.

— Да-а!..— плаксивым от смеха голосом, с досадой крикнула Марйте.— А зачем он нарочно такое лицо серьезное делает, чтоб меня рассмешить? Зачем он такой смешной, когда серьезный?

— Знаете что? — покровительственно сказала Маруся.— Вы лучше не пробуйте ссориться. Все равно ничего у вас не получится. Ты, Вася, бери из корзинки, ешь и давай поговорим. Нам одно дело нужно выяснить.

Марйте, глядя исподлобья, пододвинула к нему корзинку, и Вася, усмехнувшись, вытащил толстый ломоть серого хлеба, выложенный сверху аккуратными квадратиками розоватого сала.

— Где это бригадир ваш все пропадает по вечерам? — спросила Маруся.

— Так, гуляет.

— А зачем он скрипку с собой всегда таскает?

Вася перестал жевать и внимательно посмотрел на Марусю:

— Вы что? Тоже что-нибудь заметили?

— Не «что-нибудь», а все,— спокойно вставила Мáритэ.— Даже тебя и то заметили, как ты тот ночной концерт слушал, за деревьями прятался.

— Только меня не было, — с сожалением вздохнула маленькая Марйте. — Досадно даже. А может быть, и к лучшему, я заревела бы, наверное, громче всех, если бы увидала, как Саша плачет.

— Реветь и бык умеет, — наставительно сказала Маруся,— а мы должны людям помочь. Мы, Вася, небольшой план составили. Ты бери, бери еще из корзинки и слушай.

— Не до того сейчас, — отмахнулся Вася, но протянул руку и взял второй бутерброд.

— В субботу, когда Саша сюда приедет,— продолжала Маруся, — в клубе будет новая картина. Мы Сашу задержим до вечера и приведем в кино. А твое дело — своего бирюка туда затащить.

Вася внимательно слушал, хмурясь и покусывая губу.

— Мы уже придумали, как их рядом усадить,— хитро сообщила маленькая Марйте.

— А если они не сядут? — озабоченно спросил Вася.

Мáритэ властно перебила:

— Это уж наше дело. Ты только своего крокодила приведи.

— У нас все обдумано, не беспокойся,— торжествуя, объявила Марйте.— Вы садитесь все вместе рядышком. А мы сядем около. И вдруг ты мне скажешь: «Марйте, садись со мной». А я скажу: «Вот еще чего придумал, очень надо. Ну, так и быть». И попрошу Яниса уступить мне место. Он встанет, а тут Маруся и Мáритэ закричат: «Янис, идите, садитесь к нам!» — и так пересядут, что ему некуда будет больше сесть, кроме как рядом с Сашей... А дальше пусть уж сами как-нибудь находят общий язык. Мы за них объясниться в любви все-таки не можем...

Вася подумал и серьезно сказал:

— Девушки, вот вам моя рука, только не пожимайте, а то еще кто-нибудь увидит, что мы сговариваемся, и разболтает. А теперь я лучше пойду. Вы меня очень взволновали, и я, кажется, много ваших бутербродов съел...

Ни разу не обстрелянные крепости и никем не критикованные планы имеют свойство выглядеть обманчиво неуязвимыми. Хитрый план девушек, казалось им, не имел никаких изъянов и обеспечивал полный успех.

Саша действительно приехала в субботу к вечеру на своем мотоцикле, побывала на землях, где шли мелиоративные работы, и разругала трактористов за искривленную линию канавы.

На работающий экскаватор она посмотрела только издали, с горки, и отметила на плане пройденный им путь. В ответ на приветственные возгласы Васи она только слегка помахала рукой и ушла.

Уже вечерело, работы на лугу шли к концу, когда Саша, к ужасу девушек, несмотря на все уговоры, стала собираться домой. Хитроумный план неминуемо должен был рухнуть, если бы не помогла новая неожиданность.

Далекое ворчанье грома, давно уж доносившееся из-за леса, вдруг стало быстро приближаться. Дохнул порыв влажного ветра, черная, быстро бегущая туча закрыла небо. Отчаянно спеша, девушки стали собираться, на ходу подхватывая брошенные во время работы вещи, подвязывая потуже рвущиеся на ветру платочки, и наконец бросились бежать через луг к деревне, взвизгивая под первыми тяжелыми каплями дождя.

Сверкнула молния, и из-за дальнего леса повалили черные клубящиеся тучи. По лугу хлестнул холодный ливень.

Даже задумчивая и какая-то вся настороженная последнее время Саша смеялась вместе с другими девушками, когда они, шлепая босыми ногами по лужам, с мокрыми лицами, в почерневших от воды платьях, бежали, скользя, к дороге.

По недавно отрытым канавам осушитель-

Продолжение. См. «Огонек» № 33.

ной сети, бурля и пенясь, мчалась к магистральному каналу вода.

— Смотрите! — крикнула Саша, внезапно останавливаясь под проливным дождем.— Ведь здесь завтра было бы озеро или болото непроходимое, а теперь вода сама убегает!

— Правильно. Да здравствует мелиорация! — крикнула Маруся, хватая Сашу за руку и таща ее за собой.— Только бежим скорей: утонем!

Задыхаясь, смеясь и разбрызгивая при каждом движении воду, девушки ворвались на крыльцо марусиного дома.

— Снимай все с себя, снимай! — говорила Маруся, чуть не насильно стаскивая с Саши мокрое платье.— Все равно теперь никуда не поедешь. У меня ночевать останешься.

— Удачно как получилось, правда?! — простодушно воскликнула Марйте.

Маруся показала ей потихоньку кулак.

— Вот уж удача! — удивилась Саша, ожесточенно протирая мокрые волосы полотенцем.— Вымокли, как лягухи.

Марусина бабка развешивала около плиты одежду девушек, пока они все, потешаясь друг над другом, примеряли платья, вытащенные Марусей из комода и всем решительно оказавшиеся не в пору.

Саше было узко в плечах, а в талии очень широко, и выглядела она очень забавно, точно девочка в платье со взрослой.

— Смотри, ты тоненькая, а плечики какие широкие да ровные,— ласково усмехаясь, приговаривала Маруся, застегивая у Саши на спине мелкие крючки. Покончив с крючками, она повернула ее кругом, критически осмотрела: — По правде нельзя сказать, чтобы ты была красивая, но какая-то складненькая вся. Ничего в тебе менять не хочется. Как будто все так и надо!

— Спасибочки за аттестацию,— не без удовольствия усмехнулась Саша и забралась на клеенчатый диван, поджав под себя озябшие босые ноги.

— Сейчас посушимся-погладимся и пойдем в клуб, там картину очень интересную показывают,— как будто невзначай обронила Маруся.

Саша покачала головой:

— Вы идите в кино, а я домой поеду.

— И не мечтай! С нами пойдешь. Добром не останешься, мы твой мотоцикл весь по винтикам разберем.— Маруся оглянулась на девушек.— Верно?

— И винтики в ступе потолчем,— добавила Марйте.

Ма́ритэ веско поддержала:

— Дорога совсем размокла. Вот застрянешь в темноте на своем мотоцикле.

— Он у меня привычный, проедет! А в кино я, девушки, все равно не пойду, не хочется, честное слово.

Маруся пристально посмотрела ей в лицо:

— Нет?

Саша упрямо покачала головой.

— Так! — отрубила Маруся, точно гвоздь вбила по самую шляпку с одного удара.— Тогда будем разговаривать начистоту! Будем, девушки?

— Начистоту даже лучше,— поддержала Ма́ритэ.

— Ладно. Слушай, милая Саша,— мы все тебя любим. Все переживаем. Не мучай ты людей. И себя тоже. Ты нам честно сознайся: любишь его?

— Кого?

Маленькая Марйте, увидев, как внезапно побледнела Саша, ласково обняла ее за талию, уткнувшись головой в колени.

— Саша,— укоризненно и серьезно сказала Маруся,— мы с тобой разговариваем не от нечего делать. Мы говорим от сердца. Не криви душой, скажи: любишь?

— Ну, пускай люблю!..— каким-то точно усталым голосом проговорила Саша, упорно глядя мимо лица Маруси на стену, где висели ножницы, зацепленные одним ушком за гвоздь.

Ма́ритэ порывисто выпрямилась, взяла Сашу за плечи и, сияя от радости, слегка потрясла:

— Да ты опомнись, Сашенька, опомнись! Ведь он же тебя тоже ужасно любит! Это же просто за версту видно. Неужели ты не видишь, как он тебя любит? — и она еще раз слегка встряхнула Сашу, глядя ей в глаза веселыми, счастливыми глазами.

— Не знаю, какая у него любовь...— тихо сказала Саша.— Да это и все равно.

Ма́ритэ вспыхнула:

— Ты не знаешь? А я знаю. Теперь не какое-нибудь старое время, чтобы зря мучиться от любви. Любите — и женитесь и друг другу не портите жизни.

— Оставьте вы меня, девочки, в покое, ведь ничего вы не знаете, ничего не понимаете. Лучше вы от меня отстаньте.

Голос у Саши стал напряженный и сухой.

Маруся села прямо против нее и терпеливо сложила руки на коленях:

— Не надейся, Сашенька, не отстанем: мы не такие, чтоб обидеться на твои слова. Не такие, чтоб подругу бросить в беде. Если ты не пойдешь с нами, вот, честное слово, я пойду и его сюда приведу. Я тебе по-простому, без хитрости говорю. Хоть на веревке приведу. Это что за моду взяли страдать?! Было бы с чего! А то нате: он, понимаете, по ночам в болоте на скрипке играет и зубами скрипит, а она в лесочке прячется, слушает и плачет.

Саша быстро выпрямилась. Глаза у нее потемнели от возмущения и стыда:

— Ты что же, подсматривала?.. Ты?..

— А как же? Обязательно. Мы в самое болото за тобой лазили. Ночь не доспали. В грязи вывозились по уши... Да это неважно, нет такой вещи, чтоб мы ради подруги не сделали. Имей в виду, мы очень верные. Ты надейся на нас всегда.

Саша опустила голову и вздохнула:

— Ой... Зачем вы это все? Говорю же вам, вы все равно ничего не знаете, девочки.

— Нет, он очень хороший человек,— печально качнула головой Саша.

— Запутала ты нас совсем, милая.— Маруся, начиная раздражаться, передернула плечами.

— Да нету у нее никакого мужа, она шутит, да? — с наивной надеждой вдруг попробовала улыбнуться Марйте.— Правда, ведь никто и не видал его.

— Не видал, так я ведь не здешняя.— Саша вздохнула, пригладила волосы и так невесело улыбнулась, что надежда Марйте сразу погасла.— Вам все просто так представляется: любили, поженились, значит, все хорошо. Хотя ведь и мне тогда так казалось... Я в техникуме училась, а он на курсах, которые при нашем техникуме были. Там мы встретились и полюбили...

Курсы были краткосрочные, и он их закончил и получил назначение на работу в отъезд. А мне оставалось учиться еще полтора года. Подходит срок его отъезда, а мы все не знаем, на что решиться. Я три ночи проплакала. Поссорилась со своей подругой Клавдией, связала веревочкой тетрадки, вышла к нему на крыльцо, когда он в последний вечер пришел за ответом, и говорю: «Делать нечего, поедем вместе». И сама реву. А Клавдия за спиной стоит и говорит: «Ну и дура, ну и сумасшедшая, полностью теряю к тебе уважение, начиная с этой минуты и до конца жизни».

А он подхватил меня на руки, спрыгнул с крыльца и три раза со мной обежал кругом весь двор. А двор большой. А когда он поставил меня осторожно, точно стеклянную, на крыльцо обратно, Клавдия сказала: «Может быть, ты и не сумасшедшая, кто вас разберет, ты мне во всяком случае пиши, я тебя прошу».

И мы уехали и поженились.

— А как ты его любила? — замирая от любопытства, умоляющим голосом спросила маленькая Марйте.— Ну как, скажи...

— Как? Разве это расскажешь?..— Саша печально и нежно улыбнулась какому-то воспоминанию.— Ну, вот он отойдет от меня на минутку, станет перед зеркальцем побриться. А я не могу, я сейчас же подойду и положу руку ему на плечо и тоже гляжу в зеркальце, чтоб побольше быть вместе. Вот какая я была дура... счастливая.

— Ой, интересно как и страшно! Неужели

— А ты скажи, мы узнаем,— рассудительно подсказала Ма́ритэ, поглаживая Сашу по плечу.

Саша опять остановила глаза на шляпке гвоздика, на котором висели разинувшие пасть ножницы, и тихо сказала:

— Я замужняя, девочки...

На минуту наступила мертвая тишина. Потом Маруся неуверенно спросила:

— Ты, может быть, нас обмануть хочешь? Что-то твоего мужа никто видом не видал, слыхом не слыхал!

— Мы с ним давно уже вместе не живем. Ведь я ушла от него.

— Значит, не любила, раз ушла! — бодро, но не очень уверенно воскликнула Ма́ритэ.

— Нет, любила. Любила и ушла.

— Что ж он, пьяница какой-нибудь оказался? Или лодырь?

после этого он тебя мог разлюбить? — охнула Марйте.

— Ты слушай. Его поставили работать на... ну, все равно, на одном крупном механизме новой марки. Он волновался, старался не опозориться сначала, потом выйти в передовые и так далее. А я ему сочувствовала, волновалась, все, значит, по-хорошему, и только чуть-чуть у меня сердце щемило. Все-таки он дело делает, а я только сочувствую, белье стираю и обед варю. Потом, хотя мы об этом вслух не говорили, но сперва у нас так считалось, что я вроде как бы подвиг совершила, пожертвовала своим учением ради нашей любви... А спустя некоторое время я замечаю, что это все забылось и получается скорее наоборот: он ради меня работает, зарабатывает нам на жизнь.

Начались у нас небольшие ссоры. Опоздает

он немного домой, я говорю: «Как тебя долго не было». А он отвечает: «Как долго? Всего на полчаса опоздал». А я кричу, что он опоздал на час, а он уверяет, что на полчаса. А опоздал он, может быть, на сорок минут! И спор у нас, на посторонний взгляд, ужасно глупый, а дело-то все в том, что ему с людьми, на работе, в делах час — это недолго, а я за этот час все на свете передумаю в одиночестве: и ушибло его механизмом, и разбойники зарезали, и другую встретил, и меня позабыл, и еще невесть что...

Потом я его стала ревновать. К кому? К работе, к товарищам. В театр пойдем — меня досада берет, зачем он на актеров смотрит, а не на меня...

Он мне терпеливо доказывает, что такая ревность — отсталое чувство и ревновать не к кому, а я сама знаю, что отсталое, а все равно ревную. Стали мы ссориться и мириться, ссориться и мириться. Ссоримся мы потому, что жизнь наша на косом фундаменте построена, а миримся мы потому, что друг друга любим все-таки... Да ну, все и вспоминать не стоит. И один раз он мне с досады в споре возьми да и скажи, что я поглупела.

И вдруг я поняла, что это правда: поглупела. Образование у меня было слабенькое, но в техникуме я считалась способной и на второй год совсем выровнялась и многих обогнала. А теперь вот достигла счастья: с мужем по пустякам ссорюсь и глупею.

Всего не перескажешь, да и не к чему. Короче: дошло все-таки дело до того, что я однажды выстирала занавески и все белье, пошла заплатила по всем счетам, поцеловала подушку, погладила все наши вещички общие, которые в комнате были, и уехала, оставив коротенькую записочку: «Я сама во всем виновата». Только в последний момент сделала птичку и вставила «почти».

Уехала и поступила не в техникум, а на те самые курсы, где он учился, кончила их и получила назначение на такой же механизм. Но, конечно, совсем в другую местность, даже в другую республику. Работа на этом механизме довольно тяжелая, а я год проработала. И его норму стала выполнять. А его норма — почти две нормы, это считалось очень хорошая работа, кто так выполняет...

А потом мне говорят: «Саша, ты способная, надо тебе учиться дальше, не век на механизме сидеть». Я и пошла в техникум. Вот стала мелиоратором. Меня к вам сюда прислали, и вот я тут всего год, а отношение ко мне установилось в районе хорошее. Так что все хорошо теперь, девочки...

— Вот уж ни за что бы не написала, что я виновата! — с ожесточением воскликнула Маруся.— Ишь ты! Выбрось ты его из головы, позабудь, на развод подай. Ведь есть человек, который тебя по-настоящему любит. И парень он надежный, недаром Бринкис с Васькой за него горой стоят...

— Правильно, не старое теперь время, чтобы, как у нас прежде в Латвии, вышла девка замуж, он ее на свой хутор завез, посадил, и сиди всю жизнь, никуда не денешься,— горячо выпалила Ма́ритэ.— А ты что нюни распустила, дула такая?

Она сгоряча так и сказала вместо «дура» «дула», на родном языке.

Маленькая Мари́те, действительно, потихоньку плакала у Саши на плече, обхватив ее шею руками.

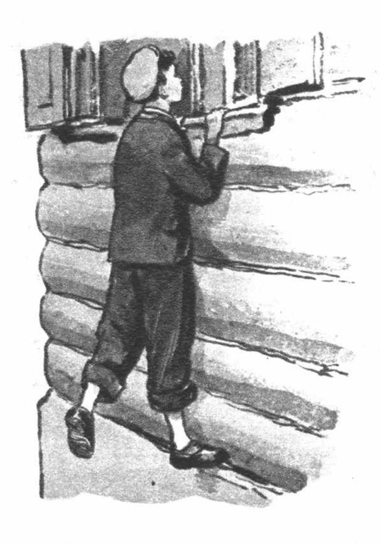
— Тут думать надо, а не реветь,— строго сказала Маруся.

— Жаа-лко... — виновато прохныкала Мари́те, растирая Саше ладонью мокрую щеку, которую намочила своими слезами.

— Ошибку сделала, не век же мучиться. Развяжи себе руки и иди к тому, кого теперь полюбила... А того и вспоминать брось. К чорту его. Не реви! — Маруся строго посмотрела на всхлипывающую Мари́те, которая стала теперь совсем похожа на маленькую пухлую девочку.— Перестань сейчас же, а то, как я зареву, так...— Маруся, не договорив, обернулась к окну.

В стекло снаружи кто-то настойчиво и осторожно стучал ногтем.

— Кто там? — торопливо вытирая покрасневшие глаза, спросила Маруся, не открывая наружной двери. Ей никто не ответил. Тогда она нажала щеколду и, распахнув дверь, вышла на крыльцо.

Вася в калошах и высоко подвернутых брюках стоял одной ногой на выступе фундамента, придерживаясь за наличник, и заглядывал в комнату.

Когда Маруся его окликнула, он обернулся, и калоша у него соскользнула с выступа. Взмахнув руками и еле удержавшись на ногах, он неуклюже спрыгнул на землю, расплескав глубокую лужу под окном.

— Что вы там, с ума посходили все до одной? — свистящим шепотом заговорил Вася, торопливо подходя к крыльцу.— Мари́те плачет, Саша сидит бледная, будто больная, и ее по голове гладит, у тебя глаза красные. Что случилось? Половина кинофильма уже прошла, а вы тут сидите. О чем вы думаете?

Маруся взялась руками за виски и помотала головой:

— Ой, Вася, Васенька... Не придет она в кино. Такие дела открылись!..

— Да что же такое, говори скорей! — взмолился Вася.

— Все дело, Вася, объяснилось... почему она от него отворачивается. Такое горе, Васенька, она ведь у нас оказалась замужняя. Только она от мужа давно ушла.

Вася ошеломленно охнул. Немного погодя он вяло пробормотал:

— Ну хоть вы в кино приходите, билеты куплены... Картина интересная.

— Нет, видно, никуда мы не пойдем сегодня. Порасстроились все,— покачала головой Маруся.— А что за картина?

— Да разве я что-нибудь видел? Я, как на винте, вертелся, все на дверь оглядывался, когда вы появитесь. Так не хотите идти?.. Ну и ладно. Я тоже не хочу. Пойду со злости спать лягу... А вы тут, девушки, все-таки не очень расстраивайтесь. Все еще как-нибудь обойдется.

— Как же именно обойдется, Вася? Как?

— Как?..— Вася, нахмурясь, подумал немного и вздохнул.— Откуда я могу знать? Как-нибудь...

Попрощавшись с Марусей, он оглянулся еще раз на окно и поплелся домой.

Всю дорогу он что-то бормотал и иногда, энергично встряхнув головой, с самым решительным выражением обращаясь к невидимому собеседнику, горячо произносил начало какой-нибудь фразы, точно готовился к очень важному и трудному разговору.

Яниса с Бринкисом он застал уже дома, где они ужинали почти в полном молчании.

Всей находчивости старика хватало только на то, чтобы время от времени, покосившись на окно, пробурчать: «Ну что ты скажешь, такая вдруг стала чертовская погода! А ведь была погода ничего. Хорошая была погода... И вдруг сделалась такая дрянная!»

— Что же, картина не понравилась? — спросил Вася, заглядывая из прихожей, где он, стоя на одной ноге, осторожно стаскивал калоши.

— Почему? Ничего картина,— живо отозвался Бринкис, обрадованный приходом Васи.— Там все больше, знаешь, пахали и пели. Потом молотили под музыку. Хорошо пахали, правильно. А разговаривали совсем мало. Ничего картина... Мы совсем немножко не дотерпели до конца, решили поужинать пойти.

Бринкис схватился за трубку и замолчал, пуская сильные струйки дыма в открытое окно. Разговор не клеился.

Задумчиво рассматривая свои мокрые до колен брюки, прежде чем развесить их на спинке стула, Вася вдруг резко обернулся:

— Слушай, Янис. Друзья мы с тобой или не друзья?

— Нет,— спокойно сказал Янис.— Мы с тобой враги.

— Я к тебе обращаюсь серьезно. Янка... Ваня... Друзья мы?

Бригадир так же спокойно проговорил:

— Пойди ты к черту!

— В каком это смысле? — затихающим голосом, готовясь жестоко оскорбиться, холодно переспросил Вася.

— В том смысле, что говори прямо. Я не барышня. В обморок не хлопнусь, не волнуйся.

— Так,— сказал Вася,— конечно, это не мое дело...

— Правильно,— буркнул бригадир.

— Пускай!.. Ты... ты знаешь, что она замужняя?

— Слышал.

— Пускай! — Вася с ожесточением стиснул кулаки.— Ну и что же? А ты знаешь, что она давно от своего мужа ушла? Знаешь? Так неужели же из-за какого-то олуха безмозглого, бессердечного дурака она должна себе всю жизнь покалечить? Да пропади он пропадом! Да на твоем месте я бы ему в морду плюнул, раз он такого человечка хорошего, как Саша, оценить не сумел, леший такой. Тьфу!

— Я бы ему и ноги переломал,— тихо, сквозь сжатые зубы проговорил Янис с таким отчаянным выражением, что Вася поспешил возразить:

— Ну-ну, Янка, это уж слишком. Это ты хватил... Забудь про его существование — точка!

— Не могу забыть.

— Глупости, — решительно вмешался Бринкис,— ты слушай меня, Янис. Тебе сейчас кажется, что не можешь. А пройдет немного времени, и ты сам скажешь: «Позабыл и вспомнить не хочу». И твоя Саша освободится, и вы заживете счастливо, и мы со старухой еще будем нянчить ваших пискунов, как внучат. А тот вертопрах, небось, этакий франтик в узеньких брючках, которого ты мизинцем перешибешь... Да черт с ним совсем! Брось даже думать, что такая паршивая букашка где-то там ползает на своих тоненьких ножках. Не стоит он того, чтоб мы о нем разговаривали. Верно, дружище?

— Верно,— хрипло сказал Янис,— не стоит он того. Вы только одного не поняли, ребята. Саша...— он сделал какую-то жесткую гримасу, произнося это имя,—...то есть я хочу сказать: я-то и есть тот безмозглый олух, который не сумел... Ведь Саша — моя жена, ребята. И коли говорить правду, я ее до того... словом, мне без нее на свете не жить, а только мучиться, ребята...

Проговорив одним духом последние слова, Янис с размаху повалился на постель, закинув руки за голову, неподвижно уставился в потолок. Хорошо изучившие характер своего друга, Вася и Бринкис поняли, что разговор на этот раз окончен...

Старый Бринкис, устраивая на ночь постель и потом укладываясь спать, все время напряженно пытался ухватить хоть какую-нибудь утешительную мысль, но ничего не мог придумать. «Эх, хоть бы старуха моя поскорей приезжала, она как-нибудь все уладит. Старуха всегда все в жизни улаживала... А если даже и не уладит, все-таки со старухой вместе будет спокойнее».

С этой мыслью он и заснул и спал по обыкновению крепко. Однако на этот раз, видимо, у него на душе было не совсем спокойно, потому что против обыкновения он полупроснулся на рассвете от какого-то легкого, шаркающего звука, доносившегося с крыльца.

«Что это там шаркает? — лениво прислушиваясь сквозь дремоту, подумал он. — Не то что-то трут, не то чистят». — Он приоткрыл один глаз. Еще не совсем рассвело, и в комнате стоял серый, неясный свет. Старик с досадой зажмурился и снова начал засыпать. Ему представилась в полусне большая лежащая собака, которая шаркает пушистым хвостом по полу, встречая хозяина. А вот, скрипя половицами, собака уже входит в комнату. От собаки сильно пахнет ваксой. «Ах вот оно что! — без малейшего удивления подумалось Бринкису во сне. — Она, значит, не хвостом виляла, а сапоги чистила...»

Половица скрипнула сильней, и он открыл глаза. Осторожно ступая на цыпочках, Янис подошел к полочке и положил на нее сапожную щетку и баночку с гуталином. В тусклом утреннем свете ботинки сверкали, как два куска отшлифованного угля. На бригадире были брюки от лучшего его костюма и ни разу не надеванная бледноголубая рубаха.

Бригадир подсел к подоконнику, вынул из футляра бритву, поставил перед собой зеркальце и, тяжело опершись на локти, остался сидеть, пристально вглядываясь в свое отражение. Немного погодя он ткнул себя пальцем в щеку, безнадежно покачал головой и с таким ожесточением стал скоблить бритвой кожу, точно добрался до шкуры злейшего своего врага...

Через некоторое время проснулся Вася и начал потягиваться с такой силой, что кровать под ним заходила ходуном. Закинув руки за голову, он выгнул поясницу, крякнул от удовольствия и вдруг замер, удивленно уставясь на прибранную постель бригадира.

Бринкис поднял руку и молча показал оттопыренным большим пальцем в сторону окна. Вася соскочил на пол и, подкравшись босиком, осторожно выглянул.

Бригадир Янис в новом костюме и шляпе, в неестественно сверкающих ботинках сидел на крыльце, крепко стиснув в зубах незажженную папиросу. Внизу, под деревьями, еще лежала прохладная рассветная тень, и только раздвоенная верхушка высокой сосны, уходившая далеко в небесную синеву, была освещена теплыми лучами встающего солнца. День начинался безветренный, тихий. Недавно проснувшиеся птицы чирикали в палисаднике, суетливо перелетая с места на место. Бригадир сидел, не двигаясь. Потом вдруг, точно опомнившись, он выдернул изо рта папиросу, резким движением поднялся и, толкнув взвизгнувшую калитку, вышел на улицу.

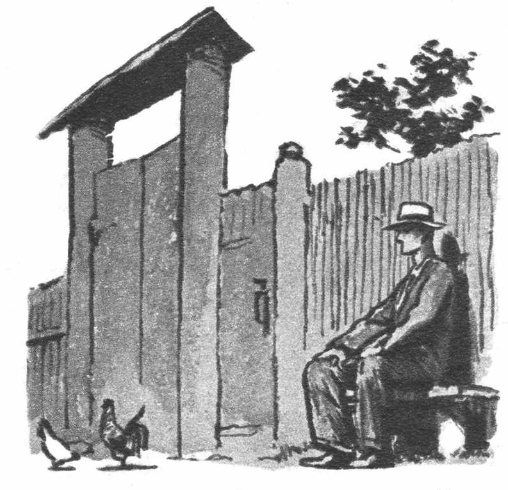
Девушки, ночевавшие все вместе прямо на полу на пахучем шуршащем сеннике, решили встать пораньше, чтобы выходной день получился подлинней.

Ма́ритэ ушла во двор делать утреннюю гимнастику, а маленькая Мари́те, по-детски обожавшая сладкое, виновато усмехаясь, доедала третью сдобную пышку, запивая молоком.

Вчерашние волнения уже улеглись, и у девушек от них, как на просохшей после дождя земле, будто не осталось никаких следов. Разве только окрепло связывавшее их дружеское чувство...

Выходившая несколько раз на крыльцо Маруся нерешительно посмотрела на Сашу и мягко дотронулась до ее плеча:

— Саша, не волнуйся только. Что я тебе скажу... Он тут сидит. Наверное, уже час, а может, больше. Как пень. Или как статуя, не

знаю. Только сидит и не двигается...— Маруся замолчала и с беспокойством посмотрела на подругу.

— Ну что ж тут такого? — спокойно отозвалась Саша, медленно расчесывая стриженые волосы.— Сегодня воскресенье. Человек сидит, отдыхает.

— Вот как! Через всю деревню человек специально на нашу лавочку пришел отдыхать? Наивно, Саша.

— Ты все о том думаешь. А он пришел, наверное, по делу поговорить. У меня в районе шесть бригад сейчас работают на экскаваторах. У каждого бригадира ко мне вопросы и дела, и работу их мне приходится принимать... И вообще забудем, о чем мы говорили вчера. Отвели душу и кончим на этом. Пошли на улицу, не сидеть же нам весь день дома, раз он у калитки на лавочке засел!..

Она отложила гребешок и решительно тряхнула головой. Девушки спустились с крыльца и пошли к воротам, около которых стояла врытая в землю покосившаяся скамеечка.

На ходу Саша, не оборачиваясь и почти не разжимая губ, чуть слышно попросила:

— Маруся, только ты ни в коем случае не оставляй меня с ним, слышишь?

— Угу...— неопределенно буркнула Маруся.

Янис, услышав шаги, обернулся и вскочил. Шляпу он сорвал с головы и, комкая, сунул подмышку.

— Вы уж не нас ли ждете? — бодро спросила Саша.

— Ждете!.. — глухо выговорил Янис. — То есть не ждем, а мне поговорить...

— Ты куда, Маруся? — встревоженно воскликнула Саша, оборачиваясь.

— Я сейчас... минуточку,— невнятно отозвалась Маруся, бесследно исчезая за углом.

— Ничего, я недолго,— мрачно сказал Янис.

Было неловко стоять друг перед другом у ворот, и они, не сговариваясь, очень медленно пошли рядом по улице.

— Вот мы и встретились,— тихо сказал Янис. — Я тебя упрекать не стану, не бойся. Только скажи мне, зачем ты меня бросила?

Саша упрямо сжала губы.

— По-моему, скорее ты меня бросил. Не совсем, нет! А так, сперва немножко, потом побольше, наполовину. Я не стала дожидаться, когда мне четвертушка останется, вот и ушла.

Кровь бросилась Янису в лицо, и он минуту шел молча:

— Я тебя... бросить?.. У тебя совести хватает так говорить?

Саша жестко усмехнулась:

— Да не так бросил, что на другую квартиру уехал, чудак. Нет, просто ты свою жизнь со мной поделил, как с добрым товарищем: себе все и мне немножко. А я так: все тебе, а себе ничего...

Глядя себе под ноги, Янис тяжело шагал рядом с Сашей, хмуря свой и без того не по возрасту морщинистый лоб.

— Саша!..

— Какая я тебе Саша...

— Я теперь думаю, может, правда, я не всегда с тобой поступал, как надо с добрым товарищем. Только я не нарочно. Это как-то так, само получалось. Только уходить тебе не надо было. Если бы ты меня любила, конечно.

— А если б ты меня любил, ты бы меня не допустил до этого. И даже когда я ушла, ты мог меня разыскать... Конечно, если бы любил.

Они вышли уже из деревни и шли по пустынному шоссе, оба почти не замечая этого.

— Да я разыскал. Я даже приезжал за тобой,— с натугой выговорил Янис.— Ты тогда уже курсы окончила и работала на экскаваторе. На моей марке. Я целую смену смотрел издали, как ты работаешь. Я три дня там прожил около тебя. Я после тебя в столовую приходил и на твое место садился, за твой столик. Там цветок стоял в горшке. Чуть розовый, почти белый. Плохонький такой цветочек...

— Ты был там?..— всплеснула руками Саша.— Ты все-таки был? Цветочек запомнил?.. Я его тоже помню. Он долго стоял, а потом его сломал дурак какой-то...

— Правильно,— печально подтвердил Янис,— один такой дурак его сорвал потихоньку перед отъездом и увез с собой... И еще я два раза приходил и стоял у двери квартиры, где вы с подругой жили, и слышал ваши голоса. Если бы ты заплакала, я бы выломал дверь и ворвался туда. А вы смеялись. Я подумал: «Ей весело без меня». И ушел.

— Ты там стоял? Почему же ты не постучал, глупый? Потому что я смеялась?.. Ну так подождал бы до вечера, наверное, пришлось бы тебе ломать дверь, если ты только правду говоришь...

— Может быть, я дурак, но ты могла бы все-таки один раз меня вспомнить и хоть письмо написать. Одно. Коротенькое. Три строчки. Ведь я бы за него отдал...

Саша вдруг покраснела, но тотчас вызывающе, заносчиво вскинула голову:

— Может быть, и написала...

— Где оно?..— крикнул Янис, останавливаясь посреди дороги и жадно протягивая руку.

— Да ведь не одно. Я их в тетрадку вписывала... то есть, вернее, в книжку. Мне один счетовод подарил. Такая, знаешь, толстая... Вот я туда впишу письмо, прочитаю за тебя вслух и спрячу. Так мы с тобой переписывались.

— А теперь... ты больше туда не пишешь?

— Нет,— неуверенно сказала Саша, видимо, колеблясь,— нет... потому что книжка кончилась. Теперь я в тетрадку пишу.

— Знаешь что,— останавливаясь на месте, крикнул Янис таким отчаянным голосом, что Саша испуганно оглянулась и только тут заметила, что они давно уже идут среди пустынных полей,— я тебе всю правду скажу: я тебя не любил! — Саша вздрогнула.— Я воображал, что люблю! А теперь я тебя люблю, не так, что это... очень весело и приятно... а теперь без тебя я все равно, как инвалид... Саша, иди ко мне обратно... или я куда хочешь приду, мне все равно, только вместе!

Саша отвернулась, и слезы медленно выступили у нее на глазах.

— Саша,— яростно комкая рукой рубашку у себя на груди, проговорил Янис,— ты меня хоть за честного товарища считаешь, как меня другие люди считают? Да? Так вот тебе мое товарищеское слово: все теперь будет потвоему! Неважно, если я буду прав, я все равно буду виноват, а ты права, ты всегда будешь права с этого дня. Все будет по-твоему...

— Дурак, ты дурак, зачем ты меня прозевал?

— Да, дурак! Дурак! — с ожесточением повторял Янис и при каждом слове крепко пристукивал себя кулаком по голове до тех пор, пока Саша, спохватившись, не удержала его за руку.

(Окончание следует)

«Власть тьмы» Л. Н. Толстого в постановке Курского областного драматического театра имени А. С. Пушкина. Сцена из 1-го акта. Слева направо: Акулина — Е. Степаненко, Анисья — К. Невструева и Петр — М. Юрьев.

Фото Дм. Бальтерманца.

„ВЛАСТЬ ТЬМЫ"

Спектакль Курского государственного областного драматического театра имени А. С. Пушкина.

В. АФАНАСЬЕВ

«Это такая потрясающая правда, такая беспощадная сила воспроизведения жизни»,— писал в начале 1887 года И. Е. Репин Л. Н. Толстому, прослушав чтение его новой пьесы — «Власть тьмы». «Что за правда беспредельная,— вторил Репину известный искусствовед В. В. Стасов,— что за глубина, что за сила и красота творчества! А какой язык — этому и названия нет». Так встретили передовые люди России появление нового произведения гениального русского писателя.

По-иному отнеслись к появлению пьесы представители «официальной» России во главе с самодержцем Александром III. Находя, что пьеса «слишком реальна и ужасна по сюжету», коронованный фельдфебель требовал от министра внутренних дел «положить конец этому безобразию» «нигилиста и безбожника» Л. Толстого.

«Власть тьмы» была запрещена к представлению на сцене, и только в 1895 году благодаря стараниям передовых деятелей русского театра этот запрет был снят. С тех пор пьеса с успехом ставилась на сценах крупнейших театров России, в том числе Александринского, Малого, Московского Художественного.

В основу сюжета пьесы положен действительный случай из судебной практики Тульского окружного суда. Но, отталкиваясь от реального факта, великий писатель создал произведение огромной обобщающей силы, потрясающей художественной глубины. В нем нашла правдивое отражение жизнь подневольной, ограбленной царским самодержавием русской деревни последних десятилетий прошлого века.

Молодая крестьянка Анисья, выданная за богатого мужика Петра, любит его работника, беззаботного, щеголеватого Никиту. По наущению матери Никиты, Матрены, желающей своему сыну сытой, независимой жизни, Анисья отравила Петра. Она выходит замуж за Никиту, но нет счастья в их семейной жизни. Пустой и легкомысленный Никита в пьяном виде «куражится» над Анисьей. Он сходится с падчерицей Анисьи, дочерью Петра от первого брака — Акулиной. У Акулины родился ребенок. Матрена и Анисья, стремясь избежать позора, заставляют Никиту убить своего ребенка. Совершив это преступление, Никита, терзаемый угрызениями совести, на свадьбе просватанной за богатого мужика Акулины произносит покаянную речь, признавшись в содеянном. На этом заканчивается пьеса.

Большое место отведено в пьесе образу Акима, отца Никиты, мужика, по определению Толстого, «богобоязненного». Аким — тип «праведника», который, возмущаясь распутством и пороком, в то же время ничего не может противопоставить им, кроме проповеди непротивления злу. По замыслу Толстого, именно эта проповедь должна была стать выражением утверждающего, положительного начала в пьесе.

Со всей отчетливостью проявились здесь и гениальная сила толстовского реализма и слабость писателя как проповедника — выразителя мировоззрения патриархального крестьянина.

Принимая толстовскую критику капитализма, уродующего людей, делая из этой критики революционные выводы, передовые люди России отбрасывали толстовскую проповедь непротивленчества и пассивности. Образ «правдоискателя» Акима, такой, каким его задумал Толстой, не мог не вызвать протеста общественности. Противоречивость замысла пьесы нередко отталкивала от нее и мастеров театра. Не случайно «Власть тьмы» в последние десятилетия не появлялась на сценах наших театров в отличие от двух других драматургических произведений Толстого — «Живого трупа» и «Плодов просвещения»,— с успехом идущих как в столице, так и во многих городах Советского Союза.

Курский областной драматический театр имени А. С. Пушкина, показавший «Власть тьмы» в нынешнем году, не побоялся трудностей, неизбежно возникающих при постановке этой пьесы. Постановщик спектакля главный режиссер театра заслуженный артист РСФСР А. Добротин подошел к произведению Толстого с позиций советского художника, стремящегося воплотить на сцене всю глубину и силу толстовского реализма и одновременно отвергающего слабые стороны мировоззрения писателя. Бесспорной заслугой постановщика и основных исполнителей спектакля надо признать их стремление, показывая тяжелую жизнь старой, дореволюционной деревни, раскрыть поступки действующих лиц пьесы — Матрены, Анисьи, Петра — как прямое следствие той страшной власти денег, которая, подчиняя себе человека, толкает его на преступления.

Вдохновительницей всех преступлений выступает в пьесе Толстого Матрена — мать Никиты. Она убеждена, что без преступных дел не проживешь, не «выйдешь в люди». Буднично и деловито, не спеша прихлебывая молоко из глиняной миски, поучает Матрена любовницу своего сына Анисью, как избавиться от нелюбимого мужа. С тем же спокойствием внушает она впоследствии сыну мысль об убийстве собственного ребенка. Это глубочайшее убеждение в правомерности преступления, с большой выразительностью передаваемое исполнительницей роли Матрены артисткой Н. Белиной, действует на зрителя сильнее и неотразимее, чем какая бы то ни было подчеркнутость, какой бы то ни было мелодраматический нажим, столь неуместные в сценической трактовке пьесы Толстого.

Не меньшей правдивостью отмечено исполнение роли Анисьи артисткой К. Невструевой. Анисья отнюдь не злодейка по натуре. Выданная замуж за нелюбимого — «постылого», «носатого» богатея Петра,— она не хочет расстаться с надеждой на счастье. Это счастье, как ей кажется, она находит в Никите. Желание избавиться от ненавистного мужа и быть с любимым делает её покорным орудием в руках Матрены. Не стремясь во что бы то ни стало «оправдать» Анисью, К. Невструева дает все же почувствовать, что в других жизненных условиях эта женщина смогла бы найти свое счастье.

Сцена из 1-го акта. Анисья — К. Невструева и Матрена — Н. Белина.

В сложной роли Никиты выступает артист М. Аленцев. Слабый и бесхарактерный Никита, потрясенный ужасом всего им содеянного, находит в себе силы признаться в совершенном убийстве. Артист убедительно раскрывает путь Никиты от бездумного наслаждения жизнью к раскаянию и публичному покаянию, за которым последует каторга.

В пьесе Толстого показана не только гнетущая власть тьмы, господствующей над сознанием людей старой русской деревни, задавленных капитализмом. В полном соответствии с жизненной правдой великий художник выводит на сцену и носителей светлого начала, людей, не испорченных страшной властью денег. Таковы в пьесе дочь Анисьи девчонка Анютка, старый бывалый солдат Митрич, девушка Марина, горячо любящая Никиту и брошенная им. Каждый из этих образов нашел на сцене Курского театра верное и убедительное истолкование.

Сцена из 4-го акта. Никита — заслуженный артист Чувашской АССР М. Аленцев (слева), Митрич, отставной солдат,— П. Скарлато.

Следует, однако, отметить, что театр не использовал всех возможностей, предоставляемых автором для наиболее яркой обрисовки образов Анютки и Митрича. Как известно, финал четвертого акта, в котором происходит убийство ребенка, имеет у Толстого два варианта: в первом преступление совершается на сцене, во втором оно дано отраженно, через разговор Анютки и Митрича, слышащих шум в погребе и догадывающихся о том, что́ там происходит.

Второй вариант несравненно глубже и тоньше первого — именно его избирали обычно постановщики пьесы Толстого в качестве финала четвертого акта. Самое замечательное в этом втором варианте — удивительное по тонкости психологического проникновения изображение мыслей и чувств десятилетней Анютки, потрясенной ужасами окружающей жизни. Не менее ярко, чем Анютка, обрисован в этой сцене и Митрич с его сочувствием тяжелой женской доле. Курский театр, к сожалению, отказался от второго варианта, и от этого роли Анютки и Митрича оказались в значительной степени обедненными. Тем не менее обоим исполнителям — Н. Жиляковой и П. Скарлато — удалось создать правдивые образы. Особенно это относится к Жиляковой, которая насытила свою немногословную роль такой жизненной правдой, что у зрителя надолго остается в памяти живая, чистая и непосредственная девочка-подросток. Запоминается и Скарлато, хотя не все сцены проведены им одинаково хорошо. В частности, знаменитый разговор о банках, которые, по выражению старого солдата, «окалузывают» людей,— разговор очень важный в пьесе,— проведен недостаточно выразительно.

Небольшая роль Марины хорошо сыграна Е. Серовой. Артистка особо подчеркивает гордость и чувство собственного достоинства, присущие девушке. Брошенная Никитой, она болезненно переживает его измену, но при всем том обнаруживает явное моральное превосходство над этим безвольным, бесхарактерным человеком.

Одной из самых значительных удач спектакля надо признать роль Акима в исполнении артиста Б. Борисова. В нем с особенной отчетливостью нашла воплощение толстовская проповедь смирения и покорности. Аким — вот кто по замыслу Толстого подлинный герой пьесы.

Играя Акима, Борисов не исказил толстовского образа. Но актер сумел показать, что смирение богобоязненного мужика, его непротивленчество — лишь один из возможных этапов на сложном пути поисков большой, настоящей правды. Честность, прямота, пытливость — главное в характере Акима, каким играет его Борисов. Отталкиваясь от скверны и грязи окружающей жизни, Аким пришел к религиозному смирению, но можно думать, что поиски его на этом не кончатся. Порукой тому — вечное беспокойство Акима, которым наделяет его Борисов. Даже знаменитое «тае», которое придал речи Акима Толстой и которое раньше истолковывалось как проявление косноязычия, служит у Борисова средством подчеркнуть, что беспокойные мысли, переполняющие сознание Акима, не всегда и не сразу находят словесную форму для своего выражения.

Борисов хорошо использовал указание Толстого, данное одному из первых исполнителей роли Акима, артисту П. М. Свободину. «В моем представлении,— писал Толстой,— Аким русый, совсем не седой и не плешивый, волосы на голове даже могут немного виться, борода реденькая... Ходит твердо, я представляю себе, вывернутыми ступнями в лаптях. Приемы, движения — истовые; только речи гладкой бог не дал. Большая внимательность, вслушивание во все, что говорят, особенно ему, и одобрение всего, что говорится хорошего, но тотчас же беспокойство и отпор при дурных речах».

Ищущий, пытливый Аким в истолковании Борисова — одно из самых сильных впечатлений, остающихся от спектакля Курского театра.

Постановка «Власти тьмы» на сцене Курского областного драматического театра — интересное событие юбилейного толстовского года, свидетельствующее об интересе театра к замечательному драматическому наследию великого писателя.

Сцена из комедии А. Каххара «Шелковое сюзане» в Театре имени Хамзы. Кузнев (слева) — артист Наби Рахимов. Мавлон — артист Абид Джалилов.

СПЕКТАКЛЬ, проверенный жизнью

Второй сезон не сходит со сцены Узбекского академического театра драмы имени Хамзы комедия А. Каххара «Шелковое сюзане». Когда в театре идет эта пьеса, зал переполнен.

Главная тема комедии — покорение Голодной степи — родное, близкое для зрителей дело. Совсем рядом эта степь, неустанно трудятся на ее земле узбекские колхозники, отвоевывая у солончаков и болот все новые площади. Правдиво воплощены театром страницы жизни, полной созидательного труда.

Среди зрителей всегда встретишь людей, приехавших сюда после трудового дня на полях Голодной степи. Поэтому так горячо откликается зал на все, что происходит на сцене. В антрактах то и дело слышится одобрительный смех, острое словцо — разговаривают о спектакле.

Знание жизни народа придает игре артистов особую убедительность. Тетушка Холнисо, мать Дехканбая, и Хамро-биби, мать его невесты Хафизы,— старые подруги. Вспыльчивая Хамро-биби и добродушная Холнисо с первого появления на сцене завоевывают симпатии зрителей. Народные артистки республики З. Хидоятова (Хамро-биби) и М. Кузнецова (Холнисо) талантливо исполняют роли представительниц старшего поколения, принявших сердцем все то новое, что внесла в их жизнь советская власть. Но порой им еще бывает трудно отказываться от привычных с детства понятий. Зачем, например, от довольства и почета в родном колхозе уезжать в Голодную степь, как это сделал брат Хамро-биби, Мавлон-ака? А когда старухи узнают о решении сына и дочери ехать туда же, недовольству их нет предела. «Виноват, конечно, Дехканбай!» — горячится Хамро-биби. «Это из-за Хафизы он едет»,— не уступает ей Холнисо. В пылу ссоры обе женщины решают, что свадьбе их детей не бывать.

Но, поняв, что молодые люди не могут поступить иначе, что их сильные и ловкие руки нужны там, где наиболее трудный участок работы, старые матери с трогательной заботой снаряжают в путь молодежь. И зрители сочувственным смехом отзываются на восстановившийся мир.

Голодная степь... Какой непохожей на родную Ферганскую долину кажется она новоселам! Но ведь они и приехали сюда за тем, чтобы сделать эту землю такой же цветущей и плодородной! Комсомольцев приветливо встречают в колхозе. Мавлон (народный артист республики Абид Джалилов), лучший хлопкороб, рассказывает им о своих успехах. Но Дехканбай (заслуженный артист УзССР М. Юсупов) скоро озадачивает Мавлона, предлагая ему и его бригаде освоить еще несколько десятков гектаров. Мысль эта находит поддержку в колхозе, и только Мавлон возражает: включение новых земель в севооборот понизит на время средний урожай в бригаде!

...Все тот же уголок Голодной степи. Но его не узнать! Звучат радостные песни — это колхозники заканчивают новый оросительный канал. Изменилась некогда голая, выжженная солнцем земля, изменились и люди. Сама жизнь доказала старому Мавлону его ошибку.

Большая творческая работа автора и коллектива театра увенчалась заслуженным успехом. Спектакль «Шелковое сюзане» — один из самых любимых у ташкентских зрителей.

Н. СОЛОВЬЕВА

«Шелковое сюзане». Слева направо: Хамро-биби — З. Хидоятова, Хафиза — Я. Абдуллаева, Холнисо — М. Кузнецова, Дехканбай — М. Юсупов, Оман — Ш. Азимов.

Фото М. Пенсона.

ПО СЛЕДАМ ЛАВИН

Евг. СИМОНОВ

Восхождение закончено! Лыжник, до черноты загорелый юноша, поправил темные очки и, с силой оттолкнувшись палками, начал спускаться. Побежали навстречу редкие, старчески согнувшиеся березки. Появились темнеющие там и сям, похожие на муравейники кучки мелкого камня. Несмотря на апрель, огромный пласт слежавшегося снега перегораживал, словно плотина, всю ширину долины Гоначхир.

— Эка снега навалило нынешней зимой! — издали крикнул лыжнику догонявший его спутник.

— Ошибаетесь,— услышал он ответ.— Это ж лавины!

И следуя взглядом за движением лыжной палки, поднятой Георгием Тушинским, его спутник увидел выточенные в крепчайшем граните глубокие лога и огромные конусы лавин, вынесенных на дно долины...

Еще в 1931 году, когда молодой московский геодезист Тушинский поднялся на лыжах на седловину Эльбруса, бывалые альпинисты рассказывали ему о лавинах — о самой страшной из всех слепых титанических сил гор. В дни своих походов в горах не раз слышал он, как раскатывается в ущельях громоподобный удар и летит по склону растущее на глазах облако, а когда наступает тишина, долго еще висит в воздухе снежная вуаль.

Что же знала наука об этом явлении?..

«Снежные глыбы обрушаются здесь весьма часто, не взирая на все предосторожности, чтобы в переходах сих не производить ни малейшего шума. Они отторгаются подобно пушечному выстрелу, захватывают путешественников на дороге, низвергают их или погребают под собою. Подобно грому, они удушают прохожих, не прикасаясь к ним, а только одним стеснением воздуха, которое они производят и которое захватывает дыхание у сих нещастных».

...Вот что прочитал Тушинский, раскрыв первую книгу о путешествиях в горах, напечатанную в 1801 году в типографии Московского университета.

Он обратился к труду Зелигмана; на титульном листе книги стояло: «Лондон. 1936». Автор сетовал по поводу лавин: почти ничего не достигнуто, чтобы «помочь нам делать выводы и приобретать опыт для избежания этих опасностей».

Наука о лавинах описывала преимущественно внешние явления, в лучшем случае давала советы, как вести себя попавшему в лавину. Но что порождает ее? Как оградить от опасности рудники, поселки, год от году поднимающиеся все выше в горы?

Тушинский жадно перечитывал все написанное о лавинах...

Классическим примером их разрушительного действия считалась гибель поселка Гоппенштейн. Сюда, в красивейший уголок Альпийских гор, была проложена железная дорога. Французских предпринимателей, получивших право хозяйничать здесь, ничуть не смутила лавинная опасность, о которой они, собственно, не имели никакого понятия. Двухэтажный комфортабельный отель принял первых постояльцев. В новеньких домах появились жильцы.

Словно огромное облако, летит по горному склону лавина. Ее вес достигает пятисот тысяч тонн.

Фото мастера спорта В. Науменко.

Лаборатория в горах.

Фото В. Аккуратова.

Открылась почта. Что же касается до окружного лесничего, который против чего-то предостерегал, о чем-то предупреждал, то его просто-напросто высмеяли, и хозяин отеля м-сье Гзолль предложил вниманию клиентов программу очередных увеселений. В разгар этих увеселений с вершины горы низринулась лавина. Она остановилась в нескольких метрах от отеля, но одним лишь дуновением воздушной волны крышу отеля отбросило на другой склон долины, а массивный биллиард улетел в реку. Все сидевшие лицом к горе были мгновенно удушены, словно их схватила за горло огромная свирепая рука...

...И в тридцать пятом, и в тридцать седьмом, и в последующие годы в горах Западного Кавказа можно было видеть лыжника, теперь уже студента Московского университета Тушинского, ставшего исследователем лавин. Он шел по их следам, словно следопыт, изучающий повадки снежного барса и укрытия, в которых он таится. Но этот «барс» прыгал на свои жертвы не с дерева, а с выси гор. Он мог обрушиться зимой и летом. Он подстерегал лыжников в Бакуриани и пастухов на Казбеке. Он подстерегал геологов, географов, пограничников, для которых горы — что дом родной. Это он задушил в своих холодных объятиях горца Габриэля Хергиани, одного из самых мужественных альпинистов.

Тушинский исходил горы Западного Кавказа от Марухи до Эльбруса. Он наблюдал лавинные лога с высоты вершин Софруджу и Эрцога, с перевальных точек Клухора и Хотютау.

Теперь он был не просто спортсменом, он стал исследователем. Горы стали для него своеобразной лабораторией. Тушинский все больше убеждался, что рельеф формируют не только воды и лед, но и лавины.

Но при каких условиях малютка-снежинка, встретившись с мириадами других, обретает разрушительную силу? По каким причинам снег становится вдруг лютым врагом человека?

На это ответа не было. Ни одна из работ почти не раскрывала внутренних процессов образования лавин. Тушинский подумал: что сказали бы о враче, который ограничивает себя наблюдением внешних проявлений недуга, но не ищет возбудителя болезни? Так надо же найти его!

Как-то, катаясь на лыжах на Ленинских горах в Москве, Тушинский уловил неясные, глухие вздохи. Вслед за тем небольшие трещинки зазмеились по ровному снежному покрову. Что это? Неясный голос снегов заставлял Тушинского все чаще останавливаться на обдутых ветром склонах, чтобы вслушаться в слабые звуки. Он уже отметил: чаще всего слышишь эти вздохи на открытых склонах. А когда он пустил в ход лыжную палку, то под уплотнившейся сверху жесткой толщей, которая, по альпинистской терминологии, называется «снежными досками», увидел непонятные ему пустоты.

Тушинский снова обратился к книгам. Но в них молодой географ не нашел ясного ответа на свой вопрос, что же происходит в толще снегов.

Чем объясняли до сих пор исследователи падение лавин? Обычно перегрузкой склона снегом! «Но почему же лавины сходят, если не было новых снегопадов, не изменялась температура?» — допытывался исследователь.

В этих случаях одни ссылались на случайности, другие — на нечто необъяснимое. Такой ответ не удовлетворял советского альпиниста. Тушинский взял под подозрение снежинку, которая порхает, словно мотылек, и столь быстро превращается в бесформенную льдинку. Интересно было бы узнать, как поведут себя миллионы таких льдинок?..

Прошел год, другой, третий. Однажды кто-то из слаломистов, поднявшись на высокую гору, невольно остановился возле никогда не виданного здесь сооружения. Под лучами скупого зимнего солнца блестел купол высокой, в два человеческих роста, снежной хижины. Лыжник заглянул внутрь и увидел сложенные из огромных снеговых плит столы, ниши в снежных стенах, ледяные ячейки, похожие на пчелиные соты. Над микроскопами склонились девушки. Лица их закрывали марлевые маски. Если бы не валенки и овчинные полушубки, он готов был принять их за микробиологов. Впрочем, когда лыжник высказал вслух это мелькнувшее у него сравнение, навстречу поднялся загорелый человек в теплой зеленой куртке и вязаной спортивной шапочке. «А вы близки к истине, дорогой гость, очень близки,— сказал он.— Хотя мы и не микробиологи, но тоже заняты поисками «микроба» — возбудителя лавин. И, кажется, мы нашли его!»

Это был Георгий Казимирович Тушинский, уже окончивший университет и руководивший исследовательской лабораторией в снегах.

У линии отрыва лавины. Слева: доктор географических наук Г. К. Тушинский.

На лыжах среди зелени

Необычное зрелище можно наблюдать в Голосеевском лесу вблизи Киева. Жаркий летний полдень. Температура в тени более 20 градусов тепла. Вокруг буйная зелень, густая трава. И вдруг... лыжники! Они скользят вдоль опушки, скатываются с крутого склона, совершают подъемы.

Искусственная лыжня сооружена здесь Киевским институтом физкультуры. Ее длина почти 700 метров. На склоне горы создана еще одна двухсотметровая лыжня. Тут тренируются слаломисты и прыгуны.

Бесснежная лыжня существует третий год. Материалом для нее послужила лузга гречихи. Лыжня хорошо сохраняется. Ни ветер, ни дождь ее не портят.

Говорят, что лыжные тренировки летом способствовали успеху сборной команды Киева. Она стала чемпионом республики по лыжам.

В. ШУМОВ

Фото В. Андрейчука.

Он показал на полку, где лежали микроскопические препараты снежинок, зерна льда. Тут же было множество микроснимков, по которым можно было прочитать всю биографию снежинки — со дня ее рождения и до того дня, когда из нее вызревает зерно льда — кристалл, порождающий лавины.

— Вот он, кристалл смерти, возбудитель белой гибели,— сказал географ. — Нам удалось обнаружить его в месте зарождения.

Из заложенных в снегу двухметровых шурфов день за днем в определенные часы вынимались термометры, тщательно изолированные от всякого постороннего воздействия, вплоть до тепла тела наблюдателя. (Марлевая маска защищала вовсе не лаборантку, а предохраняла снежинку от дыхания человека.) В ледяных сотах изучалась жизнь заключенной в них снежинки. В углублениях стен снежного дома прослеживались в натуре изменения слоев снега. Подобные же исследования проводились и в Заполярье, и на Кавказе, и близ Можайска.

Цепь наблюдений, начавшихся со странного и непонятного когда-то для туриста и любителя альпинизма, каким был Тушинский, голоса снегов, завершилась установлением «возбудителя лавин».

Исследователи лавин определили, что если температура верхнего покрова снега равна минус двадцати, то уже на глубине полутора метров она обычно на пятнадцать градусов выше. Потому и начинается миграция, движение пара, неизменно стремящегося к более холодным слоям. Снежинки нижних горизонтов с уходом пара изменяют характер своего поведения. Они отдают пар, испаряются. Все тоньше становятся соединяющие их ледяные связи. Так происходит с каждым кристаллом. А когда их миллионы, то в глубине снегов возникают опасные разрыхленные горизонты и пустоты, гулко ухающие при нажиме сверху. Эти-то ненадежно лежащие зерна и можно было назвать «кристаллами смерти», «возбудителями лавин».

Верхний пласт смерзшегося, плотного снега опирается на пустоту. Снег как бы лежит на шарикоподшипниках. Вот почему без всяких «видимых» причин сдвигаются целые поля.

Когда установили причину опасности, начали искать и средства защиты от нее. Этим и продолжает заниматься альпинист Георгий Казимирович Тушинский, которому ныне присвоена ученая степень доктора географических наук за его работы по изучению лавинной опасности...

Мы застали профессора Московского государственного университета Г. К. Тушинского склонившимся над большой картой. Проектировщики нового поселка в далеких горах поместили его под лавиноопасными склонами. Надо найти для поселка новое, безопасное место. Теперь наша наука располагает всеми необходимыми для этого данными. Доктор наук и альпинист приходит на помощь тем, кто живет в горах. На столе профессора мы увидели фотопанорамы хребтов, на которых он еще хочет побывать, и горных перевалов, куда еще он проложит свою лыжню. А пока по соседству со склонами Ленинских гор, где Тушинский впервые услышал голос разрушающихся снежных пластов, в новом здании университета создается лаборатория льда и снега. Здесь под наблюдением гляциологов — исследователей льда — будут «выращивать» снег, лед и иней при семидесяти градусах ниже нуля, воссоздавать «вибрионы» лавин, раскрывать их свойства, для того чтобы человек мог, не опасаясь, идти все дальше и все выше в горы.

Туристы переходят снежник.

Слева: Бивак на берегу высокогорного озера Туманлы-Кель. Справа: Инженер Завода счетно-аналитических машин Владимир Попов и вулканизатор ленинградской фабрики «Скороход» Клавдия Нестерова в туристском походе по горам Кавказа.

Фото А. Устинова.

Альпинисты лагеря добровольного спортивного общества «Буревестник» во время восхождения в районе Птышского перевала. Слева направо: инструктор альпинизма Яков Татуян, студенты Клавдия Куликова и Александр Плахотников.

В горах Западного Кавказа, на живописной Домбайской поляне, расположен один из лучших альпинистских лагерей — лагерь добровольного спортивного общества «Буревестник».

Фото В. Руйковича.

ЧАХРУ-КАПИТАН

Рассказ

Али Сардар **ДЖАФРИ**

Рисунки В. Высоцкого.

Ветер пел свою невнятную, вкрадчивую песню, а вода в реке тихо журчала о чем-то. Совсем недавно река неистовствовала, но теперь ее буйный рев стих, и осталось только это мягкое и нежное журчание. Совсем недавно волны с грохотом обрушивались на берег, а теперь они нежно ласкали измученное тело земли своими прохладными руками. Лодка наша плавно скользила по воде. Когда мы отчалили от берега и вышли на середину реки, рыбаки бросили весла и начали ставить парус. Лодку подхватили бегущие к морю волны. Но вот парус наполнился ветром, и грудь его стала выпуклой. Мы пошли быстрее, обгоняя длинные хрупкие рыбачьи сампанки [1], с которых доносилось пение. Большой, чернеющий в темноте корабль и мерцающие огни городка, расположенного недалеко от берега, остались позади. Очертания сампанок скоро смешались с волнами, берег растаял в темноте, а огоньки городка затерялись среди бесчисленных крохотных звездочек.

Старый рыбак посмотрел на небо и сказал:

— Хорошая ночь. Сегодня нечего бояться бури. Через час взойдет луна.

Его сын заметил:

— Мы тогда уже в открытом море будем.

Мы были в том месте, где река Карнафули впадает в Бенгальский залив. На берегу реки, у подножья зеленовато-голубых гор, в тени нежных и стройных, как молодые девушки, пальм, расположился городок Чатгаон. Во время прилива море входит в реку, и тогда рыбаки ставят свои сети. Когда же прилив кончается, река опять бросается в распростертые объятия моря. Тогда, захватив с собой сети, рыбаки отправляются на лов в открытое море.

Они ловят рыбу вдоль всего побережья, вплоть до Кокс-Базара, а дома их ждут жены и невесты. Рыбачья песня плывет над морем и словно притягивает к себе рыбу. Сети наполняются, лодки тяжелеют. Рыбаки сильнее налегают на весла. Дыхание их становится глубже, песни протяжнее и мужественнее; вены на шеях вздуваются, мускулы дрожат от напряжения, а ладони становятся красными. А когда, возвратившись с хорошим уловом домой, они начинают разгружать лодки, глаза их жен и невест при виде такого множества рыбы искрятся радостью, и они навсегда отдают свои сердца этим храбрым, отважным людям. Поздно вечером, когда в лампе еле мерцает крохотный язычок пламени (мало керосина), такой крохотный, что даже легкое дуновение ветерка гасит его, измученные, утомленные рыбаки, от которых пахнет рыбой, засыпают на груди у своих любимых.

Но с тех пор, как началась война и японцы напали на Индию, ни один рыбак не имел права выходить в море. Для этого нужно разрешение военных властей. Такое разрешение получал только кое-кто из рыбаков побогаче; остальные не имели денег на взятку.

Все дороги, ведущие в Кокс-Базар, были закрыты: этот порт превращен в огромный военный лагерь. По дорогам ходили только военные грузовики, а в море — военные корабли. Я, как корреспондент одной из газет, имел специальный пропуск, на котором, кроме подписей военных чиновников, красовался штамп заместителя полицейского комиссара Чатгаона...

Старый рыбак закурил свою трубку, а его сын запел песню. Я лег на дно лодки и задумался. Над головой пролетали самолеты, и я провожал взглядом их красные и зеленые огоньки, пока они не терялись среди звезд, разбегавшихся по небу, словно волны в реке.

Старый рыбак придвинулся ко мне и протянул трубку. Я несколько раз глубоко затянулся и спросил:

— Вы захватили сети?

— Нет. Какой в них прок? С тех пор, как началась эта война, ставить сети в море запрещено.

— Почему?

— Говорят, очень много мин поставлено. Вот такие махины! Чтобы вражьи корабли не прошли... А я вот думаю: как же это правительственные-то корабли проходят?

— Да ведь мины поставило правительство,— сказал сын, прервав свою песню.— Они-то знают, где мины стоят, им хоть бы что.

— А нам совсем труба,— сказал старик. В ночной темноте его морщинистое лицо, на котором тяжелые годы оставили свои следы, казалось одухотворенным и полным достоинства.— Я вот шестой десяток ставлю сети в реке и знаю ее, как свою ладонь. Посмотрю на волны и скажу, сколько здесь рыбы. Морская рыба и речная рыба — это, брат, разница. Когда рыба идет, и волны по-другому бегут. Вот одним глазом посмотрю на волну и уже знаю, какая это рыба. На небо посмотрю — тоже все знаю: когда погода изменится, и когда на море буря будет, и когда вода в реке схлынет. Пять десятков по этому делу. Рыбы поймал я за это время — дай бог всякому, а одного никак в толк не возьму: работаем мы, работаем, а куда все это богатство уходит, неизвестно. Ставим мы в реке пустые сети, а вытаскиваем полные. Чисто серебро, рыба сверкает. Женщины кладут это серебро в корзины — и на базар. А там им за это серебро медные пайсы [2] дают, бумажные рупии, а то и золотые. Опять мы ставим пустые сети и опять вытаскиваем полные, и опять это серебро обменивается на медяки, на золото да бумагу. А сами мы сохнем, глаза силу теряют, видят плохо, а руки и ноги, как плети, становятся. Я шестой десяток достаю из реки серебро для базаров Чатгаона, но, кроме медяков, кусочков золота да грязных клочков бумаги, я ничего не имел. А их не удержишь, они как живая рыба, скользкие. Плывут они у нас из рук, бедствуем мы, просвета не видать.

Молодой рыбак, безучастный к этому печальному рассказу старика, уселся на носу лодки и запел про любовь.

— Вот ты грамотный человек, поездил по свету,— продолжал старик.— Может, скажешь мне, куда уходит наше богатство?

Я хотел ответить старику на его вопрос, но он опередил меня. Поглядев на плескавшиеся волны, он заговорил так, словно все ему было хорошо известно и все понятно.

— Эта река тысячи лет течет, катит свои воды в море. Мне вот сколько лет, но я ни разу не видал, чтоб ее волны взяли и остановились. Одна за одной бегут они в море, торопятся, словно их гонит кто. А у моря, что у неба, ни дна, ни края. Так вот и работа наша: все бежит в море, которому ни конца, ни края нет. Темное то море, нехорошее море. Поглощает оно все наше серебро. Вот оно, течет себе. Волны-то, посмотри, серебряные. Река белая, а море голубое. А войдет она в море, серебра и не видно.

Я посмотрел на речные волны. Они и правда сверкали, как жидкое серебро. Слева от нас, над горизонтом, встала полная луна; мягкий лунный свет струился на серую воду реки, и она текла, как сверкающее расплавленное серебро. Смуглое лицо старика при свете луны приобрело красноватый оттенок. Парус казался клочком красивого белого облака, и это облако несло нас по серебряной реке.

Старик поднял глаза, посмотрел сначала на луну, потом на парус, который начал слегка обвисать. Видимо, направление ветра переменилось, и нужно было переставить парус. Старик позвал сына, и они вдвоем поставили парус по-новому. Потом оба подсели ко мне.

— Как началась война,— продолжал свой рассказ старик,— жизнь совсем никуда стала. Начался голод, потом болезни всякие. Сколько прожил, а такого не видал. И холера, и черная оспа, а тут еще и разврат. Старые да малые поумирали, парни разошлись кто куда. Девушки тоже все побросали — и только их и видели. Потом войска пришли. Наши парни и девушки рыбу ловить бросили, начали на армию работать. Да и как тут рыбачить, когда ни сетей тебе, ни лодок? Даже угла нет, чтобы голову приклонить. Во время голода все добро спустили. Парни грубиянами сделались, обнаглели, а о девушках лучше и не говорить — срам один. Солдаты

Али Сардар Джафри — видный индийский прогрессивный поэт и писатель, активный борец за мир и демократию.

[1] Сампанка — небольшая рыбацкая лодка.

[2] Пайса — мелкая монета.

им деньги дают, а они им за это — сказать язык не поворачивается. Раньше-то им и сети чинить приходилось и корзины с рыбой на базар носить. Ясное дело, ели и тогда не досыта, да не в том беда. От работы крепкие были, людям в глаза смотрели прямо. А теперь что творится? Чуть мигнут глазом, подолом вильнет — и все в порядке. Ты вот послушай, что я скажу. В нашей деревне было триста домов, а теперь стоит всего восемь — все разрушено. Одни псы на развалинах воют. Старуха моя умерла во время голода. Были у меня две дочки, да и те сбежали из дому. Слышал я, работают на Иракaнском тракте, только думаю: насчет работы — это просто так, для виду. Одну зовут Радха, другую — Савитри. Это я к тому, что ты ведь везде ходишь, везде ездишь, может, повстречаешь моих дочек на этом тракте, так скажи им, что отец, мол, жив-здоров, новую хижину построил, сети и лодка есть, а в реке рыбы хватит. Вернутся они к нам — много ловить будем. А то сеть вот порвалась... Без них кто починит?..

Глаза старика наполнились слезами. Он умолк, пристально глядя на волны, словно хотел увидеть в реке отражение всей своей прошлой жизни. Разрушенный дом, умершие друзья, жена, разлука с которой до сих пор терзает сердце; дочери, которые ушли из отчего дома, но которых он по-прежнему любит... Все это словно проплывало в волнах, и он все смотрел, смотрел... Потом пальцы у старика задрожали, слезы покатились по морщинистому лицу.

Спустя немного он вздохнул облегченно и продолжал:

— Разве я могу ругать Радху и Савитри? Теперь все девушки так. Солдат тут каких только нет — и белые и цветные. Ну, принесут девчонкам чулки, коробочки с пудрой да помадой, зеркальце маленькое — они и рады. Накрасят губы и бегают за солдатами. Те голые купаются в реке или в пруду, а девчонки на берегу стоят и глаза на них пялят. Я это видел и вот все думаю: почему этих девчонок ни голод и никакая болезнь не взяла? Рыбу ловить или землю пахать — это, я понимаю, дело. Известно, от нужды не уйдешь, да зато честь свою не уронишь. И по дому заниматься — тоже дело хорошее. А вот размалевать морду всякой дрянью и на солдат глазеть — что же это за дело? Теперь девушки только тем и занимаются. Едут, скажем, солдаты по улице на автомобиле, а на дороге девушки стоят. Посадят их в автомобиль, подвезут немного и вытряхивают. Там, глядишь, другие солдаты подберут — так оно и идет: от Чатгаона до Патанга, от Патанга до Раму, от Раму до Кокс-Базара. Все испортились. Хорошую-то девушку поискать... Уж лучше бы японцы бомбу на нас сбросили.

На западном берегу виднелась деревня. Залитая лунным светом зеленая рощица на окраине деревни медленно проплывала мимо нас. Старик махнул в ту сторону рукой.

— Видишь деревню? В голодовку [1] в ней ни одной живой души не осталось — все умерли. И трупы шакалы и собаки поедали. В тот год на деревьях плодов не было. Вместо них на ветвях коршуны сидели, туча коршунов. Они на живых людей и то, бывает, бросаются. В эту деревню никто носа показать не смел: боялись. А однажды ночью случилось чудо. Из соседней деревни огонь — прямо к этой деревне. Немного погодя на западе появился еще один огонь. И тоже двинулся к этой деревне. Потом оба огня слились. Об этом случае вся округа сразу узнала. И с тех пор каждую ночь в двенадцать часов люди видели два огня: один с востока появляется, другой — с запада, красные языки на ветру пляшут, и каждый раз соединялись они в этой мертвой деревне. Одни говорили, что это злые духи, другие,— что добрые. Ты, небось, слыхал: когда человек умирает, он или в злого духа превращается или в доброго. А в той деревне трупы валялись — ступить некуда. Я, как первый раз увидел этих духов, испугался. Я не трус, да ведь все боятся духов!

— Ну, нет,— прервал старика его сын.— Я же их поймал.

— Правда? Ты поймал эти огни? — удивился я.

Старик ответил, очень довольный своим сыном:

— Он у меня отчаянный.

Молодой рыбак выпятил грудь, на руках его заиграли мускулы. Он тоже был доволен.

— Все боялись поймать этих духов,— серьезно сказал он.— Люди в соседних деревнях тряслись от страха. Кто говорил, это злые духи, кто — добрые, а некоторые говорили, это такие бомбы англичане изобрели, что сами всю ночь стоят на страже и, как замечают врага, бросаются на него. Так оно и шло. А до этого никто в Чатгаоне не видел никаких движущихся огней. Я и подумал: что-то здесь не так. Думаю, будь, что будет, но я все-таки узнаю, что это за огни, откуда они берутся и куда деваются.

Луна поднялась уже высоко. Все было залито ее светом; порывами налетал ночной прохладный ветер. Рыбаки еще раз набили трубку и, затянувшись по очереди, передали ее мне.

— Долго я об этом думал,— продолжал молодой рыбак,— но все духу не хватало. В конце концов решился, затянул потуже дхоти [2], взял копье и ровно в одиннадцать часов пошел и сел у той дороги, по которой двигались эти самые духи. Сижу, сердце бьется, вот-вот выскочит, в ушах стучит — не знаю, как барабанные перепонки не лопнули. Я сидел под деревом, и его ветки касались моей головы, и мне все казалось, что вот сейчас они задушат меня. Кругом стояла тишина, было слышно лишь, как трещат в траве всякие твари да нет-нет залает собака, шакалы затявкают или. коршуны на дереве начнут свои перья чистить. Одиннадцать часов, четверть двенадцатого, без четверти двенадцать, двенадцать. Руки и ноги у меня отнялись, вот сейчас, кажется, кровь разорвет жилы и брызнет наружу.

Как только городские часы пробили двенадцать, я увидел вдалеке огонь. Он появился из-под земли и начал приближаться ко мне.

Смотрю, с другой стороны еще один огонь появился и тоже на меня движется. Сердце у меня совсем зашлось. Огни подходят все ближе и ближе, а я смотрю на них, и глаза у меня от страха расширяются. В ночной темноте огни горят ярко, смотреть больно. Прошло немного времени, и я увидел, что они двигаются не по земле, а тихо летят по воздуху, все ближе и ближе. Я от страха оцепенел. Язык у меня отнялся. Попробовал я поднять копье, но оно показалось мне тяжелым, как каменная глыба. Ноги приросли к земле, и я не мог сдвинуться с места. В первый раз за всю жизнь я струсил. Да и как тут не струсишь? Смерть была у меня над самой головой.

Один из огней был уже шагах в трех, и я сидел как раз на его пути.

Вдруг меня словно обожгло, я почувствовал, как кровь вновь побежала по жилам. Я вскочил, словно меня кто подбросил, и у меня невольно вырвалось: «Кто тут?»

Молодой рыбак замолчал.

Ночная прохлада стала ощутительней. Старик надел на себя свою рваную жилетку. Мы, вероятно, были уже в море. Старик поднял лежавшие на дне лодки весла и вставил их в уключины. Ветер, налетавший порывами, стал влажнее, и в нем чувствовался легкий солоноватый привкус.

— Что же дальше? — нетерпеливо спросил я, удивленный рассказом молодого рыбака.

Он несколько раз подряд глубоко затянулся, потом выбил пепел из трубки в воду.

— Да. Я крикнул: «Кто тут?»

Неподалеку от меня кто-то вскрикнул, и на землю посыпались горящие угли. Передо мной стояла совершенно голая, дрожащая всем телом женщина.

— Женщина? — переспросил я его.

— Да, женщина! Она была молодая, лет двадцати, и совсем голая. Я бросился и схватил ее. Она даже не попыталась вырваться. Наоборот, она прильнула ко мне и зарыдала, и грудь моя стала мокрой от ее слез. Недалеко от нас на дороге пылала еще одна кучка угля, и в темноте была видна чья-то убегающая тень. Я спросил ее: «Кто ты?» Но в ответ услышал только всхлипывания и рыдания. Я еще раз спросил ее, но она продолжала плакать. Тогда я поднял ее голову и внимательно посмотрел в лицо. Это была Чахру, дочь дядюшки Абдуллы. «Что с тобой случилось, Чахру? — спросил я.— Почему ты плачешь? Я не сделаю тебе ничего плохого. Я Ганеш. Рыбак Ганеш». Она сказала только «да» и все плакала и плакала.

Мне было очень стыдно от того, что передо мной стояла совершенно голая женщина. Сколько я ни старался, я не мог закрыть свои глаза. При свете звезд я рассмотрел ее как следует. Она была очень красивая, как в сказке.

В деревне не было девушки красивее Чахру. Ей исполнилось уже двадцать лет, но она еще не была замужем. У ее отца не было денег на свадьбу. Все деревенские парни заглядывались на нее. И если она дарила кому-нибудь из них улыбку или взгляд, он ходил несколько дней с бьющимся сердцем. Я тоже часто встречал ее и думал каждый раз: «Эх, если бы она была рыбачкой или я был бы мусульманином! Обязательно женился бы на ней». Но вся беда в том, что она мусульманка, а я рыбак [3]. И вот теперь, в двенадцать часов ночи, самая красивая в деревне девушка, по которой вздыхали все деревенские парни, одна и совершенно обнаженная была в моих объятиях. Со всех сторон тянуло запахом разлагающихся трупов. На деревьях коршуны-стервятники с шумом чистили свои перья, выли собаки, тявкали шакалы. А на груди у меня плакала Чахру.

Я усадил ее на сноп рисовой соломы. «Пусть наплачется,— подумал я.— Поплачет — на сердце легче станет, тогда и поговорим».

— Вот и море! Берись за весла,— раздался голос старика.

Они уселись — старик впереди, Ганеш позади — и, взявшись за весла, стали молча грести. Берега реки исчезли, и вокруг, насколько хватал глаз, была вода, одна вода. Волны медленно вздымались и опускались, как грудь спящего глубоким сном человека. Легкий ветерок дул порывами. Лодка повернула на восток. Луна стояла теперь прямо над нами, словно красавица, выглядывающая из верхнего окошка и поражающая прохожих своей красотой. Отец и сын гребли дружно. Их тела одновременно наклонялись вперед, выпрямлялись и откидывались назад. Выпрямляясь, они высоко поднимали плечи и напрягали грудь. Казалось, весла были их руками, удлинившимися до самой воды; они срезали волны, как крестьянин срезает серпом созревшие колосья.

Движение их рук было удивительно ритмично. Казалось, эти руки пели, и их песня сливалась с песней волн.

Они гребли долго. Луна переместилась к западу и повисла над во-

[1] В 1943 году в Индии начался сильный голод, охвативший Бенгалию, большую часть Южной и Центральной Индии. Количество жертв в одной только Бенгалии составляло от трех с половиной до четырех с половиной миллионов.

[2] Дхоти — индийская мужская одежда.

[3] В Индии не приняты браки между индусами и мусульманами, а также между членами различных каст.

дой бледножелтым круглым пятном.

Отец и сын устали. Нужно было отдохнуть, и они вынули весла из уключин и положили их на дно лодки. Молодой рыбак сложил руки и задумался. Старик опять закурил трубку и улегся на дне, прислонясь к борту. Лодка медленно шла под парусом. Я окликнул Ганеша, и он засмеялся:

— Вы, наверно, все о Чахру думаете?

— Да.

— И я тоже. Вообще-то имя ее Гюльчахра, но отец ее был очень бедный, и все зовут ее просто Чахру. Во время голода все у нее умерли — и мать, и братья, и сестры. И осталась она совсем одна. Тогда даже милостыню подавать перестали. Одно оставалось человеку — голодать, бродить в поисках пищи и медленно умирать с голоду. Но Чахру красивая. Она познакомилась с каким-то солдатом, он был родом из Пенджаба. Солдат давал ей деньги на еду и на другие расходы. Встречались они тайком и для этого хитрую штуку придумали: в двенадцать часов ночи, раздевшись догола, поднимали над головой жаровни с огнем и шли в ту мертвую деревню.

— Для чего им все это было нужно?

— Я тоже спрашивал об этом у Чахру. Говорю: «Зачем вам весь этот спектакль? Для чего ты бродишь по ночам голая, словно ты ведьма?» А она отвечает: «Чтобы люди за ведьму меня приняли, а солдата — за злого духа». «А почему же вы не поженитесь?» — спрашиваю.

Однажды она ходила вместе со своим солдатом в его лагерь. Офицеры увидели ее и наказали солдата. Потом они присылали к ней людей и приглашали к богатым военным подрядчикам. Но она не хотела идти к ним. Она не была просто распутной женщиной. Она по-настоящему любила своего солдата. Потому она и выходила ночью, когда все люди сидели в своих домах, трясясь от страха. Чахру брала жаровню с огнем и отправлялась к своему солдату, а после тем же путем возвращалась домой. Когда я услышал всю историю, мне стало очень жаль ее. Я извинился, но она сказала, что теперь солдат противен ей. Когда я спросил, почему, она ответила: «Потому что он убежал и бросил меня одну. Где этот трус? — сказала она.— Хорошо, что это оказался ты: ты меня знаешь. А если бы это был кто-нибудь другой, что тогда?»

Потом она стала кричать на меня: «Ты видел меня голую. Какое ты имеешь право смотреть на меня? Что я тебе, жена или любовница? Что ты уставился?» Она вырвалась у меня из рук и гордо выпрямилась. Глаза ее сверкали от гнева. Она прикрыла грудь своими красивыми волосами. Я хотел было проводить ее до дома, но она отказалась: «Ты думаешь, я боюсь? Я и сама дойду! Куда хочу, туда и пойду. У меня нет дома». Но она не уходила и продолжала стоять, тяжело дыша. Неожиданно она сказала просительно и миролюбиво: «Ты не говори об этом никому». Я обещал ей, и она улыбнулась. Это подбодрило меня, и я сказал: «Чахру, я люблю тебя. Выходи за меня замуж». Она расхохоталась. Встревоженные ее громким смехом, сильнее завыли собаки, завозились на дереве коршуны. Я сказал: «Что ты смеешься? Я хочу на тебе жениться. Это серьезно. Но не думай, что эта мысль пришла мне в голову только сейчас. Я думаю об этом уже два года. Я люблю тебя».

Чахру перестала смеяться и сказала: «Что же ты раньше думал? Да и сможешь ли ты прокормить меня? Моя старшая сестра десять лет была замужем, но муж в конце концов прогнал ее из дому: нечего было есть. Моя мать перед смертью выгнала из дому трехлетнего сынишку, потому что отец хотел задушить его, чтобы для остальных было одной горстью риса больше. Скажи, откуда ты возьмешь рис и рыбу, чтобы прокормить меня, когда мы поженимся? Сегодня ты увидел меня голую — вот и влюбился, но разве ты сможешь купить на одну эту любовь рису?

Рис... Рис ведь продается две рупии за сир... Рис продается по две рупии за сир [1]...»

С этими словами она ушла. Ее красивая фигура растворилась в темноте. Около меня на дороге валялись кучки углей, которые тлели и угасали один за другим. Эта ночь прошла и больше никогда не вернется. Вот уже шесть месяцев, как это было, а я ношу в своем сердце память о Чахру. Когда становится очень грустно, я отправляюсь в лодке по реке: веслами намахаешься — вроде на сердце легче.

Некоторое время Ганеш сидел, склонив голову, затем молча поднялся и взялся за весла. Старик храпел на дне лодки под грустные вздохи волн.

Я вскоре уснул. Ганеш всю ночь греб один. Когда утром я открыл глаза, солнце уже взошло. Вокруг шумно плясали волны. Позади нас лежало зеленоватое, изумрудное море, а впереди тянулся прекрасный берег Кокс-Базара, и вдоль него плескались золотистые от песчинок волны. Стройные пальмы стояли, высоко подняв в небо свои кроны, словно они только что искупались в море и теперь сушили на солнце волосы. Оба рыбака быстро гребли. Лодка вошла в русло речушки, что впадает в море около Кокс-Базара.

[1] Сир — индийская мера веса, равная 900 граммам.

Мы плыли по этой узкой реке, а по обеим сторонам тянулись берега, то черные от грязи, то золотистые от песка. На одном берегу стояли автомашины и пушки, на другом располагалась авиационная база; задрав пропеллеры, стояли сотни самолетов, словно на поле сидела гигантская саранча. Несколько самолетов кружилось в небе. Зенитные орудия, вперив в небо свои жерла, ждали, не появятся ли японские самолеты. По песку, как муравьи, сновали солдаты, офицеры и рабочие. Через реку был перекинут деревянный мостик, к которому было привязано несколько лодок и сампанок.

Мы остановились у этого мостика.

Неожиданно Ганеш воскликнул:

— Чахру!

Я поднял глаза и застыл от удивления. На мосту стояла стройная худая девушка, одетая в желтые бархатные шаровары и зеленый бархатный жакет. Дувший с моря ветер развевал ее коротко подстриженные волосы. Брови ее были нахмурены, в глазах, казалось, сверкали лучи солнца. Я еще раз пристально посмотрел на нее. Лицо было розовым от пудры и румян, а на губах лежал толстый слой помады. На запястье левой руки красовались часы. В правой руке она держала стек. Кивнув мне, она сказала:

— Джентльмен!

Глаза ее странно заблестели.

— Покажи пропуск,— засуетился старик.

Я достал из кармана пропуск и, встав, протянул его Чахру. Но она даже не взглянула на пропуск, а только бросила:

— Выходи из лодки! — Я уже протянул руки, чтобы взобраться на мост, как вдруг она стукнула по настилу своим стеком и крикнула: — Не смей подниматься сюда! Иди по берегу.

На берегу непролазная грязь. Я был ошеломлен и никак не мог понять, в чем дело.

— Какая же ты стала, Чахру! — сказал Ганеш.— Разве ты не видишь, что на берегу грязь?

— Прекрасно вижу,— ответила Чахру, глядя прямо в глаза Ганешу.— Потому я и приказываю ему идти по берегу. Он джентльмен, а джентльмен не имеет права подниматься на мост. Пусть этот чистюля лезет в грязь да как следует вывозится в ней. А ну, шевелись! Другая лодка идет!

В голосе Чахру звучало самодовольство, глаза ее зло блестели. Лица Ганеша и его отца выражали замешательство и недоумение. Оглянувшись, я увидел несколько приближающихся военных лодок.

Я начал снимать ботинки. Ганеш выбросил мой чемодан на берег.

— Чахру! Я смотрю, ты большим начальником сделалась и забыла своих,— сказал старик. Затем он указал на меня:— Этот человек не джентльмен. Он приехал из Бомбея и заботится о бедняках.

От этих слов Чахру всю как-то передернуло. Губы ее искривила желчная усмешка. Зло посмотрев на меня, она сказала:

— Все они одинаковы. Все заботятся о бедняках. Я не забыла тебя, дядюшка. Я не забыла, в какой семье я родилась. Я все прекрасно помню, кто я и что я. Ты рыбак, а я дочь крестьянина. Я заставляю шагать по этой грязи всех джентльменов. Почему ты не утопил его в море? Эй, джентльмен, где ты?!

Я в это время, стоя в грязи, уже расплачивался с рыбаками. Ноги мои были измазаны по колено.

Чахру смотрела на меня с моста и улыбалась. Ганеш глядел на нее страстным взглядом.

Когда я выбрался из грязи на чистое место, Чахру перестала смеяться. Она подала Ганешу руку и помогла ему взобраться на мост. Они тихо заговорили о чем-то, и улыбка не сходила с их лиц. Ганеш крикнул:

— Отец, ты уезжай. Я остаюсь здесь!

Старик посмотрел на них взором, полным укора, и сказал:

— Не сходи с ума, сынок. Чахру не пара тебе.

Чахру засмеялась и слегка ударила Ганеша ладонью по щеке. Затем она выпроводила его с моста. Он спрыгнул в лодку, схватил весла и начал быстро грести. Чахру провожала лодку взглядом, пока она не исчезла из виду.

Я вытирал грязным полотенцем свои грязные ноги, когда Чахру сошла с моста и остановилась возле меня:

— Откуда ты приехал? Из Бомбея?

— Из пекла,— резко бросил я.

— А я иногда угощаю джентльменов вот этим стеком! — озорно проговорила она.

Я поднял голову и посмотрел на эту странную девушку. В злом блеске ее глаз было какое-то очарование, а гневные мелкие морщинки, прочертившие лоб, придавали еще больше достоинства невинному выражению ее красивого и лучезарного лица. Мне очень хотелось поговорить с ней. Рассказ Ганеша усиливал это желание. Но вид Чахру не предвещал ничего хорошего, и я долго не осмеливался открыть рот.

— За что ты меня ругаешь? Я ведь не джентльмен,— сказал я весьма неуверенно.

— Вот это здорово! По-твоему, когда тебя называют джентльменом,— это значит тебя ругают? — засмеялась она.— А что ты скажешь насчет своего костюма? Почему ты одет так же, как все они?

— А твой костюм?

— Джентльмены скорее распаляются, когда я в нем. Он очень идет мне.

— А эти краски, которыми ты накрасилась?

— Мне нужно зарабатывать на пропитание. Это помогает.

Я смотрел ей в лицо и старался понять, что это: бесстыдство, бесшабашная удаль или желание отомстить? Но так и не мог ничего решить.

— Ладно... Скажем, ты не джентльмен. Скажем, ты заботишься о бедных людях,— сказала она с иронией.— Разрешите полюбопытствовать, чем же изволите заниматься? Спекулируете на черном рынке? Или торгуете девушками?

Морщины на лбу ее обозначились резче, лицо нахмурилось, губы скривились в усмешку. Она повернулась и пошла прочь, наградив меня напоследок взглядом, полным ненависти и презрения. Я остался сидеть в задумчивости. Странная это была девушка, очень странная! В ней не осталось ничего от той простой крестьянки, какой она была когда-то.

«Нет, это не протест и не жажда мести. Это — просто самодурство и распущенность,— думал я.— В крови этой бедной девушки вспыхнули молнии, но мстит она только самой себе, восстает только против себя. Так неугомонная морская волна, вырвавшись из объятий бури, бросается на берег, чтобы обратить песок в морскую воду, но она, эта бесконечно малая частица моря, захватывает лишь горсть сухой пыли, и все остается по-старому».

Имя Чахру было притчей во языцех в Кокс-Базаре. Двадцатилетняя крестьянка, некогда добывавшая себе кусок хлеба, как и все, стала вдруг сама командовать. Ее почтительно называли «Чахру-капитан». Она стала одеваться по-европейски и благодаря тому, что была красива, завоевала себе расположение офицеров. Чахру не выносила присутствия туземных господ в европейских костюмах — джентльменов, как она их называла,— и в своих проделках над ними не останавливалась ни перед чем. Десятки почтенных людей были опозорены по ее милости. Особенно ненавидели Чахру женщины. Мужчины тоже осуждали ее, но это не мешало им говорить о ней почти с восхищением.

На другой день я видел, как она проехала в машине. В руках у нее был большой букет цветов. На третий день я встретил ее возле чиранга[1]. Увидев меня, она улыбнулась.

— Как поживаю? — глаза ее опять заблестели недобрым блеском.— Ты лучше скажи: как я выгляжу в этом европейском наряде?

— Ни дать, ни взять английская принцесса.

Она расхохоталась. На щеках у нее появились маленькие ямочки.

В это время на дороге показался военный грузовик. Чахру махнула рукой, грузовик остановился, и она взобралась в кузов. Когда грузовик тронулся, она стояла в кузове, простерев руки к небу; волосы ее развевались на ветру. Клубы красной пыли, поднятые машиной, скоро скрыли и ее и машину.

Вечером Кокс-Базар разволновался. Все разговоры сводились к тому, что нужно прогнать Чахру. По дороге в Раму она соскочила с грузовика и до крови избила какого-то почтенного человека. Жители городка были возмущены. Однако дальше этих разговоров дело не пошло, потому что все боялись военных.

Позднее стало известно, что офицеры сами наказали Чахру: теперь она не сможет выходить из лагеря в селение. Люди легли спать спокойно, а на другой день снова у всех на устах было имя Чахру.

Утром она командовала небольшой группой рабочих на берегу. Было время прибоя. Волны набегали на берег, словно целуя его. Огромные валы окатывали берег своим серебром и отступали, оставляя на песке пену.

Чахру была одета в синее платье, плотно облегающее тело. Она только что искупалась в море. Руки и ноги у нее были голые, и на них поблескивали кристаллики соли. Мокрые волосы перепутались. Соленая морская вода смыла с лица румяна и белила, и оно стало смугло-золотистым, как пшеничные колосья. Я впервые увидел, как прекрасно ее стройное тело.

Заметив меня, она словно еще больше выпрямилась, и грудь ее заволновалась, как морские волны.

— Ты тоже заработать хочешь?

[1] Чиранг — деревянное сооружение, большой шалаш, выстроенный на краю дороги для отдыха путников; по ночам в нем ночуют бездомные люди.

Вчера один такой же вот джентльмен вроде тебя пялил на меня глаза на улице — так ему здорово досталось. Ты, я вижу, тоже напрашиваешься?

— Почему ты так ненавидишь джентльменов?

— Это что, допрос?.. Да кто ты такой?

— С тобой невозможно разговаривать. Ты не отвечаешь, когда тебя спрашивают. Я так не могу разговаривать,— ответил я в смущении.

Она кинулась ко мне, схватила за руку и бегом потащила к самой воде, где волны омывали берег. Она опустилась на влажный песок, вытянув ноги к морю и упершись локтями в мягкий, бархатистый песок.

— Ответь мне на один вопрос,— попросила она, и в голосе ее звучало столько непосредственности, будто мы были с ней старыми знакомыми.

— Спрашивай.

— Ганеш говорил что-нибудь обо мне?

— Да. Он любит тебя.

По лицу Чахру пробежала тень. Взгляд ее стал нежным и кротким, словно кто-то одним волшебным мановением растопил вдруг всю ее дикость и грубость. От этого она стала еще красивее. Волны целовали ей ноги, ветер своими легкими, невидимыми пальцами перебирал ее волосы. Она долго строила и разрушала песчаные домики.

— Я очень люблю песок. Я родилась из него. Ганеш тоже родился из него. Я часто прихожу сюда и часами лежу на песке и мечтаю. Я представляю себе огромное рисовое поле. Оно тянется далеко-далеко, до самого горизонта, и на нем волнуются от ветра золотые колосья. Я срезаю серпом колосья риса. Потом собираю их и связываю в снопы. Я иду по тропинке и пою песню. Поет земля, поет небо, поет воздух. На берегу реки стоит маленький домик. В нем сидит Ганеш. В сетях трепещет рыба. Маленькие дети смотрят на нее, хлопают в ладоши, смеются и пляшут... — Она смолкла. Подняла на ладони маленький домик из песка.— Мне о многом хотелось поговорить с Ганешем. Да этот старый филин, его отец, помешал нам. Он говорит, что я недостойна быть женой Ганеша. А Ганеш ничего не хочет делать против воли отца... Трус он! Взял и бросил меня здесь! — Последние слова ее звучали по-детски обиженно.— Чтобы любить, надо быть смелым. Я ненавижу трусов. Мне нравятся такие люди, которые идут на смерть с улыбкой... Смотри, в море поднимается буря! Волна высокая. Если бы я попросила Ганеша проехать сейчас на лодке, он не решился бы. Он забрасывал бы свои сети с берега. Тоже рыбак! Он и меня хочет поймать, как рыбу. Скажи, рыба я или нет?

— Нет.

— Я не рыба. Я женщина. Я Чахру. Мое имя — Гульчахра. Меня нельзя поймать, как рыбу.

Какой-то рабочий подбежал к нам.

— Чахру-капитан! Чахру-капитан! Тебя зовет сахиб.

— Скажи, что я не приду.

— Он собрался ехать в Бухти-Данг. Он уже в машине.

— Все ясно. Скажи, что я не приду. Я не поеду в Бухти-Данг. Я пойду в море.

Рабочий ушел.

— Кто это зовет тебя? — спросил я.

— А! Красноророжая обезьяна. Его перевели в другое место, и он хочет забрать меня с собой. Я не поеду. Таких, как он, я и здесь найду сколько угодно. Плевала я на все. Пойдем в бурю на лодке? Пойдем? Ах, как это будет хорошо!

Я хотел сказать, что лодка может перевернуться, но промолчал, побоявшись, что Чахру сочтет меня трусом.

Она облюбовала одну хрупкую сампанку и, пройдя по мосту, спрыгнула в нее.

— Я ведь джентльмен. Может быть, мне лезть по грязи? — спросил я.

— Прыгай с моста! Ты не джентльмен. Когда ты без всяких возражений полез в грязь, я поняла, что ты не джентльмен.

Она взмахнула веслами, и мы отчалили. Гребла она мастерски. Это не шутка — править лодкой во время прибоя! Душа у меня ушла в пятки: я боялся, как бы наша сампанка не перевернулась. Чахру гребла как ни в чем не бывало.

— Ты умеешь управляться с веслами? — спросила она.

— Да, мне приходилось грести в Бомбее.

— И плавать умеешь?

— Немного.

— Тогда нечего бояться.

С этими словами она энергичнее заработала веслами. Море кипело. В гневе оно подбрасывало нашу сампанку на вершины огромных валов, словно это была не лодка, а высохший листик. Сампанка трещала под мощными ударами волн. Одна из них перекатилась через лодку, и мы промокли до нитки.

— Дай-ка мне весла! — сказал я.

— Ты не сможешь грести лучше меня.

— Поворачивай обратно! Нас может опрокинуть.

— Ага! Боишься?

Я бросился к ней и схватил весла. Чахру попыталась вырвать их у меня из рук. Сампанка завертелась, как волчок. Набежавшая огромная волна высоко подбросила наше утлое суденышко и со страшной силой швырнула его на берег.

Следующая волна накрыла сампанку.

Море ревело.

Я не знал, далеко ли разбросало нас. Когда волна откатилась, оказалось, что я лежу на песке, а Чахру стоит в нескольких метрах от меня. Море терзало лодку. Одно весло воткнулось в песок, а другое мелькало в волнах лопастью вверх, словно простертая рука, взывающая о помощи.

— Ты не ушибся? — крикнула Чахру.

— Нет... Песок мягкий, — ответил я, хотя локоть и колени у меня были ободраны.

Чахру подошла ко мне, опустилась рядом и сказала:

— Мне хочется, чтобы кто-нибудь поднял этот мир повыше и потом бросил. Когда море бушует, я с ума схожу от радости. Мне кажется, что вот буря все сильнее и сильнее и уже между небом и землей нет ничего — только ревущее море, и в его голубых волнах тонет все: я, ты, Ганеш, луна, солнце, звезды — все, все на свете!..

— Ты что, на самом деле с ума сошла, Чахру?

— Да, я сошла с ума. Ты тоже сошел с ума, если сидишь рядом со мной. Ганеш тоже сумасшедший, если любит меня. Сумасшедшие все те крестьяне и рыбаки, что умерли с голоду в поисках нескольких зернышек риса! Только джентльмены не сошли с ума, а остальные все обезумели...

— Почему ты так ненавидишь джентльменов? — спросил я, сочтя момент подходящим.

Чахру сразу стала серьезной, глаза ее вспыхнули гневом.

— Знаешь ты, чем я занимаюсь? — спросила она. — Я продаю свое тело. Ты первый незнакомый человек, которому я открыто говорю об этом. Люди говорят, что я очень красивая. Мне самой тоже очень нравится мое тело и мое лицо. Я продаю свое тело. За одну ночь я беру тридцать рупий. Офицеры платят мне еще больше. Ты, может быть, думаешь, что эта профессия ко мне по наследству перешла?[1] Нет, я дочь крестьянина, я чиста, как земля. Я никогда не занималась этим делом раньше. Но когда отец и мать мои умерли и всё в деревне пошло прахом, я осталась одна среди тысяч трупов. Собаки, пожиравшие их, скалили на меня зубы. Одиннадцать дней я ничего не ела, а на двенадцатый, спотыкаясь, поплелась к нашему заминдару[2]. Я пришла к нему попросить, как милостыню, пригоршню риса. Этот самый рис я собственными руками жала во время сбора последнего урожая. В доме заминдара было много риса. Мешки с рисом, похожие на трупы, лежали навалом. Заминдар спекулировал рисом на черном рынке. Он продавал собранный с наших полей рис по шестьдесят рупий за манн[3].

Я голодала одиннадцать дней. В целом мире не было никого, кто протянул бы мне руку. Бывали моменты, когда я могла бы съесть мясо разлагающихся трупов, но это было очень противно, и я не решалась. Я попросила у заминдара горсточку риса. Он спросил, чем я заплачу за него. У меня ничего не было. Я умоляла, чтобы он дал мне рис, как милостыню. А он сказал, что и так уже содержит на свой счет школу и сиротский дом, а в Чатгаоне — дом для престарелых. «Сколько же можно раздавать милостыню!»

«Что же мне делать? — спросила я. — У меня нет сил добраться до Чатгаона. У меня нет ничего, чем бы можно было заплатить за рис».

Тогда он сказал, что у меня есть молодость, красивое лицо и сильное тело.

«Пойди и попытайся продать кому-нибудь свое тело».

Но ведь тело мое не мешок с рисом, чтобы его продавать! Я убежала от заминдара. Но через два дня, когда пошел уже тринадцатый день голодовки, я опять притащилась к нему и сказала, что пришла продать свое тело за пригоршню риса: «Покупай мое тело». Он рассердился: джентльмены дорожат своей честью! Он заявил, что он не сводник. «Тогда где же мне продать свое тело?» — спросила я. Ходить я уже не могла. Заминдар прогнал меня вон. Его сын, который выволакивал меня из дома, купил мое тело за один сир зерна. С тех пор мне кажется, что у меня нет тела, нет молодости, нет красоты. Все это продано за один сир зерна... После этого меня подобрал солдат. Он оказался трусом. Затем мне встретился Ганеш. Он тоже трус. Все люди здесь — трусы!

Зато теперь я делаю в Кокс-Базаре все, что мне захочется! Сюда приезжает очень много джентльменов. Они приезжают сюда по делам: заключают с военными подряды. Я всех их гоняю по грязи. Иногда я бью их, и никто не осмеливается даже пальцем тронуть меня! Страсть к деньгам и жадность сделали их трусами. Они знают, что я в милости у офицеров, и боятся разозлить их, ударив меня. Им нужны только деньги. Они продают офицерам девушек и женщин из своих деревень.

...Ты не возвращайся морем, а поезжай по Иракански тракту. Отсюда до Чатгаона восемьдесят миль. На всем этом пути триста тысяч занимаются тем же, чем и я. Весь их заработок достается джентльменам. Ты не джентльмен, поэтому ты поймешь меня. Говорят, что я негодяйка, что я проститутка... Но джентльмены — негодяи больше, чем я! Они развратны больше меня. Все они продажны, все они сводники! Золото для них все: и честь, и вера, и бог. За золото они продадут даже своих матерей и дочерей. Вся их честь и достоинство в одном: они носят белую одежду... В Бомбее тоже есть джентльмены?

— Их везде много, — ответил я.

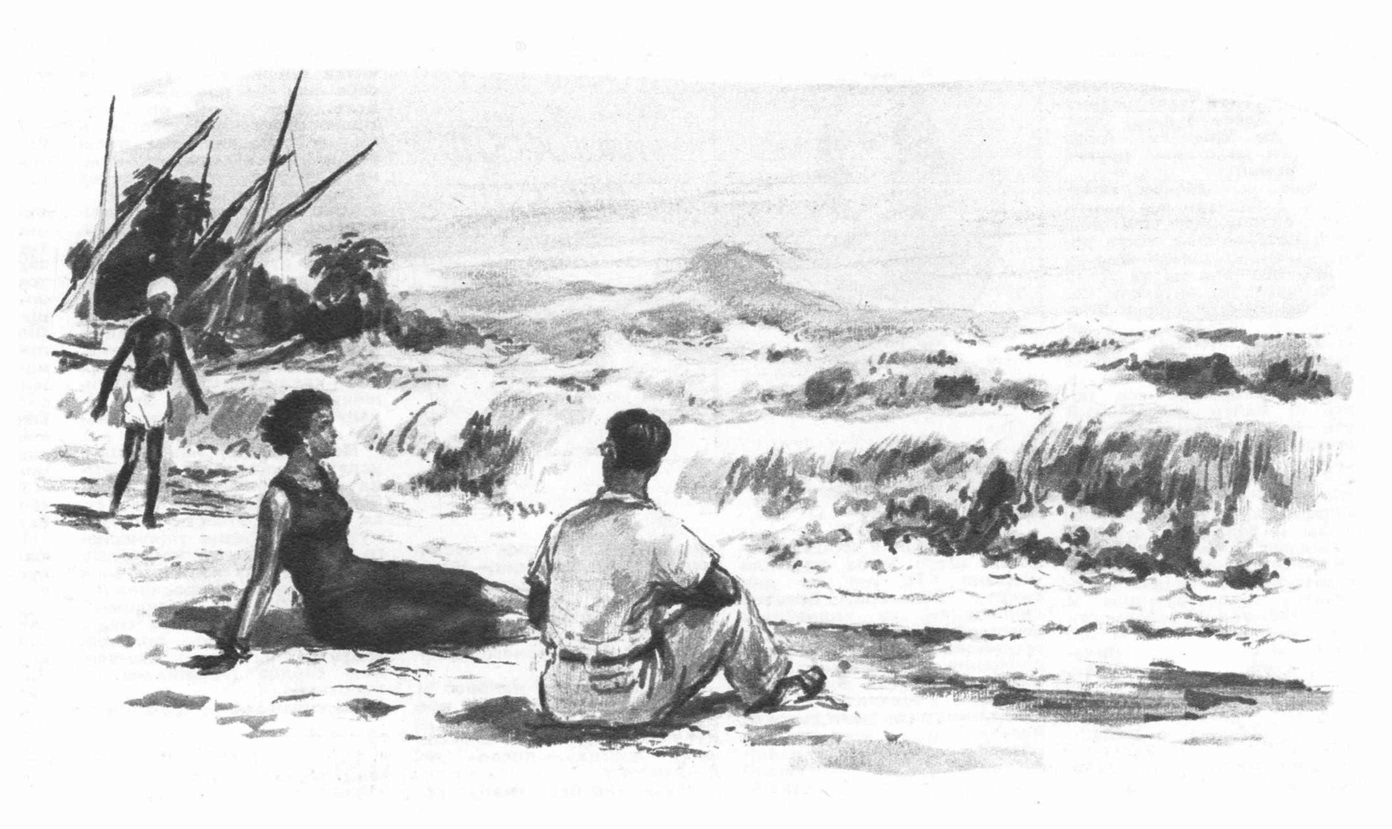
— ...Да, ничего, видно, не поделаешь. И как же я ненавижу их! — сквозь зубы проговорила она.

Лучи солнца стали жарче, и на смуглом лице Чахру засверкали жемчужные капельки пота. Волны целовали ей ноги, ветер своими легкими, невидимыми пальцами перебирал ее волосы. Она закрыла глаза и сказала тихо, почти неслышно, словно во сне:

— Когда поедешь обратно, скажи Ганешу, что я жду его. Мне надоела такая жизнь...

Перевели с урду Ю. Лавриненко и В. Павлов.

[1] В Индии имеется ряд каст, наследственной профессией которых является проституция.
[2] Заминдар — помещик.
[3] Манн — индийская мера веса, равная 36—38 килограммам.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Картины прошлого

Новый большой роман народного писателя Латвии Андрея Упита «Просвет в тучах» — это целая энциклопедия латышской и в какой-то мере общерусской жизни конца прошлого века. Это предистория революции 1905 года и великой победы в Октябре 1917 года. Это широкая картина обострения классовой борьбы в Латвии на рубеже нашего века, проникновения марксизма в передовые слои общества и роста сознательности латышского пролетариата.

Роман Упита открывается прологом. Читая его, мы словно вместе с автором идем по улицам старой Риги, и перед нами встают образы прошлого в таких подробностях и с такой рельефностью, что и впрямь кажется: это недоброе прошлое ожившим проходит перед глазами. Вот ветер холодного ноябрьского денька шевелит бородку у свирепого городового на углу рижских улиц; вот толпа безработных у ворот фабрики; двери пивной, откуда вместе с паром и прогорклыми запахами вываливается какой-то оборванец; дым, звуки, запахи — все это соединяется во что-то, навевающее угрюмое настроение.

Как жить человеку в этом безжалостном мире, где богатые хозяева фабрик, заводов, складов, кораблей, имений могут творить с трудящимися, в сущности, почти все, что им заблагорассудится? Этот вопрос, который с такой силой в прежнее время был поставлен на страницах произведений А. М. Горького, рождается и у героев романа Упита. И не случайно уже в первой части романа описаны так называемые «вечера вопросов и ответов», которые в те времена устраивались во всевозможных обществах благотворительного характера и в рабочих обществах взаимопомощи. Под видом ответов на бытовые, правовые вопросы пропагандисты - марксисты старались рассказать трудовому люду о великой силе классовой солидарности в борьбе с эксплуататорами.

А. Упит рисует встречу разношерстной публики на одном из таких собраний. Здесь и Эдуард Вейденбаум, рано умерший латышский поэт, чьи революционные песни и стихи так любили рабочие. Здесь и Анна Осис с братом Андреем, Андр Калвиц и некоторые другие герои романа.

Ночью в рабочем предместье Агенскалн мы видим Анну склоненною над платьем, которое она шьет дочери хозяина завода Формана. Но это уже не та Анна Осис, которую читатель помнит по роману Андрея Упита «Земля зеленая». Кто же сделал ее теперь такой сильной, зоркой и полной неуемного беспокойства в своем стремлении все понять и найти правильный путь борьбы? «Несомненно, первым был ее брат Андрей, он вырвал ее из душного мира деревни и ввел в рабочую Ригу, в этот мир фабрик, хибарок, кабаков, нужды и бедствий, которые с каждым днем становятся все значительней и в котором непрерывно вырастало недовольство существующим и непоколебимая уверенность в лучшем будущем... И потом были собрания в «Ионатане», в обществе «Цериба», у Карлевица — как вчера. Эти незнакомые юноши, которые так много читали и так много знали, непрестанно зажигали в людях искорки протеста, а те разносили их по мастерским, по школам и семьям, по самым отдаленным рабочим окраинам Риги... Эти вешние воды струились из многих родников. Из собственной тяжкой жизни, из этой могучей пробуждающейся поэзии, из тех речей и докладов на собраниях, из «Диенас Лапа», из книг большого и маленького Андра...»

Во множестве главок, сцен и эпизодов Андрей Упит знакомит читателя с тем, как объединялись эти «вешние воды» революционного протеста, как зарождались те начала новой, демократической культуры, которые после Октября, в условиях советской власти, накрепко породнили все народы России.

Одними из лучших страниц романа являются страницы, рисующие жизнь рабочих на замочном заводе Гермингхаузена и Формана в Задвинье. Тут и фигура подлизы-мастера, ненавидимого рабочими, Гуджи, тут и трагические сцены жизни безработного Падеги с его малолетними детьми.

Героический образ рабочего класса в его тяжелых трудах и борениях встает со страниц романа во всем своем суровом обаянии. Таковы брат и сестра Андрей и Анна Осис, старый рабочий Падега, работница Ольга Сарма, Деега, Шульц и многие другие.

Менее разработаны автором те части книги, которые посвящены деятельности русских социал-демократических кружков и вообще связям латышского рабочего движения с общерусским революционным центром.

С большим уважением и любовью очерчена в романе фигура русского студента-большевика Виктора Островского, с которым встречается в социалистическом кружке Эдуард Вейденбаум, но этот образ, как и образ путиловского рабочего, оказался недостаточно органически вплетенным в повествование.

Замечательно показывает Андрей Упит, как под действием капитализма в национальном движении происходит отчетливое классовое размежевание. Писатель показывает, что подлинными патриотами, болеющими за судьбу латышского народа, являются прежде всего революционно настроенные рабочие и интеллигенты, «новотеченцы» из газеты «Диенас Лапа», такие, как Вейденбаум.

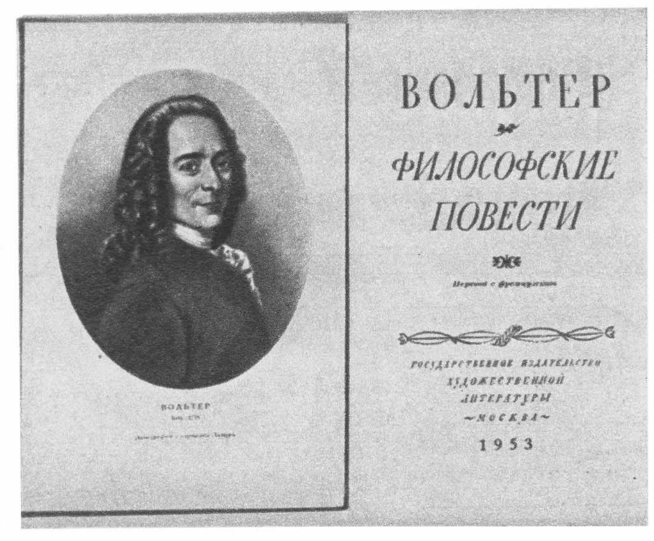
В романе отображено, как в революционно-освободительной борьбе закладывались основы нерушимой дружбы народов, ныне составляющей фундамент нашего государства и всего социалистического общества. С волнением говорит Виктор Островский, что «проклятый царский полицейский режим ...расколол единство сотен больших и малых народностей России... и не позволяет им почувствовать общность жизни, судьбы, интересов и мечтаний о свободе». Вейденбаум и другие передовые латышские интеллигенты жадно прислушиваются к словам русского революционера: «Придет время, когда русский народ сумеет сплотить вокруг себя все одинаково угнетаемые большие и малые народы в единую, побратски дружную, могучую семью и стряхнуть с плеч ярмо. Ни у кого из них нет и не может быть никакой маленькой отдельной «свободки»,— только одно, общее, великое, единое, свободное отечество».

Такое подлинно свободное, социалистическое отечество обрели сегодня и русские, и латышские рабочие, и трудящиеся всех других национальностей великого Союза Советских Социалистических Республик.

К. ЗЕЛИНСКИЙ

Андрей Упит. Просвет в тучах. Перевод с латышского Л. Паже и Н. Задорнова. Латгосиздат. Рига. 1952. 1187 стр.

Молнии смеха

Прогрессивная общественность всего мира отметила недавно 175 лет со дня смерти Вольтера. Вольтер был одним из виднейших деятелей французского Просвещения — идеологического движения буржуазии, которая в XVIII веке возглавила борьбу с феодализмом.

Литературная деятельность Вольтера была чрезвычайно разносторонней, но в какой бы роли он ни выступал: как историк, поэт, ученый, драматург, философ, публицист или рассказчик,— Вольтер прежде всего был страстным обличителем реакции, горячим защитником жертв феодального произвола и религиозного фанатизма.

«Я веду войну направо и налево. Я заряжаю мое ружье солью для одних и пулями крупного калибра для других»,— писал он Д'Аламберу.

Герцен не раз отмечал революционное значение сатирического смеха Вольтера: «Без сомнения, смех — одно из самых мощных орудий разрушения; смех Вольтера бил и жег, как молния».

Государственное издательство художественной литературы выпустило «Философские повести» Вольтера. В сборник включены: «Задиг, или Судьба», «Микромегас», «Кандид», «Простодушный» и «Царевна вавилонская».

«Философские повести»—самое живое и интересное из большого и многообразного литературного наследия Вольтера. Продолжая традиции гуманистов французского Возрождения Рабле и Деперье, развивая линию философской литературы, начатую Монтескье, Вольтер достигает большого мастерства в создании произведений, сочетающих сатирическое изображение общества и глубину философской проблематики с увлекательной, остроумной сказкой.

Философская повесть возникла как боевой жанр просветительской литературы. Просветители обращались к ней, чтобы наиболее доступно, убедительно и занимательно изложить свои философские и политические взгляды, разгромить идейных противников, подвергнуть суду разума окружающую феодальную действительность.

Когда Вольтер решает опровергнуть реакционную философию Лейбница, утверждавшего мировую предустановленную гармонию (равновесие зла и добра в мире), философию, оправдывавшую феодальные порядки, он пишет веселый рассказ о необыкновенных приключениях Кандида и его возлюбленной Кунигунды. Кандид принимает участие в сражениях, его секут, прогоняют сквозь строй. Фантазия автора переносит героя в различные страны мира, и все эти самые неожиданные эпизоды и ситуации нужны Вольтеру, чтобы высмеять и доказать полную несостоятельность философии Лейбница. Мир отнюдь не идеален, и нет в нем еще гармонии,— наоборот, несправедливость, произвол и жестокость царят повсюду.

С большой силой сарказма разоблачает Вольтер в «Кандиде» лживую, предательскую роль миссионеров, проповедующих в Африке «братство во Христе», а на деле поставляющих черных рабов для плантаторов.

Сколько едкой иронии звучит в словах писателя, когда он говорит об условности религиозных обрядов («Простодушный»), о церковной метафизике («Задиг») или высмеивает пустую схоластику старой науки («Кандид»)! Издевается Вольтер и над «божественным» происхождением королевской власти.

Бесчеловечным порядкам современной ему действительности Вольтер противопоставлял в повестях свою мечту о прогрессе общества, об идеальном царстве разума и справедливости (Эльдорадо в «Кандиде», царство гангаридов в «Царевне вавилонской»).

Многие уродливые явления общества, основанного на социальной несправедливости, произволе и угнетении, живы еще и теперь в капиталистическом мире, потому-то сатира Вольтера так действенна и поныне, потому-то его так ненавидит и боится реакция.

И. ЛИЛЕЕВА

Под нашим небом

Воспитанное газетой умение на немногих страницах изобразить типический характер нашего человека — драгоценное качество писательницы Татьяны Тэсс. Ее книжка «Под нашим небом» дает широкую, многообразную картину советской жизни военных и послевоенных лет.

К привлекательным особенностям литературного дарования Тэсс относится умение проникать в «тайны» профессии. Вот очеркистка вводит читателя в кузнечный цех Автозавода имени Сталина. Она описывает его так живо, что, прочитав очерк, вы чувствуете себя как бы побывавшим в цехе. При этом описание производственной обстановки не самоцель для писательницы,— обстановка нужна для того, чтобы точнее и глубже показать людей.

Тэсс показывает органическую связь маленьких, будничных дел рабочего человека, стоящего у станка, с огромным процессом переустройства жизни, которым занят наш народ. Она внимательно отмечает новые формы организации труда, видит, как рождаются черты, характеризующие движение к будущему. Это делает ее очерки познавательно ценными.

Может быть, наибольших успехов достигает очеркистка в изображении ученых. Здесь особенно сказывается ее способность постигнуть своеобразие творческого труда, будь то исследования одного из изобретателей электронного микроскопа Лебедева («Окно в невидимый мир») или профессора медицины Неговского, производящего опыты по оживлению сердца («Сражение со смертью»).

Рассказывая о советской науке, Тэсс подчеркивает ее новаторское, животворящее начало. Писательницу не интересует наука как свод застывших знаний. Ее привлекает труд ученых, борющихся за утверждение передовых научных идей.

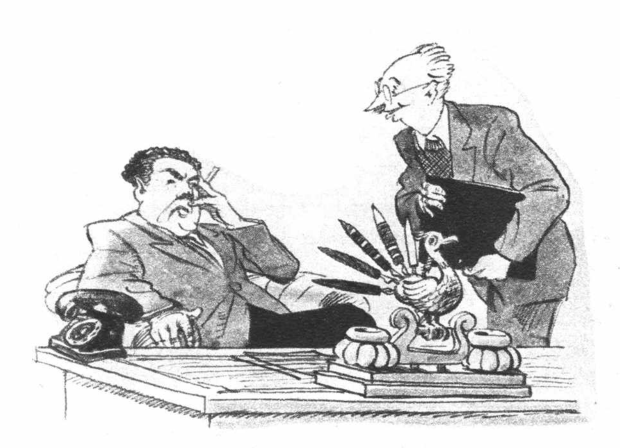
Однако в очерках о науке есть и недостатки. Конфликты, изображенные писательницей, связаны обычно лишь с преодолением трудности проникнуть в неразгаданные тайны природы. Между тем ученым, как известно, приходится встречать и преодолевать другие препятствия: есть люди, не принимающие передовых путей в науке и даже сопротивляющиеся ее победоносному движению вперед.

Писательница как бы избегает показа острых столкновений, борьбы мнений в науке, что придает некоторым ее очеркам оттенок идилличности. А ведь очерк — это наиболее оперативный жанр литературы, задача которого состоит в том, чтобы, вторгаясь в жизнь, поддерживать хорошее и осуждать плохое. Писательница, возможно, преднамеренно отобрала для книги лишь очерки положительного содержания, считая, что ее критические выступления уже сыграли свою роль на страницах газеты. Но с этим вряд ли можно согласиться.

В сборнике напечатано также несколько рассказов. Если в очерках Тэсс убеждает нас достоверностью фактов, точным адресом происходящих событий, то в рассказах строгой проверке подвергается способность автора к обобщениям, к созданию выразительных художественных образов. Рассказы Тэсс читаются с интересом. В них автор нередко возвращается к темам, уже затронутым в очерках, чтобы осмыслить их глубже, многостороннее.

Л. ТРЕТЬЯКОВА

Татьяна Тэсс. Под нашим небом. Издательство «Известия». М. 1953. 280 стр.

«Ты» и «Вы»

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

Рисунки Ч. Юрьева.

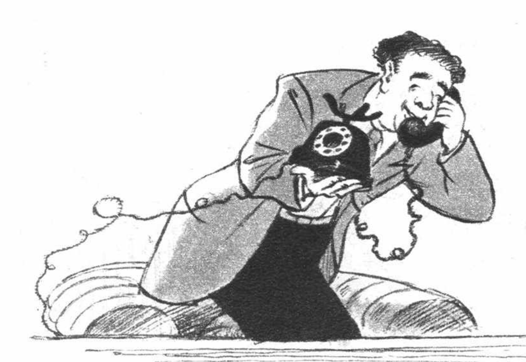
Как-то кассира конторы «Главпух»
вызвал по срочному делу главбух.
— Вот что, — сказал он, откашлявшись строго, —
думал тебя пропесочить немного,
но... В общем так: приготовь-ка к утру
сводный отчетик по пухоперу.
Выведи пухоперооборот
и чтобы всё, как положено. Вот!..
(А между прочим,— известно по штатам —
не был ни братом ему и ни сватом,
но со служебной своей высоты
он говорил с подчиненным на «ты»...)

Только уселся главбух у гроссбуха —
сам вызывает начальник «Главпуха».
И в кабинете у зава главбух
весь превращается в зренье и слух.
— Гм... Сидор Матвеевич... Кажется... Вы...
Но начглавпух не поднял головы.
Ждет терпеливо у двери стоящий
так называемый «нижестоящий»,
что ему скажет удобно сидящий
так называемый «вышестоящий».

Но наконец-то начальственный бас
многозначительно выдавил: — Да-с!
Что же ты? Как же ты? День ото дня
с пухобалансом ты режешь меня.
Чтобы мне завтра часам к десяти!..
Лично проверю я. Можешь идти!
(А между тем — известно по штатам —
не был ни братом ему он, ни сватом,
но со служебной своей высоты
он говорил с подчиненным на «ты»...)

Я уже думал кончать фельетон,
но зазвонил на столе телефон.
То начглавпуху звонили из треста,
то есть из вышестоящего места.
И размягчился, растаял, угас
грозный доселе начальственный бас.
И оказалось: не бас был у зава —
тенор, и даже лирический, право,
и обращенье (а как же!) на «вы»:
— Вы, Никанор Никанорыч, правы!..

Надо высмеивать хлеще и хлеще
эти смешные и глупые вещи!
В нашей стране нам дает уваженье
наша работа, а не положенье.
«Вышестоящий» иль «нижестоящий» —
лишь бы ты был человек настоящий!

Живая энциклопедия техники

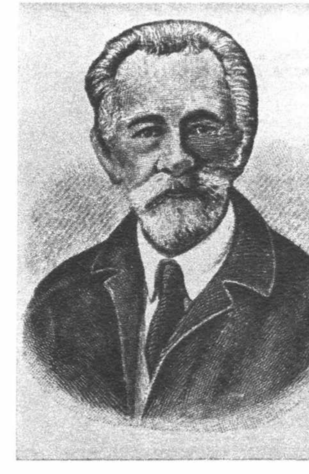
Встреча Владимира Григорьевича Шухова, известного русского конструктора-изобретателя, с группой американских инженеров состоялась в Москве в 1922 году. Заокеанских гостей привело сюда отнюдь не праздное любопытство, а щекотливое поручение: предстояло решить патентный спор. На американский континент проникли «слухи» о том, что запатентованный Бертоном крекинг-процесс на самом деле не техническая новинка, а давным-давно изобретен в России инженером Шуховым.

Шухов любезно показал заокеанской комиссии привилегию на крекинг-процесс, выданную ему в 1891 году департаментом торговли и мануфактур в Петербурге. Американцы, детально ознакомившись с привилегией и приложенными к ней чертежами и расчетами, вынуждены были признать приоритет нашей страны в решении проблемы, над которой ломали себе голову специалисты Соединенных Штатов.

Если бы приезжие полюбопытствовали, то Шухов мог бы рассказать им, что это отнюдь не единственное его изобретение. Он мог бы показать ворох патентов, а также труды и статьи, где подробно описывалось все, что занимало выдающегося инженера.

Ему принадлежал эрлифт-насос — воздушный подъемник, с помощью которого выкачивали нефть из глубины на поверхность, получивший распространение на всех промыслах мира. Именно он осуществил идею Д. И. Менделеева, который предложил перекачивать нефть по трубам на дальние расстояния, и осуществил в тот момент, когда эта идея была отвергнута. Именно он создал первые в мире металлические нефтеналивные баржи...

Американские инженеры не спешили с отъездом. Знакомясь с достопримечательностями столицы, они заинтересовались недавно построенной на Шаболовке антенной — передающей радиомачтой высотой в 160 метров. Этот повышенный интерес к сооружению был не случайным. «Вот где мы сквитаем счет!» — решили американцы и обвинили Шухова в заимствовании старой американской идеи. Конструкция радиобашни, уверяли они, дублирует сетчатые наблюдательные вышки, в начале века установленные на американских военных кораблях.

Академик В. Г. Шухов.

«Следовательно, мы с вами в расчете. Мы позаимствовали ваш крекинг-процесс, а вы...»

Тогда Шухов достал из шкафа американский журнал «The Engineer» от 19 марта 1897 года, где была опубликована корреспонденция, снабженная фото и посвященная сетчатым башням Шухова на Нижегородской выставке 1896 года. Затем изобретатель предложил обозреть три привилегии, выданные ему 12 марта 1899 года, на «ажурную башню», на «сетчатые покрытия для зданий», на «сетчатые сводообразные покрытия». Американцам ничего не оставалось, как принести свои извинения и сознаться, что первенство и в этой отрасли принадлежит не США.

Замечательный русский изобретатель, почетный академик Академии наук СССР, Герой Труда живо откликался на запросы практики, к какой бы отрасли техники они ни относились. Недаром его называли живой энциклопедией техники. Полтора десятка привилегий, патентов, авторских свидетельств, каждое из которых — яркая страница в истории отечественной науки и техники.

Выдающийся новатор-инженер прожил большую, полную неустанного труда и творческих исканий жизнь. Родился он сто лет назад, в 1853 году, умер в 1939 году. И всегда он смело прокладывал новые пути, неизменно опережая зарубежную технику.

Г. КОЛЬБИН

Первый русский шахматный клуб

Шахматы в России особенно широкое распространение получили с конца 40-х годов XIX века. В начале 1853 года фельетонист газеты «Петербургские ведомости», отмечая, что игра в шахматы у нас «с каждым днем приобретает все большую и большую известность», писал: «...если она не сделается скоро совершенно популярною, то этому помешает разве ее главное достоинство,— ее занимательные комбинации, требующие особенных способностей, изучения и даже таланта от игрока». Затем в этой же газете появилось сообщение, что в Петербурге возникло «Общество любителей шахматной игры», организованное «несколькими отличными игроками, о которых иностранные журналы отзываются с величайшим уважением», и что Общество «намерено устроить особый клуб».

В этом же году первый русский шахматный клуб был действительно открыт. Секретарем клуба был избран один из выдающихся теоретиков шахматной игры, К. А. Яниш. Частыми посетителями шахматного клуба были писатели И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Я. П. Полонский, И. И. Панаев.

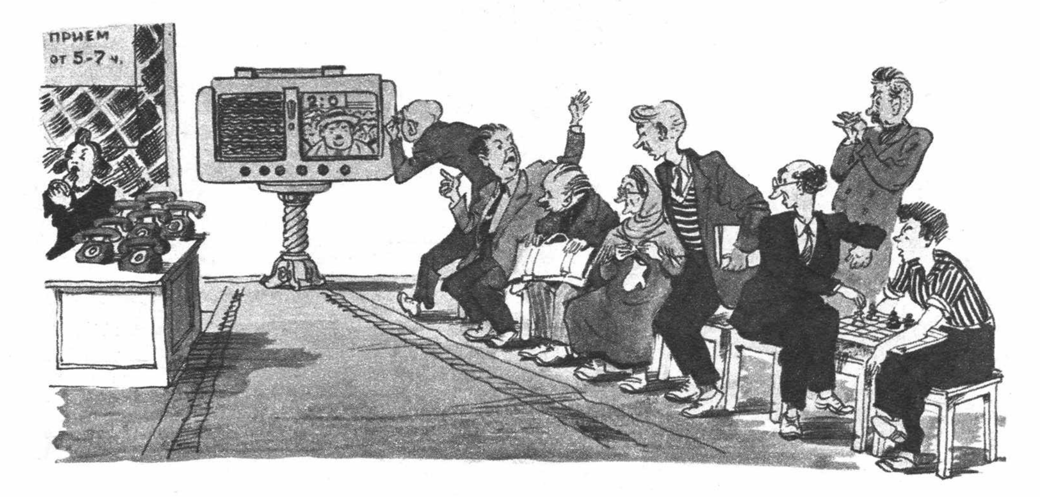
В «Петербургских ведомостях» дано следующее описание одного из первых турниров, которые были тогда новостью: «Участвующим в турнире разнесли в урне нумерованные билетики, на основании которых должны были составиться партии. Таким образом составилось восемь партий. По окончании первой игры побежденные лишились права на продолжение состязания, а победители составили новые партии, и так продолжалось до тех пор, пока осталось только двое игроков». Первый приз в описываемом турнире получил С. С. Урусов, второй — И. С. Шумов — один из сильнейших петербургских игроков того времени.

Шахматный клуб не замыкался в кругу своих профессиональных интересов, а откликался и на общественные события. Например, в декабре 1855 года клуб устроил торжественное чествование инженера Э. И. Тотлебена, руководившего работами по сооружению укреплений при героической обороне Севастополя.

Первый шахматный клуб просуществовал до конца 1860 года.

Н. А.

В приемной

— Вот наконец появился и заведующий...

Рисунок Ю. Черепанова.

„Крошка"

Фото Ан. Анжанова.

1

2

3

4

5

6

Родился он в начале января в Московском зоопарке. Был он тогда крохотным и весил всего 500 граммов. Его жесткая шерстка была настолько мала, что малютка казался почти голым. Впрочем, все это так и должно быть у новорожденного медвежонка.

Назвали его Крошкой.

1

Когда на стол рядом с ним поставили бутылку с молоком, Крошка так испугался, что, попятившись, чуть не свалился со стола.

2

Однако вскоре он разобрался, что ничего страшного нет. Вот он с аппетитом, причмокивая, сосет молоко из бутылки и даже придерживает лапой руку сотрудницы, чтобы та не убрала лакомства.

3

Медвежонок подрастал и понемножку знакомился с миром.

— Что это такое?

Крошка испуганно скалит зубы, но все же у него хватает решимости потрогать лапой неизвестный предмет.

4

Завязывается первое знакомство.

— Это как будто безобидный зверь...

Однако для начала лучше «побеседовать» на некотором расстоянии друг от друга.

5

Какой смешной шарик!

— Ой, да он больно колется...

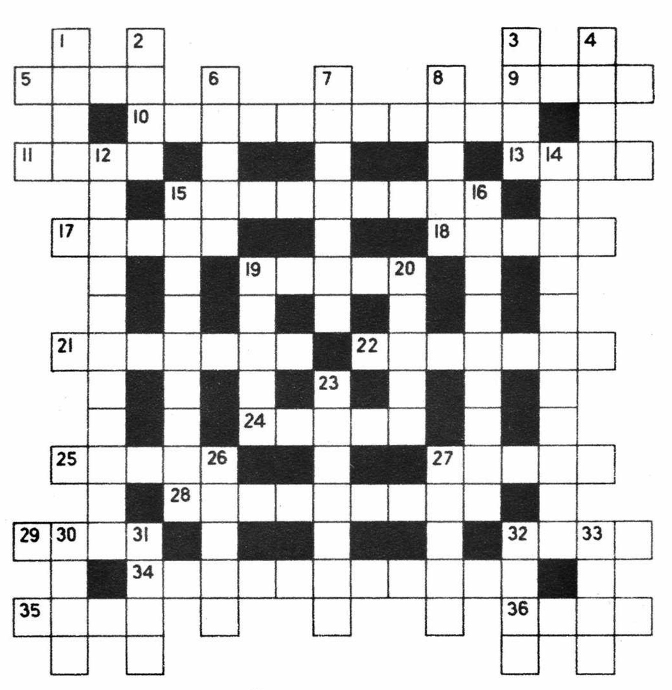
6

Через несколько месяцев Крошка уже настолько «повзрослел», что стал храбро разъезжать в автобусе вместе со своими «однокашниками» в парки и дворцы культуры в гости к юным друзьям — пионерам и школьникам столицы.

Крошка уже давно никого не боится. А характер у него добродушный, с ним и взрослые и дети могут возиться, как с безобидным щенком.

Н. НИКОЛАЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Отдельный снимок на кинопленке. 9. Пьеса В. Маяковского. 10. Учение о методах распознавания болезней. 11. Фонарь с отражателем. 13. Работник текстильной промышленности. 15. Русский режиссер, актер и театральный деятель. 17. Курорт-гавань на Черном море. 18. Очковая змея. 19. Водное пространство. 21. Рыбка из семейства карповых. 22. Переносное кресло. 24. Степная птица. 25. Созвездие. 27. Изменение уровня моря. 28. Прибор, применяемый в радиотехнике. 29. Выдающийся французский композитор. 32. Единица исчисления печатного текста. 34. Часть дроби. 35. Шерсть овцы. 36. Город Орловской области.

По вертикали:

1. Приток Волги. 2. Чешский писатель и политический деятель. 3. Хищная морская рыба. 4. Стебель некоторых кустарников. 6. Сладкое кристаллическое вещество. 7. Машинист в романе Н. Островского «Рожденные бурей». 8. Птица из семейства уток. 12. Альпийская роза. 14. Поэма Н. А. Некрасова. 15. Персонаж комедии А. Н. Островского «Таланты и поклонники». 16. Электроизмерительный прибор. 19. Взрывчатое вещество в патроне. 20. Старинный музыкальный инструмент. 23. Порядок построения. 26. Револьвер. 27. Отделение корабля между водонепроницаемыми переборками. 30. Один из Курильских островов. 31. Газ. 32. Город в Бельгии. 33. Атмосферные осадки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали:

3. Эквилибрист. 9. «Казаки». 10. Проток. 12. Скала. 14. Орхидея. 15. Диагноз. 18. Рота. 20. Позитив. 21. Плёс. 22. Гончаров. 23. Материал. 25. Тигр. 27. Миномет. 28. Анис. 32. Свирель. 33. Шаблова. 34. Сурик. 36. Мнение. 37. Обойма. 38. Мельникайте.

По вертикали:

1. Экзамен. 2. Истомин. 4. Ирис. 5. Ирландия. 6. Репа. 7. Батист. 8. Монгол. 11. Прерогатива. 13. Консульство. 16. Колорит. 17. Щипачев. 19. Анчар. 21. Парча. 24. Кольраби. 26. Герань. 29. Нельма. 30. Клинкер. 31. Шалость. 34. Сеть. 35. Коса.

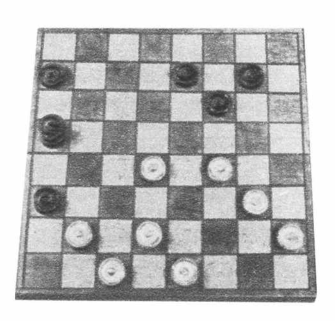
ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. Торчинского.

КОНЦОВКА

В. Звирбулис, г. Цесис, Латвийская ССР.

Белые начинают и выигрывают.

В этом номере на вкладках: репродукции картин Э. Делакруа „Потерпевшие кораблекрушение"; Г. Курбе „Хижина в горах", „Море у берегов Бретани"; Ж. Бастьен-Лепажа „Любовь в деревне"; К. Коро „Воз сена", „Порыв ветра" и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 05021. Подп. к печ. 18/VIII 1953 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 627. Заказ 1956. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Пасека колхоза имени Жданова, Камешковского района, Владимирской области, имеет 247 ульев. На снимке: пасечник Максим Яковлевич Сонин и молодой любитель пчеловодства Геннадий Филаретов.

Фото Дм. Бальтерманца.

Министерство легкой и пищевой промышленности СССР • ГЛАВПАРФЮМЕР

Цена номера 3 руб.

